

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ ПОЛЕ №2(14)

2015
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫПУСКАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

5 лет журналу
«Русское поле»

Слово редактора.....	3
Поле русской души	4

120 лет
Сергею Есенину

<i>Александра ЮНКО.</i> «Будь же ты навек благословенно...».....	9
--	---

Пушкинская
горка

<i>Николай Сундеев.</i> Роднее родного... ..	15
--	----

Звезда
над полем

<i>Тамара Шмундяк.</i> Цветы сквозь асфальт	20
<i>Олеся Рудягина.</i> Правильные черты судьбы	23
<i>Денис Башкиров.</i> «Ощущая под сердцем биенье стиха...»	27

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ
2015

<i>Год литературы.</i> «Литературная Евразия».....	31
--	----

Поле
славы

<i>Наталья Дашевская.</i> Две души, закалённые войной (Окончание).....	37
---	----

-Casa mare

<i>Светлана Кекова.</i> «А слово выходит из мрака...»	60
<i>Сергей Белкин.</i> Фисá	67
Кукурузное поле.....	72

Поле зрения

<i>Константин Мунтяну.</i> Ах, осень с блестящей росой!	86
---	----

	Зерна и плевелы	Александр Ковалов. Небесное дело 94	Алла Коркина. «Золотой надо мной орешник» 98
	Поле притяжения	Михаил Поторак. Рассказы 102	
	Жатва	Нелли Торня. Палитра одной судьбы 108	Эпистолярный урожай 114
	Я твой тонкий колосок	Александр Огушевич. «Золотой Петушок» в Кишинёве 121	
	В Россию? В Россию!	Сибирский Федеральный округ 144	

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*
 Редколлегия: *Сергей Пагын, Виктория Чембарцева,*
Татьяна Орлова-Волошина, Виктория Алесенкова,
Марина Сычёва

Литературный редактор: *Нелли Торня*
 Корректор: *Антонина Иванова*
 Художник: *Сергей Сулин*
 Вёрстка: *Людмила Ильина*

E-mail: russkoeполе-md@mail.ru
 ISSN 1857-1301

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

СЛОВО РЕДАКТОРА

Пятилетие – первый юбилей. Совсем несерьёзный человеческий возраст. Однако в ребёнке с рождения произошли колоссальные перемены: он понимает родную речь, самостоятельно передвигается, говорит, нередко умеет читать и считать, активно познаёт и оценивает мир, забрасывает взрослых вопросами; он замечательный творец – рисует, поёт, танцует, придумывает забавные слова и волшебные истории. И всё чаще и чаще звучит: «Я САМ!».

Говоря же о толстом литературном русском журнале, принимая во внимание время и место его издания, окажется, что 5 лет – и вовсе не такой уж мизер, если журнал умудрился выжить. Молдову сотрясают коррупционные скандалы, экономический кризис и политические катаклизмы, более миллиона наших сограждан выехали за пределы маленькой доброй страны в поисках заработка. Впервые в истории на этой земле матери добровольно на долгие годы оставляют детей, отправляясь на чужбину за лучшей долей. Они шлют им денежные переводы – вместо заботы, любви и нежности... Сокращается количество русских школ, впервые за 22 года не прошёл в Городском центральном парке Этнографический праздник: в разгар оппозиционного противостояния полиция призналась, что не сможет обеспечить правопорядок...

А мы – всё о высоко! Возвращаем из небытия горькие страницы непридуманной истории и забытые звёздные имена корифеев, стоявших у истоков музыкального, театрального и киноискусства родной страны, стараемся формировать художественный вкус соотечественников на примерах высокой современной поэзии, знакомим своего читателя с творчеством лучших поэтов и прозаиков Молдовы, России и ближнего, недавно братского зарубежья.

Поэзия, проза, переводы, драматургия, литературная критика, мемуары, сатира, исповеди современников давно прописались в «Русском поле», фиксируя во времени и пространстве след многих замечательных судеб. Мы проложили «Мост» через Днестр, к братьям по перу, живущим в Приднестровье, представляя их творчество на правом берегу. «Взлётная полоса» даёт путёвку в жизнь начинающим. Одноимённый Республиканский литературный конкурс для молодых выявляет одарённых ребят.

К сожалению, по объективным причинам журнал только в 2012 году издавался так, как задумывался – четыре раза. Выходим, увы, всего лишь дважды в год. Нельзя не отметить, что полтора номера были подготовлены при финансовой помощи администрации Курской области Российской Федерации. Низкий поклон!

Как бы там ни было, каждый номер – событие и для редколлегии, готовящей журнал с полной отдачей и тщательностью, с пониманием собственной ответственности перед согражданами и русским языком, и, надеемся, – для наших читателей. Событие, несущее открытия, радость и возможность, отрешившись от нервной повседневности, распахнуть душу навстречу Русскому Слову, непреходящим ценностям русской культуры.

Пользуясь знаменательным случаем, редколлегия журнала «Русское поле» благодарит своих читателей за поддержку, вдумчивое чтение и выражает горячую признательность тем, чьё доброе участие делает возможным выход журнала в свет: Российскому посольству и Российскому Центру науки и культуры в РМ, лично Чрезвычайному и Полномочному послу Российской Федерации в Молдове Фариту Мубаракиевичу Мухаметшину и руководителю представительства Россотрудничества, директору РЦНК Валентину Евгеньевичу Рыбцкому.

ПОЛЕ РУССКОЙ ДУШИ

Фарит МУХАМЕТШИН, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Республике Молдова

Сердечно поздравляю редакцию и читателей журнала «Русское поле» с пятилетием со дня выхода первого номера.

Пять лет – срок небольшой, но он показал, что издание с честью выполняет одну из важнейших своих задач – средствами художественного слова пробуждать в читателях-соотечественниках чувство гордости за принадлежность к России, к её истории и культуре, к великому русскому языку.

Отрадно, что особое внимание «Русское поле» уделяет сохранению исторической памяти о славных страницах общей истории народов России и Молдавии, в том числе о пребывании в Кишинёве великого сына России А.С. Пушкина, о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне и многое другое. Журнал помогает осмыслению непростых событий, происходящих в стране и в мире сегодня.

Важная заслуга журнала видится в том, что он постоянно поддерживает творческие устремления молодых талантливых авторов, предоставляя им свою трибуну. Журнал открыл для нас новые имена поэтов и писателей не только Молдовы. На его страни-

цах мы познакомимся с людьми, которые бережно хранят русский мир, благодаря которым русский язык и русская литература не только сохранены, но и продолжают развиваться в странах СНГ.

Литературно-художественные издания всегда являлись особой частью российской культуры. Однако в век Интернета и гаджетов практически все «толстые» журналы переживают непростые времена – люди молодого и даже среднего поколения отвыкают читать живое печатное слово, что сказывается на тиражах, влечёт финансовые проблемы. В таких условиях тем более важно не растерять до конца читающую публику, прививать молодежи любовь к художественной литературе. Понимать это и делать современный, востребованный журнал под силу только увлеченным, самоотверженно преданным Русскому Слову людям. Именно таким человеком является его главный редактор, председатель Ассоциации русских писателей Молдавии Олеся Рудягина.

Посольство России и представительство Россотрудничества в Молдавии оказывают посильную помощь в издании журнала. Мы понимаем, что этого недостаточно, но будем и впредь делать всё возможное, чтобы «Русское поле» ярко цвело на молдавской земле.

От души желаю коллективу редакции неиссякаемой творческой энергии, самобытных авторов и благодарных читателей.

Валентин РЫБИЦКИЙ, руководитель представительства
Россотрудничества в Республике Молдова

Почему «Русское поле»? Размышлением над этим вопросом председатель Ассоциации русских писателей Республики Молдова Олеся Рудягина пять лет назад благословляла новое литературно-художественное и публицистическое издание. Во вступительном эссе первого номера было и искреннее желание тематического и содержательного разнообразия, задаваемого ёмким для русского национального менталитета наименованием журнала; и осознание важной «охранной» миссии, которую должны нести живущие в Молдавии и пишущие соотечественники; и вера, что члены Ассоциации способны на страницах издания сказать пронзительные слова о происходящем в обществе и о Времени.

Сегодня, читая журнал «Русское поле», со всей очевидностью понимаешь, что главным редактором и его коллегами двигала тогда прежде всего огромная ответственность за судьбу русского языка в Молдавии, ответственность перед теми, кто стоял у истоков русскоязычной литературы в стране, кому судьба уготовила сложную, тернистую, но неминуемо мудрую стезю служителя Слову. И, конечно, ответственность перед исторической родиной, перед вековыми традициями русско-молдавского межкультурного общения, перед Пушкиным, для души которого молдавская земля была священна.

Прошедшая пятилетка для молодого журнала значима освоением пространства и шири русского поля, возделыванием своей живительной нивы. И была своя пахота, и свои посевы, и урожай, и жнивьё... А где пахота – там труженики-пахари, где простор земли и неба – там молодые жаворонки с их одухотворённой песней...

Пятилетний путь журнала с георгиевской ленточкой на обложке значим и его святым отношением к полю брани, полю праведной битвы наших народов с фашистскими захватчиками, полю бессмертного подвига и неувядаемой славы.

Спасибо вам, дорогие друзья, за то, что вы стали заметной точкой духовности и культуры на литературной карте наших стран, что ваш журнал не устает искать подлинные таланты, что его «полевые» рубрики – «Куликово поле», «Звезда над полем», «Поле притяжения» и др. – всё больше трогают сердца соотечественников, заставляя глубже думать и ярче сопереживать. Спасибо, что вы остаётесь важной вехой русского мира в Молдавии, способствуя его укреплению и распространению, содействуя сохранению «мирных глаголов», и в этом смысле вы – наша интеллектуальная опора, наши верные помощники в утверждении русских духовно-нравственных ценностей в полиэтничном молдавском обществе.

От души желаю творческому коллективу редакции вдохновения, оптимизма, новых имён и литературных открытий! А читателям – радости общения с полюбившимся журналом.

Татьяна МЛЕЧКО, профессор, ректор Славянского университета РМ,
председатель Молдавского общества русистов (МОПРЯЛ)

Журнал «Русское поле» с первых номеров и даже с первых строчек обращения редактора к будущим читателям и авторам расположил их к себе и не разочаровал в дальнейшем.

В журнале как цельном и многогранном проекте привлекательно многое.

Это россыпь прецедентных текстов в названиях рубрик, что очень органично продолжает и раскрывает название журнала.

Это бережное отношение к Слову: хорошие авторские тексты предполагают и хороший язык, выверенную стилистику и грамматику. При всей нелёгкой финансовой участи каждого издания этот журнал не отказался от литературного редактора. И какого!

Если говорить о литературном вкусе и профессионализме всего, что составляет каждый номер журнала, то в республике ему равных нет. Он у нас один такой на русском языке. Мне никогда не стыдно, более того – престижно, вручать наше «Русское поле» во время зарубежных командировок специалистам и друзьям, знающим цену литературному творчеству.

В журнале есть та неповторимая атмосфера, которая позволяет воспарить над повседневностью бытия, в которой вдруг светлеют мысли и душа наполняется высокими чувствами. Такое забытое и такое блаженное состояние, пусть и не очень созвучное сегодняшнему дню. Но ведь рождает это время своих поэтов и свою поэзию, а журнал предъявляет их творчество на ладонях страниц, как найденную жемчужину.

Речь, конечно, не только о стихах, но и о волшебной поэтике прозаических текстов.

Очень ценно, что, по традиционным канонам, в журнале рядом с художественными текстами присутствует публицистика. Темы злободневны и соотносятся со сверхзадачей именно этого издания, а авторы компетентны и воодушевлены возможностью высказаться не в пустоту.

Думаю, не только мне по душе мемуаристика в «Русском поле». Эхо прошлого не заглушает голоса молодых, а создает органичный диалог времён и поколений.

Наконец, хочется обратить особое внимание на журнал как на банк данных о нас с вами. Мне довелось использовать материалы «Русского поля» в своём исследовательском поиске облика современной русской языковой личности зарубежья. Без всякого сомнения, подборка журналов за пять лет – это потрясающий, естественный и достоверный материал для исследования того, что в своё время мы обозначили русской долей в культурном наследии Молдовы.

Мне очень хочется, помимо добрых поздравлений редакционному коллективу, пожелать журналу долгой и красивой судьбы. Пусть его с интересом читают преподаватели и студенты. Пусть его по достоинству оценят не только учителя-

словесники, но и те, кому они прививают любовь к чтению хорошей литературы. Пусть читателей и авторов всегда будет много и разных.

Каждый номер я беру в руки в предвкушении наслаждения и открытия. И никогда мои ожидания не бывают обмануты. Да будет так и впредь!

Игорь МИХАЙЛОВ, зав.отделом прозы, журнал «ЮНОСТЬ», Москва

«Русское поле» – не журнал даже, а способ существования. Стилль жизни. Эпоха, запечатленная в словах, дыхании.

Он делается вопреки жизненной логике, неустанно твердящей, что государства, в котором мы жили вместе, уже нет. А вот «Русское поле» есть, и старается собрать воедино осколки русского слова, жизни, несмотря на политические пристрастия, цвета.

«Русское поле» – это лоскутное одеяло нашей литературы, прошлого, настоящего и будущего.

Журнал делает группа единомышленников во главе с Олесей Рудягиной, которая, кажется, любит весь мир. И русский, и не русский, молдавский, румынский, украинский, белорусский, болгарский и прочая.

Дай Бог, чтобы журнал рожденный пять лет тому назад в любви, жил и дарил возможность авторам из разных теперь стран почувствовать себя опять рядом, вместе.

В хорошей компании!

Ольга ТИХОВСКАЯ, журналист, автор учебных программ по межкультурной коммуникации (Москва)

Об истории журнала «Русское поле» будут говорить и писать многие. В это первое пятилетие вместились немало! Есть над чем подумать и над чем пометчать.

Но не бывает истории без географии. И вот об этом – мои юбилейные свидетельские показания. Итак, свидетельствую: границы читательской аудитории журнала безбрежны. В пределах этой безбрежности я прошагала и проехала, пролетела и проплыла (по Енисею да по Амуру-батюшке!) – со стопками журнала в чемодане, со слайдовой презентацией в компьютере.

Сейчас о «Русском поле» знают в Нижнем Новгороде и Екатеринбурге, Орле и Брянске, Санкт-Петербурге и Твери, Петрозаводске и Вологде, Москве и Воронеже, Таллине и Тарту, Кра-

кове и Брно, Хабаровске и Владивостоке, Красноярске и Енисейске, в Омске, Иркутске, Чите.

Мою презентацию – с фотографиями авторов журнала, с кадрами из жизни Молдовы 2009-2015 годов – увидели университетские преподаватели и студенты, учителя и школьники, сотрудники библиотек и музеев. Как радостно рассказывать о «Русском поле» тем, для кого Молдавия сегодня – далёкая и туманная заграница. Как радостно и грустно мне быть псевдо-колумбом и заново открывать для бывших соотечественников нашу родную Молдавию, неотъемлемую, неотчуждаемую часть Русского Мира. Как важно знакомить соотечественников – пусть и на экране, в слайдовой презентации – с теми современными подвижниками культуры, чей личный взнос в лицевой счёт «Русского поля» неоценим. Бесценен!

С ними, авторами «Русского поля» – работниками молдавско-русского междуречья, солистами в богатейшем ансамбле культур, исторически сложившемся в Молдавии, – не так одиноко в постоянных путешествиях по глобусу.

Когда во время моих выступлений с экрана смотрят на новую аудиторию лица Олеси Рудягиной, Валентины Костишар, Олега Краснова, Николая Савостина, Петра Михайловича Шорникова, Миши Поторака, – я представляю своим слушателям эту галерею портретов не как многознающий экскурсовод, а как – всё ещё очарованный странник, открывающий новые человеческие миры.

Новые страницы истории и географии «Русского поля» уже в работе. Будет, будет прирастать биография журнала новыми публикациями и самое корневое – новыми авторами, новыми читателями. *«От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей...»*

120 лет Сергею Есенину

АЛЕКСАНДРА ЮНКО

«БУДЬ ЖЕ ТЫ НАВЕК БЛАГОСЛОВЕННО...»

Первое впечатление от стихов Есенина – безграничное пространство, что поражает, особенно, может быть, по сравнению с нашей пересечённой местностью. «В залихватском степном раздолье», «тоска бесконечных равнин», «хорошо с любимой в поле затеряться», «это сделала наша равнинность»...

Есенинское раздолье охватывает не только землю, но и небо, не только горизонталь, но и вертикаль. Второе измерение – высь – сразу привносит в картину мира те синие и голубые оттенки, которые в цветовой палитре поэта становятся тождественными понятиям более широким: отчего края и всей родной страны. Любой навскидку мгновенно вспомнит множество есенинских строк, озаренных этим земным и небесным светом.

Синий туман, снеговое раздолье...

Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звёзд благодать.

Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Голубая кофта, синие глаза...

Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.

Несказанное, синее, нежное...

В прозрачном холоде заголубели доли...

Стережёт голубую Русь
Старый клён на одной ноге.

Я покинул родимый край,
Голубую оставил Русь...

Если простор земной даёт душе распахнуться, развернуться, благо есть где, пространство небесное заставляет запрокидывать голову к звёздам и стремиться к недостижаемому.

Плывите, плывите ввысь!

Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть...

Но вертикаль не всегда добра, не всегда расположена к лирическому герою.

...Во мгле сырой
Месяц, словно жёлтый ворон,
Кружит, вьётся над землёй.

Чем больше опыт утрат и разочарований, тем сильнее смятение и бытийная тоска.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звёздного огня.

Как изменились со временем те самые звёзды, которые прежде дарили благодать! От пронзительного холода так и тянет укрыться. Самым надёжным местом есенинского пространства остаётся родимый кров. Родительская изба как ядро и оплот безопасности – неотъемлемая часть мироощущения Есенина. В этом есть что-то детское: «я в домике». Но образ уходит корнями в традиционное крестьянское сознание, в фольклор и глубже, в древнюю языческую мифологию. В то же время понятие «отчий дом» обогащено изысканной поэтической эстетикой начала XX века:

Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Вокруг дома ещё несколько «линий защиты» – двор, огород, сад, деревня. Дальше – исхоженные вдоль и поперёк окрестности: рощицы и леса, пастбища и поля, косогоры и овражки.

Выйдя за пределы знакомого и обжитого, лирический герой превращается в странника. Подобно сказочному персонажу, ему предстоит заручиться поддержкой дружественных или враждебных сил, пройти ряд испытаний, победить дракона, завоевать прекрасную царевну и вернуться в ореоле славы:

Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Многие исследователи полагают, что именно такой «психологической установкой», сознательно или бессознательно, руководствовался Есенин в разные периоды жизни.

Но реальность далека от сказки. Ведь Россия на переломе старого и нового – «страна, где свищет непогода».

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.

Слава обернулась скандальной, «бранной, заборной» стороной. Да и с царевнами что-то не заладилось. В роли чудища выступил город со всеми его соблазнами и уловками. Он заставил лирического героя пройти через всевозможные мытарства, наподобие кругов Дантового Ада. И так основательно исковеркал тело, измочалил душу, что выхода, кажется, нет.

На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог.

Но, как оказалось, город агрессивен не только по отношению к поэту: он готов пожрать и перемолоть то, что дорого Есенину, – деревню, родной край, всё необъятное пространство Руси, что вширь, что ввысь. Местонахождение дракона – в пещере, то есть – не на земле, не над, а под землёй, по аналогии с пеклом, в дымном чаду, в пьяном угаре. Не случайно в «Письме к женщине» фигурирует «трюм», он же русский кабаk, и появляются строки о себе, «пропащем»:

А мой удел –
катиться дальше, вниз.

Здесь, в этом «нижнем» мире, где правит бал «темная сила» и собран «хохочущий сброд», опошлен и обесценен даже столь любимый поэтом цвет.

Излюбили тебя, измызгали –
Невтерпёж.
Что ж ты смотришь так синими брызгами?
Иль в морду хошь?

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья, червь?

De profundis, из бездны вызывает Есенин:

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвячиной
Над пропащею этой гульбой?

В «Исповеди хулигана» (1920), как заклятие, как молитва, звучат слова о забытом детстве, о возвращении к истокам, о сердцевине, не затронутой тленом:

Я всё такой же,
Сердцем я всё такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.
Стеля стихов злаченные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.

Примечательно, что пять лет спустя стихи, начатые вполне мажорно: «Синий май. Заревая теплынь», – заканчиваются грустной нотой:

Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

Остывают порывы «розовой рани», на смену им приходит «холод осени синий»:

Ты не так теперь уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком...

Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Были синие глаза, да теперь поблёлкли...
Синие твои глаза в кабаках промокли.

Еще более драматично заканчивается одно из последних написанных поэтом стихотворений.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле...

«Синь» у Есенина есть прямое производное от «России» – звуковое, цветочное, смысловое. Потеря этого свойства означает и усталость от жизни, и крайнюю степень потери собственной личности сразу в двух планах – духовном и физическом.

Оттенки любимого цвета вспыхивают ненадолго в «Персидских мотивах», где экзотическая южная бирюза «голубой родины Фирдуси» переключается и рифмуется с родным и «далеким синим краем». Но тема расставания с насыщенным, полным жизни колоритом присутствует даже в бакинских стихах последнего года:

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы...

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму,
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.

Теперь и в мечтах бывшее безграничное пространство родины сузилось, высь осела, да и всё вокруг словно бы обесцветилось.

Холодный,
Ледяной туман,
Не разберёшь,
Где даль, где близь...

...Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытых хлебов не видали.

Голубыми остались лишь ставни «низкого дома», куда Есенин до последнего дня чаял вернуться, чтобы укрыться, отоспаться («исцели меня детским сном») и, быть может, возродиться.

Нет, и это ему было не дано. Не дошёл до дому с попойки – далеко не дружеской. Но в памяти человеческой остается не «тень с верёвкой на шее безмясой», с гениальной художественной энергетикой и дерзостью описанная в поэме «Пугачев». Для нас Сергей Александрович Есенин – большой русский поэт с изумительно чистым голосом и редкостным лирическим даром.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверьё, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

P.S. В юбилейном сборнике «Гой ты, Русь, моя родная!», выпущенном Есенинским комитетом РМ к 120-летию со дня рождения С.А.Есенина и 20-летию самого Есенинского комитета Молдовы, собраны произведения поэтов разных поколений и разного литературного опыта. Поэтому придирается к качеству текстов было бы бестактностью. Ясно, что между Сергеем Есениным, Сергеем Клычковым и Николаем Клюевым – и непрофессиональными, а то и вовсе самодеятельными авторами существует дистанция огромного размера. Но, как говорится, и кошка может смотреть на королеву. Практически каждый имеет право почтить память поэта в меру имеющихся в наличии сил, умений и талантов. И многим удалось достойно воплотить любовь и уважение к русскому гению, русской природе и русскому слову.

Однако есть исключения. При внимательном чтении коробит то и дело про-скальзывающее и ничем не оправданное фамильярное отношение к Есенину. У одного стихотворца споткнулась на обращении «Серёжа», у другого и того развязней – «Серёжка». Это все равно как Достоевского похлопать по плечу: «Эй, Федька!» Не представить подобную картину маслом, верно? Но почему же, в таком случае, можно позволить себе столь панибратское отношение к Сергею Александровичу, не будучи ни его другом, ни сватом, ни братом, ни, извините, собутыльником? В переводах молдавского поэта не совсем привычное и, на первый взгляд, озадачивающее величание – «господин Есенин», по крайней мере, звучит не в пример уважительней.

Читаем дальше. Одна из авторесс вдруг заявляет:

Есенин – сердца рыцарь мой!

И тут не без промашки. Ну никак Сергей Александрович не может быть ее рыцарем (галантным ухажером, если речь идет о даме), это она – его поклонница, а не наоборот.

Бес попутал и другого сочинителя, лихо написавшего:

Если вдруг среди праздных прохожих
Твоей Тани мелькнет силуэт –
Я за нею пойду и на ножик,
Невзирая на разницу лет.

Разница лет – да, конечно, немалая. Ведь Татьяну Федоровну Титову (1875-1955) даже ее любящий сын называл «старушкой». Помните, в старомодном ветхом шушуне? Стихи же о Тане или Танюше описывают ее молодые годы. Так что желание нашего земляка слегка приударить за матушкой Есенина, не вполне корректное и даже не вполне цензурное, – вряд ли уместно, согласитесь, обнародовать в сборнике его памяти. И ссылка на неведение не спасет, как нерадивого школяра, не выучившего урок литературы. Ведь предполагается, что читатели – еще и читатели, то есть люди, понимающие и знающие творческий путь и биографию властителя своих дум.

Извините, если кого-то обидела. Имён «проштрафившихся» не называю. Но и промолчать в данном случае не могу.

А. Ю.

Александра ЮНКО. Поэт, прозаик, эссеист. Живёт в Кишинёве. Родилась в 1953 году. Окончила филфак МолдГУ. Работала в школе, Доме-музее А.С.Пушкина, муниципальной еврейской библиотеке имени И. Мангера, различных СМИ. Как литератор и журналист печатается с 1968 года. Автор нескольких книг стихов, прозы (переводных, оригинальных и в соавторстве с Юлией Семёновой), сборника эссе «Гадание на Пушкине». Регулярно публикует рассказы, статьи и подборки стихов на интернет-портале «Подлинник». Стихи печатались также в альманахах «Связь времён», «Поэзия – женского рода» («Согласование времён»), «Порт-Фолио», журналах «Русское поле», «Дети РА», «Артикль», в сборнике «Прощай, Молдавия» (Тель-Авив – Москва) и др.

Пушкинская горка

НИКОЛАЙ СУНДЕЕВ

РОДНЕЕ РОДНОГО...

* * *

В этой песне советских времён,
может быть, и наивной немного,
нету позы, не пахнет враньём, –
неподдельны любовь и тревога.

Пусть проста она, да не пуста,
и, в застолье звучит ли, со сцены,
эти искренность и чистота
по высокому счёту бесценны.

В чём секрет её, мы не поймём.
Как-то авторы так угадали –
эта песня тревожных времён
не становится хуже с годами.

* * *

Эпоха давила, томила,
но всё ж от эпохи остались
не только тоска и усталость,
а что-то ещё и помимо.

Эпоха ввергала в унынье
и в строй загоняла, хоть тресни.
Но книги и фильмы, и песни
живут с тех времён и поныне.

ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА

– Он тебе еще пригодится. Зачем ты его отдаёшь?

Матвеев положил револьвер ему на колени.

– Бери. Он мне надоел...

Виктор Кин, «По ту сторону»

Продолженье истории той:
не на Дальнем Востоке герой
(развязались узлы, разошлись там),
а в Москве.
Вот он стал журналистом,

и – по горло забот и тревог...
Только как же он всё-таки смог
в этом вихре,
мятущемся круге,
не подумать ни разу о друге?

Происходит неладное с ним.
Что же память его?
Что же – совесть?
Может, автор бы нам объяснил,
Да, увы, не дописана повесть...

Ярко всё, замечательный слог,
не одна мне запомнилась фраза...

Как Безайс о Матвееве мог,
об убитом,
не вспомнить ни разу?

* * *

Роднее родного –
и дом тот, и сад, и сарай...
Как сделать, чтоб снова
не снился потерянный рай,

чтоб ветки упрямо
сквозь сон не тянулись ко мне,
чтоб папа и мама
опять не являлись во сне?..

Даровано много
в тех снах, столько счастья дано,
однако тревога
подспудно сквозит всё равно

и шепчет, что это –
всего лишь иллюзии власть,
и способа нету
в минувшие годы попасть...

* * *

Какое спокойное лето!
Отчётливей, ветер, качни
сплетенье раскидистых веток
и неба – в просветах – клочки!

Но сад наш почти неподвижен...
Малины отведаю власть,
и терпкость дразнящая вишен
язык мой и нёбо обдаст.

На грядках красны помидоры,
их мама сорвёт – и в салат,
а груши созреют нескоро,
и яблоки, и виноград...

Пропитан истомою воздух
просторных каникул моих
и нету предчувствий тревожных,
нет даже намёка на них.

Ведь этот покой – бесконечен,
не может сулить он беду...
Червей накопаю под вечер
и с другом рыбачить пойду.

* * *

Ориентиры в мутной мгле рассвета,
виднелись ивы, инеем одеты,
по сторонам дороги, а за ними
тянулись виноградники и нивы...

Такси трясло.
Пронзительно и жутко
свистело рассекаемое утро,
басил шофер, рассказывая что-то,
но – навалилась на меня дремота...
Я видел сад...
Там яблони и сливы,
густых ветвей приливы и отливы,
кот у забора, птицу стерегущий,
и – женщина под вишнею цветущей
стоит...
Глаза в предчувствии разлуки,
как города, забытые во вьюге,
печалются... О грустном шепчут губы...

Я – рядом с ней, и, улыбаясь глупо,
я говорю случайные слова,
но думаю:
а вдруг она права
в навязчивом предчувствии своём –
и не судьба нам с нею быть вдвоём?..

Проснулся я.
Мы мост переезжали.
Нелепый этот сон... нагнал печали...
Уехал я всего на пару дней,
не собираюсь расставаться с ней.
Я просто рано встал.
И путь невесел...

Туман стекло машины занавесил.

* * *

Нам кажется, что те,
с кем жить нам – не неделю,
а годы, как оно на свете повелось,
и любят нас не так,
как мы б того хотели,
и понимают нас
неважно, вкривь и вкось.

Нам кажется: они
постичь не в силах наши
порывы и мечты, стремления, дела.
Куда там, бог ты мой!
Их не хватает даже
на то, чтоб наша жизнь
без глупых ссор текла.

А те, с кем мы живём
Бок о бок – не неделю, –
что думают о нас?
Нетрудно угадать:
что любим их не так, как – ах! –
они б хотели,
не можем, не хотим,
не в силах
их понять.

Почаще вспоминай о ней,
предоставляй почаще слово –
пусть проявляется полней
твоя бессмертная основа,

та суть, что не замутнена,
та неизменная опора.
Уйдёшь, нескоро или скоро, –
с тобой останется она.

Если писать с оглядкой на то,
сколько всего уже написано,
и думать, что вряд ли сможешь
сказать что-то новое –
лучше не братья за перо.

Не берись за перо,
если не понимаешь:
все, что написано до тебя,
отражало совсем другой мир –

до вот этого облака,
до вот этого птичьего крика,
до вот этой улыбки
девушки, идущей по улице.

Обо всем этом
и о многом другом
в мире, меняющемся
на твоих глазах,
пока что никто
ничего
не написал.

Ровным счетом –
никто ничего.

ЕЩЁ ОДНО ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ

Поэзия
есть осознанная
необходимость
неба.

Николай СУНДЕЕВ – поэт, издатель, журналист. Родом из Молдавии. Окончил филологический факультет Кишинёвского госуниверситета. Работал в прессе, редактором в издательстве «Литература артистикэ». Был членом Союза писателей СССР. В 1992-1993 гг. издавал и редактировал первую в республике литературную газету на русском языке «Строка». Был инициатором создания и одним из руководителей Ассоциации русских писателей Молдовы первого состава, позже возглавлял Ассоциацию «Литератор».

Автор восьми поэтических сборников и книги очерков об узниках нацистских концлагерей. Стихи печатались в газетах, журналах, альманахах России, Молдавии, США, Канады, Германии, Израиля.

С 1994 года живет в Сан-Франциско (США). Бессменный главный редактор еженедельной газеты «Кстати».

Звезда над полем

Почти полгода назад, 15 июня 2015 года, умер Николай Сергеевич САВОСТИН. Патриарх с мальчишеской улыбкой, молдавский сибиряк. Известный русский писатель Молдовы, поэт, эссеист, публицист, переводчик, ветеран Великой Отечественной, заслуженный деятель искусств РМ, кавалер Ордена Республики. Был награждён орденами Отечественной войны II степени и «Знак Почёта», медалью «За отвагу». Лауреат Международной литературной премии имени великого князя Юрия Долгорукого, председатель Союза писателей «Нистру».

Автор более 40 книг стихов и прозы. На литературном поле Молдовы осталась широкая и глубокая борозда русского Савостина, и возделывал он её по-крестьянски добросовестно.

Масштаб этой потери для культуры Республики Молдова сограждане пока не осознают, люди сегодня отчаянно выживают, им совсем не до культуры. Голос поэта, в последние годы пытающегося докричаться до современников, достучаться до их сердец в страстных публикациях, посвящённых проблеме разрушения нравственных устоев в мире потребления, остался голосом вопиющего в пустыне...

Вместе с Николаем Сергеевичем, как страна, откуда мы родом, ушла эпоха – противоречивая и великая.

ТАМАРА ШМУНДЯК

ЦВЕТЫ СКВОЗЬ АСФАЛЬТ

Писатель Николай Савостин изображён сидящим на скамье посреди городской площади. Пустое пространство, с Савостиным рядом – цветы. Как они выросли на этой залитой асфальтом земле? – удивляешься.

Очень точный образ создала художница Валентина Георгиевна Руссу-Чобану. Всю свою жизнь в Молдавии, больше пятидесяти лет, Николай Сергеевич только и делал, что пробивал асфальт, чтобы помочь расти дружелюбную, культуре, великодушную. Объединял людей, открывая в них лучшее...

Ничего не зная о Савостине, сначала я о нём услышала. В 1964 году студенткой факультета журналистики МГУ я проходила практику в читинской газете «Забайкальский рабочий». Когда в редакции узнали, что я из Молдавии, посыпались вопросы, как живётся в Кишинёве их бывшему коллеге. Девочка из Бельцы, я ничего им сказать не могла. Удивилась только, с какой страстью они вспоминают Савостина.

Поняла я их потом. Когда работала в отделе культуры газеты «Советская Молдавия», куда Николай Сергеевич приходил со стихами и статьями. И позже, в счастливые времена выпуска газет «Литератор» и «Днестр». Тогда-то я и узнала, что возможность общения с Савостиным, даже по самым прозаическим поводам, – подарок судьбы.

Вот звонит Николай Сергеевич и спрашивает, что делаю. Уныло рассказываю, что перевожу учебник «Технологическое воспитание» и застряла на названии инструмента – не пойму, плотника или столяра. И слышу в ответ: «Помнишь Каштанку? Хозяин выговаривает ей: «Супротив человека ты всё равно, что плотник супротив столяра».

Много ли газетных публикаций остаётся у нас в памяти? А я до сих пор не забыла статью, лет сорок назад напечатанную в «Советской Молдавии». О том, что занимало Николая Савостина всю жизнь, – о силе поэтического слова.

Когда в Великую Отечественную войну, рассказывал он, калмыцкий кавалерийский полк перешёл на сторону немцев, в 1943 году по приказу Сталина калмыки были выселены в Сибирь, Калмыцкая автономная республика упразднена, а столица Элиста переименована в город Степной... Ничего, даже упоминания о калмыках, не должно было сохраниться. «Пушкин помешал, – воспроизвёл Николай Сергеевич свою беседу с поэтом Давидом Кугультиновым. – Всё можно было сделать, чтобы известить народ, пушкинскую же строчку „и друг степей калмык“ не вычеркнешь».

В румынском языке есть слова, к которым не подберёшь точного русского аналога. Я помню, как возмутился Григорий Виеру, прочитав русский перевод статьи, где Богдан Петричейку Хашдэу был назван книжником. Между тем, в этом определении нет ничего оскорбительного. Книжник, учёный – так переводится в большом румынско-русском словаре понятие «кэртулар». По Ожегову, книжник – любитель и знаток книг. Правда, в данном случае определению не хватает масштаба. Более уместное – «просветитель». Но и оно неточное. Исчерпывающим было бы – просветитель, передающий любовь к книге. «Кэртулар» – и всё тут. Таким останется Савостин в памяти Молдовы.

В 2000-м году Николай Сергеевич издал сборник «Заметки на полях судьбы». Воспоминания о Николае Костенко, Эмиле Лотяну, Павле Боцу, Валентине Рошке, Ионе Болдуме, Эмилиане Букове, Пауле Михне, Иосифе Балцане, Георге Богаче, Семене Пасько, Владимире Измайлове, других писателях и, конечно же, об Анне Лупан, Андрее Павловиче Лупане. Воспоминания пробуждали уважение, восхищение и любовь к братьям по перу. Когда в Департаменте национальных отношений проходила презентация этой книги, на трибуну вышел молдавский писатель и сказал: «А мы вот о своих такой книги не написали»...

В 90-х годах Николай Сергеевич и Анна Павловна Лупан купили дом в селе Старые Дубоссары. Завелась дружба с соседом, стариком-крестьянином. Его зять, успешный учёный-химик, любил беседовать с Савостиным. Однажды Ни-

колай Сергеевич заметил, что наступили времена, когда невозможно выпустить книгу. И тогда его собеседник предложил деньги на её издание. «Нет, – сказал Савостин, – лучше эти деньги потратить на выпуск газеты». Так появился «Литератор». Мы публиковали в нём русских, молдаван, румын, украинцев, болгар, евреев, гагаузов... Всех? Нет, только тех, кто, как нам казалось, отмечен Божьей искрой.

Более полувека в Молдове Николай Сергеевич занимался чрезвычайно важным делом – писал, рассказывал, объяснял, что делать, чтобы люди не враждовали, чтобы старались лучше узнать друг друга...

* * *

– А теперь кода, – завершила юбилейный вечер Савостина в библиотеке имени Ломоносова его племянница Татьяна Андреевна Лупан. – Когда Николаю Сергеевичу исполнилось 80 лет, родные пригласили его погостить в Нью-Йорке. Однажды они оставили его дома одного. Вечером он стал им рассказывать, сколько интересного повидал.

– Как? – поразились они: дом стоит напротив скоростной трассы, движение в 20 рядов, машины летят на сумасшедшей скорости.

– Как ты смог?! – спросили они в ужасе.

– А я бежал, бежал...

Тамара ШМУНДЯК – журналист, переводчик. Родилась в 1941 году в Бельцах. Окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. С 1965 года – корреспондент газет «Культура Молдовей», «Вечерний Кишинёв», «Советская Молдавия». С 1984 года – заместитель главного редактора журнала «Горизонт»- «Колумна». В 1995–2004 годах вместе с Н.С. Савостиным выпускала газету «Литератор», затем «Днестр».

В течение 10 лет – переводчик в Информационном агентстве «Молдпресс».

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА

ПРАВИЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СУДЬБЫ

...Смотрю на адрес электронной почты и не могу поверить, что с него больше не придут короткие письма от Николая Сергеевича с неизменным бодрым дружеским приветствием «Салют!», подборки стихов и очередные эссе из будущей книги «Когда жил я». Журнал «Русское поле» с удовольствием печатал их, несмотря на раздражённую критику тех, кто Савостина не принимал: вот-де, и в былые годы только его и печатали, и сейчас, понимаешь, редкие доступные для публикаций на русском языке страницы снова он занимает! Мы печатали его с радостью, потому что то, о чём писал Николай Сергеевич, актуально и невероятно созвучно сегодня сердцу каждого думающего человека. Потому что любил Савостин родную землю, которую мальчишкой защищал, потому что, будучи русским по духу, понимал, умел любоваться человеком другой культуры, религии, национальности. Потому что люди, с которыми был знаком, дружил в жизни Николай Сергеевич, – легенда русской литературы: Александр Твардовский, Константин Ваншенкин, Виктор Астафьев. Потому что и сегодня лучшие строки его стихотворений не устаревают, так как только о самом главном: о смысле, назначении человека на этой земле они, по сути.

...Теперь время от времени появляются свидетельства «дружбы» с Николаем Сергеевичем, сусальные воспоминания о нём околотитературной публики. Не думаю, что ему это понравилось бы. Но таков удел людей значительных. Их и при жизни допекают, а уж после ухода из неё...

Если внимательно вчитаться в стихи самодостаточного и внешне самоуверенного Савостина, станет очевидно, что поэт всю жизнь вёл с собой никому не ведомый незримый бой, сомневаясь и проверяя себя на «качество». Мне кажется, он хорошо знал свои слабости и старался пресекать их на корню, «припечатывая» в стихах. Недавно услышала от поэта Юрия Павлова мнение, что Савостин себя сдерживал, творчески ограничивал, не давал себе дерзновенно поэтически воспарить. Может быть. Он чурался излишеств, хаоса. В этом отношении и «воспарение» могло показаться ему побегом от «вниманья долгих дум», а этого он не смел себе позволить.

Николай Сергеевич мог быть разным – и жёстким, и непримиримым. Зря сейчас из него делают добренького умильного Деда Мороза. Противоречивость несколько не умаляет бесспорных достоинств личности, высокого профессионализма и самости. Поэт Савостин хорошо понимал и чувствовал, что такое миссия, предназначение, Честь поэта. Заставить его изворачиваться, лизоблюдничать перед сильными мира сего, поступиться принципами было невозможно никому. Работал – до изнеможения. Идеалам страны, которая его воспитала и вырастила, с которой прошёл Великую Отечественную, был верен до последнего вздоха. То, что творилось в годы после обрушения Союза, воспринимал очень остро и болезненно. Когда бомбили Югославию, он позвонил и прокричал, задыхаясь, в трубку: «Это же какая подлость, бесстыдство какое! Ты понимаешь, я дышать не могу! Слово Америка мне голым задом на лицо села!». Ему было физически больно от того, что происходит с людьми, как просто оказалось их – в массе – купить, оболванить, развратить и сравить между собой. В последние годы он часто

повторял: «К сожалению, фронтовое моё поколение уходит из мира, который стал не лучше, вопреки нашим надеждам, а гораздо хуже того, в который мы пришли».

В пору его расцвета и всесия, возможного в советское время при родстве с первым секретарём республиканского Союза писателей Андреем Лупаном, я Николая Сергеевича не знала. Но с детства видела дома сборники его стихов с карандашными пометками мамы, режиссёра ТВ, знала влюблённость её в работу над этим поэтическим материалом. Момент непосредственного знакомства улетучился из памяти, но году в девяносто третьем Николай Сергеевич дал мне рекомендацию в Союз писателей Республики Молдова, куда меня приняли в 1996-м. А когда в Каминном зале СП – святая святых литературной жизни! – мне позволили провести представление нового сборника «Дуэт в подземном переходе», – Савостин с радостью принял приглашение, прочитал стихи, пришёл на презентацию, горячо меня поддержал, отзывавшись о книге более чем положительно, за что я навсегда ему благодарна.

Я любила бывать у Савостина в гостях, в чистой строгой комнате, заставленной стеллажами с книгами. Николай Сергеевич садился в огромное кресло, жадно раскрывал принесённый мной очередной, только вышедший, номер «Русского поля», радостно пролистывал. Это было удивительно – лишённый своего «Литератора», без тени ревности, столь свойственной творческим людям, большой мастер Николай Савостин с первого мгновения благословил выход нашего журнала!.. Я любила слушать его замечательные монологи о былом, о людях-гигантах ушедшей эпохи, с которыми его сводила судьба, о жизненных перипетиях, о многочисленных, разбросанных по всему свету, со всем миром породнившихся, родичах; о путешествиях, книгах, поэзии. Однажды мы поспорили о Наталье Гончаровой. Николай Сергеевич пламенно любил Пушкина и не прощал его жене роковой дуэли и ухода Поэта. Оттого, думаю, и чурался внешней яркости и привлекательности: «В красивой женщине я вижу захватанность»...

Очень тепло относился к моей маленькой дочке Лизочке. Интересовался её жизнью, душевным ростом, школьными новостями. Радовался, когда мы приходили к нему вместе. Много раз шутливо цитировал нравящиеся ему строчки: «Елизавета – с гербами карета!..». Жаль, автора я не запомнила, а найти эти стихи в Интернете не удалось.

Обожал Николай Сергеевич только свою Анну. Жену. Друга. Молдавскую писательницу Анну Лупан. Потеря её для него была невыносима. Он много рассказывал о жене – неизменно с нежностью и уважением, тосковал о ней, часто ходил с цветами на Центральное кладбище. Лучшие качества людей этой ласковой земли – трудолюбивых, весёлых, талантливых – ассоциировались у него с её образом, с образом её могучего брата – архи-порядочного человека, поэта, крестьянина-интеллигента Андрея Лупана...

«Елизавета – с гербами карета...»

...Весной 2010 года маленькая делегация русскоязычных молдавских литераторов прибыла в Киев. Николай Сергеевич Савостин был объявлен Лауреатом Международной литературной премии им. Юрия Долгорукого. Он легко взошёл на сцену Музыкальной академии, где проходила церемония награждения, и, приняв диплом и цветы, глядя, прищурившись, в переполненный зал, сказал в микрофон: «Я – солдат старый, скажу только одно: «Служу Советскому Союзу!». Зал взорвался искренними аплодисментами...

Готовясь к презентации книги о нём, вышедшей в Чите, Николай Сергеевич попросил меня помочь ему провести вечер. Многолюдный, состоялся он в библиотеке им. М.В. Ломоносова (на сайте YouTube можно найти фрагменты этой встречи поэта с читателями). Савостин был замечательно красноречив, мудр, остроумен, как обычно – обаятелен, в каждой фразе жила мысль, вера в высокое предназначение поэзии, в Человека, любовь и интерес к жизни – со всем её великолепием и трагизмом. Как оказалось, это был последний его творческий вечер...

*Николай Сергеевич с друзьями
после своего творческого вечера.*

Хотя, нет, ошибаюсь. Судьба послала ещё одну встречу! Очень символичную. В июне 2014 года Ассоциация русских писателей РМ, при поддержке Российского Центра науки и культуры и Посольства РФ, проводила первый Международный фестиваль русской литературы «Пушкинская горка». После посещения усадьбы Ралли в легендарном селе Долна и официального закрытия фестиваля я, сожалеющая, что Савостин не принимает участия в празднике, испросила у Николая Сергеевича разрешения представить ему некоторых наших гостей: поэта Сашо Серафимова из Болгарии, россиян – Игоря Михайлова, заведующего отделом прозы журнала «Юность», замечательную православную поэтессу и писательницу Нину Орлову-Маркграф. Вот отрывок её воспоминаний о фестивале:

«...Впереди засияла еще одна нечаянная встреча. Нас решили непременно познакомить со старейшим русским писателем, сибиряком, волей судеб попавшим в Молдавию и прожившим здесь, в братской республике, многие годы. И вот мы идём к нему в гости. Я заметила, что дома советских интеллигентов, проживших большую часть жизни в Советском Союзе, словно бы отражают и тот быт, и тот дух, что царил в их больше не существующей стране. Они пережили и триумф, и разорение, и смотрятся, как памятники тому и другому. Войдя в квартиру русского поэта, заслуженного деятеля искусств Молдавии Николая Савостина, мы все сразу ощутили это. Вся обстановка комнаты и особенно ее главный хозяин – книжный шкаф, книги, торжественными рядами стоящие за стеклом, фотографии, даже все мелкие детали – всё отголосок той эпохи. Какое всё другое! Вот том стихотворений Александра Твардовского, с дарственной надписью собрату по перу Николаю Савостину. Николай Сергеевич открыт для беседы, охотно окунается в воспоминания, живо рассказывает о встречах с Твардовским, для него

это не прошлое, это и есть жизнь. Недаром его интереснейший цикл биографических бесед, напечатанных в журнале «Русское поле», называется «Когда жил я». Николай Савостин был на фронте, отмечен боевыми наградами, свидетель множества судьбоносных событий, которые происходили в стране. Да, ему есть, что рассказать. Дай Бог ему слушателей, по-настоящему любопытных и не ленивых. А нам пора, скоро вылет...»

*С. Серафимов, И. Михайлов,
Н. Орлова-Маркграф в гостях у Н. Савостины*

... На Вербное воскресенье я пришла к Савостину со службы из церкви – с нежными веточками вербы и яркими нарциссами. Николай Сергеевич уже давно был очень болен, прошлое и настоящее часто путались в его сознании. А в этот день встретил меня ясно и радостно. Назвал по имени, правда, решил, что я – с поезда. «Как добралась? Устала?!» Потом осёкся: «Я решил, что ты из Читы, а ты же здесь живёшь, в Кишинёве... А там, представляешь, меня помнят, выпускают книги!». Усадил на кровать, где сидел сам в подушках, – чистый, спокойный, улыбающийся, какой-то сияющий. Сиделка похвасталась, что заставляет своего подопечного потихоньку ходить по комнате, что они много читают. Возле кровати на стуле, рядом с другими книгами – удивительно! – лежал и номер «Русского поля» с одним из его произведений. Николай Сергеевич порадовался публикации своей подборки, составленной мной для «Литературной газеты» по просьбе редактора. Неожиданно вспомнил, как давно-давно, в юности, не стала с ним встречаться милая девушка, сельский библиотекарь, которая очень ему нравилась, объяснив кому-то свой отказ так: «У него слишком правильные черты лица!». Засмеялся. А потом, помолчав, кивнул на телевизор и проговорил: «Я всё смотрю. Будет война. Много разрушений будет. Жалко Киев... мы его освобождали от фашистов... Ты погляди, как они все ополчились на Россию! Но, как говорят, пьяная морда наткнётся на хоррроший кулак. Россия победит».

Это был наш последний разговор на земле.

Июнь, 2015 г.

Олеся РУДЯГИНА – поэт, публицист, прозаик. Родилась в Кишинёве. Публикуется с 1990 г. Автор шести поэтических книг, публицистических статей, ряда телевизионных передач о творческих людях Кишинёва, документального фильма.

Стихи, проза и публицистика печатались в периодике Молдовы и зарубежья.

С 2005 года – председатель Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

Учредитель и главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Русское поле». Инициатор проведения Международного фестиваля русской литературы в Молдове «Пушкинская горка». Награждена специальным призом Международного литературного конкурса «Русская премия»: «За вклад в сбережение и развитие традиций русской культуры за пределами Российской Федерации». В 2014 году удостоена почётного звания Республики Молдова «Maestru al Literaturii». Член СП Молдовы и СП России. Работает в телекомпании «MOLDOVA». Преподаёт в Славянском университете (кафедра журналистики). Защитила магистерскую диссертацию «Тема Родины в произведениях русских поэтов Молдовы» на кафедре славянской филологии.

ДЕНИС БАШКИРОВ

«ОЩУЩАЯ ПОД СЕРДЦЕМ БИЕНЬЕ СТИХА...»

От фасоли и до сонета

Сергей Никитич Маслоброд, замечательный учёный, поэт, пришёл ко мне в гости в лабораторию биохимии растений и, чаёвничая, обсуждая планы на проведение будущего совместного творческого вечера, как бы невзначай обронил:

– Кстати, ты знаешь, что в Кишинёве создаётся Союз русскоязычных писателей? И газета «Днестр» будет выходить на русском языке. Гонорары будут платить. Более того, я знаком с председателем – Николаем Сергеевичем Савостиным. Могу твои стихи ему показать, хочешь?

Институт генетики растений находился за «Воротами Кишинёва» – длинное пятиэтажное здание, окружённое полями для научных опытов. Если бы Сергей Никитич предложил перенести институт на Марс или Венеру, я бы меньше удивился.

Как поэт-самоучка я изредка публиковался в двух общественно-политических газетах – на последней странице, в рубриках «Творчество наших читателей». И вдруг такая новость...

Савостину показали мои стихи, он весьма сдержанно отозвался о них, пообещав уделить им более пристальное внимание в будущем. Что-то даже опубликовал в газете – маленькую подборку.

Близился День Победы, и однажды, затаив дыхание, я выслал Николаю Сергеевичу статью о Великой Войне под заголовком «Дедушка». Так мы и познакомились. Он сам нашёл меня, пригласил в СП на встречу.

Это наш дом...

Николай Сергеевич создал Общественный центр «Наследие А.С. Пушкина», а на его основе и Союз писателей Молдовы «Нистру». До сих пор помню, как нерешительно я топтался перед входом в здание Союза, переживал и боялся. Подумать только, – сам Савостин примет меня...

«...Сперва руководство республики и президент горячо поддержали нас, выделили хорошее помещение, помогли с выпуском сразу двух литературных газет – на русском и молдавском языках, которые сыграли свою роль в самое глухое время. Мы устраивали презентации новых книг. Интересно прошли конференции по творчеству Льва Толстого, Антона Чехова, Александра Блока, Михаила Эминеску. Эти мероприятия были многолюдны, содержательны. Мы оказывали мате-

При всех регалиях

риальную помощь писателям-пенсионерам, независимо от их политической принадлежности. К нам приезжала делегация “Литературной газеты” во главе с её редактором Юрием Поляковым. С большим успехом мы встречались с жителями нескольких районов. Надо было видеть, какой интерес вызвала у жителей города Сороки встреча писателей “Нистру” и “Литературки” в местном педучилище. В зале, как говорится, яблоку негде было упасть...».

(Николай Савостин, «Нам нечего делить с молдаванами»)

И Николай Сергеевич замечательно принял меня, более того, мы стали друзьями.

Уехав по его рекомендации на учёбу в Россию, я вскоре узнал, что помещение у СП отобрали, увезли даже старые компьютеры, выпуск газеты «Днестр» был прекращён. СП «Нистру» оказался прекрасной, но яркой и краткой мечтой.

Иногда мне кажется, что если я приеду в Кишинёв, смогу вновь попасть в кабинет Николая Сергеевича, пройти по прохладному и уютному коридору Союза в маленький актовъй зал с красивой сценой, зайти в помещение секретариата. Увы, теперь в этом здании обитает другая организация.

Осенние вечера

Окна его рабочего кабинета выходили на центральную улицу. Он любил сидеть в кресле, я садился на стул у письменного стола. На столе красовался старенький компьютер с защитным экраном, под стеклом столешницы – фотографии семьи. Когда наступали сумерки, мы включали настольную лампу, за окнами шелестел и вздыхал отголосками птичьих стай вечерний Кишинёв. Савостин рассказывал истории про свою жизнь? Нет, он всегда был немногословен. Я бережно храню многие его книги, одну из них, «Ночная гроза», нашёл в городе Колпино в Ленобласти совсем недавно. Практически всё, что я знаю о жизни Савостина, почерпнул из его книг и статей.

Обычно я задавал вопросы, а Николай Сергеевич очень лаконично на них отвечал.

Может ли писатель прожить «ни дня без строчки»? Да, может, если занимается сбором материала для произведений. Стоит ли писать каждый день? Нет, конечно. Писатели – тоже люди, они не могут работать постоянно.

Однажды он сказал:

– К чему столько вопросов? Если ты писатель, то будешь писать. И не важно, в каком возрасте к тебе придёт вдохновение. Важен тот труд, который ты оставишь потомкам. Есть люди, написавшие десятки книг, и, к сожалению, эти книги ничему не учат, не несут миру прекрасное. Есть люди, оставившие после себя то-енький сборник стихов, пронизанный мудростью и высокой поэзией.

Николай Сергеевич готовил к выпуску книгу «Честь поэтов». Много лет этот замечательный труд служит мне наукой, а порой и утешением в жизненных невгодах.

Рычаги дьявола

На одном из общественно-политических порталов Молдовы периодически появлялись статьи Николая Сергеевича. Савостин боролся. Боролся с подменой понятий, с невежеством и равнодушием, с засильем бескультурия и фальши.

«Рычаги дьявола сдвинули-таки шкалу ценностей в сознании людей. Новые “хозяйева жизни”, сами заражённые нэпмановски-мещанскими взглядами и опирающиеся на агрессивное мещанство, хотят морально разоружить людей. Сперва “развенчиваются” гении, а затем и просто таланты, идёт подмена высоко-го проявления ума и сердца всяческой белибердой. Давно замечено, что власти не нужна поэзия, – она ведь неподкупна и не несёт немедленной пользы, она единственная (тут поэзия понимается шире стихотворства) обладает способностью возродить в человеке человеческое и является основной ценностью жизни. Человек, чувствующий поэзию, не делается “винтиком”, автоматом, рабом».

(Николай Савостин, «Поле поэзии»)

Как удивительно – в статьях Николая Сергеевича заключено столько всеобъемлющей мудрости, столько науки – и эти удивительные статьи не стали широко известны! Почему? Ответ, думаю, в мироустройстве. Людей, действительно, морально разоружили. Хочется верить в то, что рано или поздно огромное наследие Савостина – объединяющие и предостерегающие размышления о людях и творчестве – помогут нам найти спасение от равнодушия и тотальной душевной обнищанности.

Осень поэтов

Высочайшее творчество – это поэзия. Она царит везде, разлита, как океан, – в небе и на земле. Поэт – тот, кто сохраняет жизнь. Так считали древние египтяне, об этом писал Николай Сергеевич Савостин.

Автор более четырех десятков книг всю жизнь учился поэзии, постоянно самообразовывался, создавал добро, боролся со злом и несправедливостью. Николай Савостин родился, жил и умер Поэтом.

Я часто открываю один из его поэтических сборников и вслух читаю любимое стихотворение – «Листопад»:

*Листопад, листопад. Просветлённое время.
Шелестят под ногами листвы вороха.
Выхожу поутру на дорогу со всеми,
ощущая под сердцем биенье стиха.*

*Праздник осени ясен и как-то тревожен.
Стаи галок, как сажка, над лесом кружат.
На бездымный пожар это буйство похоже –
Не потушишь уже.
Листопад,
листопад...*

.....

Вместе с листьями
Ветром уносит усталость.
И легка просветлённая горечь утрат.
Листопад...
Впереди ещё много осталось,
Можно много успеть...
Листопад,
листопад...

Денис БАШКИРОВ – поэт, прозаик, журналист. В прошлом – зоолог, специалист по хищным животным. В последние годы работал в области биохимии в Институте генетики Академии наук РМ.

Публиковался во многих странах мира. Учредитель портала «Подлинник».

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЕВРАЗИЯ»

Под таким названием прошёл Международный писательский форум в начале сентября этого года в Литературном институте имени А.М.Горького и стал одним из центральных событий Московской международной книжной выставки-ярмарки.

Участников и гостей форума приветствуют советник Президента РФ по культуре Владимир Толстой и и.о. ректора Литинститута Алексей Варламов.

Основная цель этого впервые организованного представительного собрания – способствовать диалогу культур, укреплению связей между представителями национальных литератур, формированию единого евразийского литературного пространства, укреплению авторитета художественной литературы в современном обществе – была достигнута.

Торжественное открытие форума состоялось в Доме Пашкова. Участников и гостей приветствовали советник Президента Российской Федерации по культуре В. Толстой, заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям В. Григорьев, заместитель директора Института мировой литературы имени А.М.Горького РАН А. Чагин.

Зам. директора Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН Алексей Чагин.

Награду Министерства культуры РФ – Почётный знак «За вклад в развитие культуры» – вручили заведующему кафедрой литературного мастерства Литературного института, доктору филологических наук, профессору, прозаику Сергею Есину. Принимая награду, Сергей Николаевич, в 1992–2006 годах ректор Литинститута, после слов благодарности заметил, что лучшим и высшим награждением для него станет реставрация исторической усадьбы Литературного института с её расширением и модернизацией для нового корпуса динамично развивающегося вуза. Тогда можно будет восстановить в необходимом сегодня виде отделение художественного перевода литератур народов России и других стран, о чём шла речь на памятном Всероссийском литературном собрании осенью 2013 года.

Событийным стержнем «Литературной Евразии» стала научно-практическая конференция «Война и мир в литературе. К 70-летию Великой Победы». Открыл конференцию и.о. ректора Литературного института, писатель, историк литературы, доктор филологических наук А. Варламов, напомнивший о значительной роли писателей школы Литинститута в литературе о Великой Отечественной войне.

Соответствующий настрой конференции задал первый секретарь правления Союза писателей России Геннадий Иванов, выступивший с докладом «Тема войны в современной поэзии России». Философски расширил тему китайский писатель Ма Юань, размышлявший о роли писателя в мирное время и на войне, а член-корреспондент РАН Н. Корниенко с академической широтой обозначила проблемы изучения литературы Великой Отечественной войны и о войне на современном этапе. Легендарный прозаик, председатель Союза писателей Азербайджана Анар (Анар Рзаев) представил выразительную панораму того, как развивалась тема Великой Отечественной – Второй мировой войны в азербайджанской прозе. Сложнейшую связь войны с духовными ценностями армянского народа раскрыл профессор Российско-Армянского университета Азат Егиазарян. О героических и трагических аспектах Великой Отечественной войны в современной белорусской литературе рассказал профессор, заведующий сектором Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси Иван Саверченко.

В содержательном докладе Ваджахата Асгара (Индия) «Война и мир в литературе Индии» новый для большинства слушателей литературный материал был представлен в широком историко-литературном контексте, учитывающем фундаментальные философско-художественные начала темы, заложенные Львом Толстым в романе «Война и мир».

Главный редактор «Литературной газеты», поэт, кандидат филологических наук Юрий Поляков, начинавший в своё время с изучения поэзии поэтов, погиб-

ших в годы Великой Отечественной, поделился своим видением сегодняшнего состояния наследия «стихотворцев обоймы военной».

Главный редактор журнала «Дружба народов», прозаик А. Эбаноидзе, посвятивший своё выступление анализу того, как военные конфликты отражаются в новейшей грузинской литературе, рассказал и о многообразной деятельности журнала «Дружба народов», продолжающего в неласковых финансовых обстоятельствах собирать и публиковать лучшее из появляющегося в литературах народов бывшего СССР.

Выпускник Литературного института протоиерей Владимир Чугунов (Нижегородская область), известный также как прозаик и издатель, размышлял о том, как отражаются в русской литературе духовные основы Победы в Великой Отечественной войне. Эту тему подхватили поэты, историки современной литературы Олег Дорогань (Смоленск) и Геннадий Красников.

Впечатляющим камертоном работы первого дня форума стал доклад профессора Литературного института В. Смирнова, с художественным изяществом и научной введливостью проанализировавшего стихотворение Георгия Иванова «На взятие Берлина русскими».

Многообразный материал по генеральной теме форума был представлен в докладах «Концепты Памяти и Родины в современной военной прозе Казахстана» заведующей отделом Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова С.В. Ананьевой (Казахстан), «Киргизские писатели о войне против фашизма» председателя Национального союза писателей Киргизской Республики Акбара Рыскулова, «Тема войны в произведениях русских поэтов Молдовы» председателя Ассоциации русских писателей Республики Молдова Олеси Рудягиной, «Тема Великой Отечественной войны в монгольской прозе XX века» писателя Гун-Аажавын Аюурзана (Монголия), «Великая Отечественная война в таджикской литературе: взгляд в прошлом и в настоящем» Абдурахмона Абдуманнонова (Таджикистан), «Современная петербургская поэзия: война глазами детей и внуков Победы» председателя правления Санкт-Петербургского отделения СП России Б. Орлова, «Литература о военных конфликтах последних времен» московского прозаика А. Сегеня.

На следующий день форум продолжил работу в усадьбе Литературного института на Тверском бульваре, 25. В читальном зале института была развёрнута выставка книг о Великой Отечественной войне, вызвавшая у гостей и участни-

Выступает председатель Ассоциации русских писателей Республики Молдова Олеся Рудягина.

*Президент независимого центра
«Институт Ближнего Востока»
Евгений Сатановский.*

ков форума чрезвычайный интерес. Наряду с известными, ставшими классикой произведениями были показаны редкие издания, незаслуженно забытые книги.

Запомнилась участникам писательского форума встреча с президентом независимого научного центра «Институт Ближнего Востока» Евгением Сатановским. В динамичном выступлении, насыщенном многообразной, во многом научно новой и политически неожиданной информацией, известный аналитик рассказал о своём видении современных мировых проблем и месте деятелей литературы и искусства в противостоянии насилию, национальной розни, конъюнктурной пропаганде. Он ответил на многочисленные вопросы слушателей, которые естественным образом переросли в живой диалог искушённых, профессионально мыслящих людей.

Состоялись встречи с известными российскими писателями Павлом Басинским и Сергеем Есиным и с ведущими российскими переводчиками Владимиром Бабковым, Виктором Гольшевым, Марией Зоркой, Натальей Мавлевич, Валерием Модестовым и Евгением Солоновичем.

В центре внимания трёх Круглых столов были вопросы, связанные с художественным осмыслением событий Второй мировой войны в национальных литературах и значения победы над нацизмом, а также проблема формирования исторически правдивого подхода к событиям Второй мировой – Великой Отечественной войны.

Писательский Круглый стол – «Писатель и война: диалог поколений» – начался с презентации фильма «Поэзия подвига», подготовленной сотрудниками Центральной универсальной научной библиотеки имени Н.А. Некрасова. С докладами выступили китайский писатель Лю Чженьюй и индийская поэтесса Анамика, туркменский писатель, ветеран Великой Отечественной войны Рахим Эсенов, молдавский поэт и драматург Андрей Бурак и узбекский поэт Баходыр Ахмедов, московский прозаик Сергей Есин и аварский поэт Магомед Ахмедов, а также литературоведы Иван Саверченко (Беларусь), Сергей Дмитренко, Борис Леонов, Мунира Уразова, Сергей Федякин и Екатерина Дьячкова из Москвы.

Молдавский поэт и драматург Андрей Бурак.

Участники Круглого стола «Вторая мировая война: мифы и реальность» – писатели, филологи и историки: Ранджана Саксена (Индия), Александр Иванов (Киргизия), Ато Хамдам (Ходжаев) (Таджикистан), Илья Бояшов (Санкт-Петербург), Арсен Титов (Екатеринбург), С. Е. Михеенков (Калужская обл.) и московские исследователи Александр Торопцев, М. Айвазян (ИМЛИ РАН), Б. Серазетдинов (ИРИ РАН), А. Зимин, З. Кочеткова, А. Орлов, Е. Юрчик.

«Проблема сохранения национального и исторического колорита подлинника» – тема третьего Круглого стола, участниками которого стали ведущие зарубежные и отечественные переводчики.

На форуме был объявлен конкурс для молодых писателей на лучшее произведение о войне.

Писатели приняли «Обращение участников Международного писательского форума “Литературная Евразия” к читателям и издателям, всем деятелям культуры», в котором говорится:

«Семьдесят лет назад закончилась самая страшная в истории человечества война. Она унесла жизни десятков миллионов людей по всему свету, вызвала катастрофические разрушения, дала миру примеры высокого героизма и предательства, мужества и трусости, великодушия и корысти. Всё меньше остаётся на земле тех, кто в войне участвовал и помнит её грозные годы, но опыт военных поколений хранится в народной памяти, одной из форм которой стала литература. Очень разная, сложная, экспрессивная, по-своему оценивающая уроки войны, но одинаково призванная защитить человека и его достоинство в нашем прекрасном и яростном мире. В начале сентября 2015 года в Москве на форум, посвященный Великой победе над злом, собрались писатели самого большого на земле и более всего от войны пострадавшего континента – Евразии. Прозаики, поэты, драматурги, переводчики, критики, учёные из Азербайджана и Армении, КНР и Индии, Беларуси и Италии, Казахстана и Киргизии, Молдовы и Узбекистана, Монголии и Туркмении, Таджикистана и Турции, Ирана и России. Два дня работы форума и неравнодушные, глубокие выступления его участников показали, что при всём разнообразии наших культур и укладов, языков, способов начертания слов, традиций и иерархии жизненных ценностей нас объединяет скорбь о жертвах Великой войны и тревога о том, что в разных краях нашего континента вновь льётся кровь, гибнут люди и остаются сиротами дети.

Когда-то выдающийся русский мыслитель и писатель Александр Иванович Герцен произнёс слова, которые можно считать универсальной формулой литературы: “Мы вовсе не врачи, мы – боль”. Писатели не могут предложить действенного рецепта, как остановить насилие, уничтожить несправедливость и уменьшить зло, но их живое слово, их чувство, опыт, ин-

Молодые китайские писатели.

Гостья из Индии – поэтесса Анамика с переводчиком.

Поэт из Узбекистана Бах Ахмедов.

Писатели, участники форума возложили цветы к Мемориальной доске памяти студентов Литинститута, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

туция способны воздействовать на человеческий разум. На форуме мы вновь услышали эти слова, и будем прилагать наши силы к тому, чтобы человеческой боли на нашей планете было меньше, чтобы она преодолевалась силами Добра. Зовём всех встать с нами в наш строй людей, обращённых к миру со словами согласия и надежды».

На форуме многие участники говорили о необходимости дальнейшего развёртывания этого важного литературно-мирового творческого начинания, высказывались и практические предложения, важнейшее из которых в нашей стране предельно актуализировалось в последние годы. Формирование и развитие в обществе исторической памяти невозможно без книги, без постоянного издания и переиздания богатейшего литературного наследия, посвящённого Великой Отечественной – Второй мировой войне. Эта проблема, связанная с авторскими правами, была эффективно решена в советском законодательстве, но в постсоветское время правовая неопределённость практически изгнала из современного книгоиздания традицию антологий. Участники форума выразили уверенность, что совместными усилиями Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и российских законодателей эта проблема будет, наконец, снята.

(По материалам сайта Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям)

Поле славы

НАТАЛЬЯ ДАШЕВСКАЯ

ДВЕ ДУШИ, ЗАКАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

В прошлом номере мы опубликовали первую часть книги, повествующей о Герое Советского Союза полковнике Алексее Бельском, чей батальон освобождал наш город во время боёв за Кишинёв, и о его супруге, военном хирурге Лидии Бельской. Документальная повесть эта приурочена к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Представляем вниманию читателей продолжение книги.

(Окончание. Начало в №1 (13) 2015.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЕГЕНДЫ БЫЛИ ЗНАКОМЫ ЗАОЧНО

С Алексеем Бельским они встретились только в Берлине. Всё военное время он шёл в авангарде полка, она – в арьергарде. О дерзости и отваге Бельского много писали во фронтовых газетах, о его первом штурмовом батальоне гремела заслуженная слава не только по всей дивизии, но и по всему фронту. Задачей батальона Бельского было всегда идти впереди, первым прорывать оборону неприятеля и прокладывать дорогу полку и дивизии.

Первый штурмовой батальон в своём командире души не чаял. Бойцы верили в него такой крепкой солдатской верой, что готовы были идти, куда бы он ни приказал, хоть в ледяную воду, хоть в огонь. О нём все говорили тепло и уважительно, как о батяне, восхищались беспримерной храбростью комбата, которая удивительным образом сочеталась в нём... с застенчивостью. Он, к примеру, никогда не употреблял солёных словечек, а тем более матерных. Люди высоко ценили его талант стратега и тактика. А более всего – простоту, душевность, отечески заботливое его отношение к бойцам, как к сыновьям.

Скажем, с вечера поступал приказ: утром прорвать оборону. Он отправлял солдат отдыхать, а сам под покровом ночи, у немцев под носом, разведывал местность. Полз, крался, исследовал их дислокации и записывал всё в свой блокнот:

там – минные поля, тут – тяжёлая артиллерия, слева – танки, справа – дзоты. Зрение у него было соколиное, а бесшумностью движений мог поспорить с рысью. Комбат так дорожил своими ребятами, что не позволял им в плохом состоянии выходить на поле боя. Утром, построив их, спрашивал:

– Братцы, кто себя плохо чувствует, выйти из строя! Кто получил дурные вести из дому – тоже выйти из строя! Вы в бой не пойдёте. Получите другое задание. Мне вы нужны не мёртвыми, а живыми.

Так отсеивал он бойцов с физическими недомоганиями или душевными переживаниями, а потом обдуманно распределял по участкам оставшихся – минёров, сапёров, штурмовиков.

И вёл их в бой.

По ранжиру командиру пехотного батальона полагалась лошадь. Но никто никогда не видел Бельского гарцующим на ней. Какая бы его ни одолевала усталость, как бы ни клонило в сон, он всегда шёл рядом со своими солдатами.

Когда в конце войны командующий 5-й армией маршал Берзарин, особо ценивший Бельского, решил взять его к себе в штаб, бойцы попросили командарма, буквально взмолились: не забирайте комбата.

– Не будет Бельского – не будет первого штурмового, – повторяли как заклинание.

И оно сработало, Берзарин пошёл солдатам навстречу и оставил им их командира.

Ну а Бельскому о докторе Лиде рассказывали вернувшиеся в строй после ранения бойцы. Всегда с искренним почтением и нежностью. Так что эти две живые легенды были знакомы, но только заочно.

При этом ведь она однажды обрабатывала его раны. Интуиция не шепнула тогда ей, что он станет для неё самым дорогим человеком. Известно ведь, что хирурги оперировать родных и близких избегают: трудно быть хладнокровным с дорогими сердцу людьми, а волнение в таком деле – плохой помощник.

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНИЙ ДИРЕКТОР ШКОЛЫ

Коренной сибиряк Алексей Ильич Бельский появился на белый свет 30 марта 1914 года на станции Гольшманово Омской железной дороги в семье тамошнего служащего. Когда мальчику с васильковыми глазами исполнилось два года, овдовевшая мать с сынишкой переехала на Новосибирщину, в большое, но бедное село Лягушье Купинского района. Там старшая её дочь Августина Ильинична, уже замужняя, директорствовала в школе.

Опрятная, серьёзная, со стопкой тетрадок под мышкой – такой запомнилась сестра маленькому Алёше. Он учился под её началом, а потом и сам стал учителем. Это сегодня восемнадцатилетние переростки протирают штаны за партой, а тогда дети выросли очень рано.

Село это ныне конфигурацией своей напоминает птицу с одним крылом. А раньше оно представляло собой одну очень длинную улицу. Отделённое от огородов изгородями, до сих пор тихо плещется в пологих берегах озеро Горькое – голубой глаз в ресницах тёмных стрельчатых сосен. Местность вокруг – ровная, как стол, ни холма, ни кургана.

Там прошло Алёшино детство и отрочество со всеми таёжными радостями – ягодным и грибным изобилием, рыбалкой, битьём кедровых орехов, заготовкой

на зиму сухостоя и дров. С катанием на лыжах в погожие зимние дни да чтением книжек при керосинке, на печке головой к свету. Эх, как хорошо было читать романы и повести, принесённые сестрой из районной библиотеки, в суровую стужу, под завывание вьюги, с утра до ночи, пока мать не задует лампу! Тогда можно было продышать дырку на оконном стекле, покрытом толстым узорчатым инеем, и увидеть шастающих по улице от бескормицы медведей.

Зверья в тайге водилось видимо-невидимо, и Алёша при случае не отказывался сходить на охоту со свояком. Сердце его не расположено было живность убивать, зато стрелять по шишкам он научился весьма метко.

Весной лесные опушки заливало черёмуховой кипенью. Летом заедал гнус. Осенью в голове сами собой выпевались пушкинские строки об одетых в багрец и золото лесах. А с октября по апрель вокруг царили покой, тишина, снежное блаженство.

Однако беспечного детства в привычном понимании этого слова у Алёши не было. Лишь подросток и стал оперяться – тут же взвалил на себя ответственность за деревенских ребятишек. Шестнадцатилетним, окончив школу крестьянской молодёжи, он стал директором начальной сельской школы. Преподавал историю, географию и математику. Усы ещё только начинали пробиваться, а его уже все, от мала до велика, величали Алексеем Ильичом. Он был одним из самых уважаемых людей в деревне. А с 1933 по 1940 годы Алексей уже работал инспектором Купинского РОНО и директором неполной средней школы в селе Лягушье, одновременно учась в Томском пединституте на историческом факультете.

Какой характер выковала в нём Сибирь? Типичный для тех мест. Обезоруживающая, спокойная открытость. Взгляд – прямой, зрачками в зрачки, что присуще только очень честным людям. И деятельная доброта. Он был лёгким, спортивным, ловким – лазанье по высоченным кедром не прошло даром. Весёлым и компанейским, сыпал юмором, что свойственно всему жизнелюбивому народу Сибири. И, конечно же, хорошо пел. Без душевного пения немислимо было тогда ни одно семейное праздничное застолье.

Известно, что гитлеровцы панически боялись сибиряков: те умели драться, как львы, поддерживая друг друга во всём. Сорок сибирских дивизий, переброшенных под осаждённую Москву, переломили ход войны и отбросили врага от советской столицы. Четыреста тысяч фашистов остались лежать на подступах к Москве. Германская военная машина, подмявшая под себя Европу, была в те дни впервые остановлена, а миф о её непобедимости рассыпался в прах. И одним из тех бесстрашных сибиряков был Бельский.

ИЗ ПОЛИТРУКА – В КОМБАТЫ

После окончания института, за год до начала Великой Отечественной – в мае 1940-го – Алексея призвали в армию. И отныне вся его дальнейшая жизнь была посвящена ей, прошёл путь от курсанта до полковника. Его звали ходячей энциклопедией, ибо он историю знал как никто другой.

Ещё будучи директором школы, как всякий советский служащий, он был политически подкован, а значит, наслышан о полыхавшей в Европе войне. Весной 1941 года Бельского направили в Минское высшее военно-политическое училище, где он посещал лекции всего пару месяцев. Фашисты напали на СССР и в начале войны рьяно наступали, курсанты вместе со своими преподавателями вы-

нуждены были отойти на восток. Дороги были забиты беженцами, по пути следования он увидел разрушенные города и посёлки... Это был кошмар, в который никак не хотелось верить. За первый месяц войны Алексей почувствовал себя старше лет на десять.

До конца своей жизни он не мог забыть одну трагедию. Стоял жаркий июльский полдень. Метрах в пятидесяти от дороги, где остановились курсанты, чтобы дать остыть перегретому двигателю их грузовика, бегали двое ребятшек. Они пасли корову, привязанную длинной бечёвкой к колышку. Девочка рвала цветы, мальчик гонялся за бабочками. И вдруг из-за леса вынырнули два «мессера». Курсантские машины были хорошо замаскированы, стервятники их не заметили и пронесли мимо. Но потом вдруг развернулись и сделали второй заход. Но спикировали не на машины, а на детишек.

Девочка схватила брата за руку и понеслась к лесу. Её трепавшееся на ветру белое платьице так контрастировало с зелёным лугом! Перед самой опушкой малышка упала, как подкошенная, лицом в траву. Не помня себя от горя, Бельский бросился к ребёнку. Платьице на спине стало алым. В ручке она сжимала букетик медуниц. А мальчик стоял рядом, и в расширенных глазёнках его плескался ужас. Те детские глаза Бельскому уже не суждено было забыть никогда. Внутри у него тогда что-то больно-больно кольнуло и оборвалось. Будто тумблер щёлкнул какой-то, и до краёв наполнился он яростной ненавистью ко всему фашистскому отродью. И потом всякий раз, когда ему предстояло совершить невозможное для уничтожения врага, он представлял себе тех до зубов вооружённых нелюдей, защищённых железным чревом истребителя, которые сделали специальный заход, чтобы подстрелить детей, как дичь. Они думали, что кругом нет никого, и никто не заметит их «мелкой шалости» по отстрелу малышей. Но их очень хорошо заметил Бельский, будущий герой войны, который вскоре станет их разить, косить. И захлебнувшийся крик маленькой девочки каждый раз будет звать его к отмщению до победного конца. Этим бездушным двуногим нельзя было разрешить ходить по земле.

...Ускоренными темпами, проучившись ещё два месяца, он завершил своё образование и был выпущен в звании младшего политрука.

На бумаге перечисления передвижений войск, названия войсковых частей, местностей, цифры и факты, понятное дело, утомительны. А для фронтовиков, ковавших Победу, эта цифирь долгие послевоенные годы звучала как музыка. Она дисциплинировала, она сообщала мужскому существованию в мирной жизни значимость и некую фронтовую таинственность. Она звучала как пароли, по которым узнавали своих – полевых фронтовиков, которых ни за что не спутаешь с интендантами-штабистами, устраивавшимися в тёплых безопасных местечках. Так что без сухой фактологии не обойтись.

Горько и обидно Бельскому было вспоминать, как они отступали. И радостно, когда, наконец, заставили фашистов драпать. Пока одни наши части доколачивали окружённую группировку гитлеровцев под Сталинградом, другие направились на запад, и Бельский – с ними. Его назначили в 160-ю стрелковую дивизию комиссаром отдельной зенитной батареи, и уже скоро он стал комиссаром первого штурмового батальона. Молодому политруку предложили вступить в коммунистическую партию, и он написал заявление.

Его дивизия сражалась под Харьковом в сильные морозы. В страшном, кровопролитном бою смертельно раненый командир батальона упал на мёрзлую

землю ничком, уткнувшись лицом в снег. Бойцы остановились и залегли. Политрук подполз к комбату.

– Прощай, Алёша, – едва слышно прошептал командир. – Надо поднять людей. Здесь задерживаться нельзя.

Бельский встал во весь рост. Своим поставленным учительским голосом он привык говорить с учениками тихо и доверительно. А тут понадобилась вся мощь лёгких и голосовых связок. Залёгших под ураганным огнём солдат нужно было поднять и повести в бой. И он зычно прокричал:

– Батальон! За мной!

И бойцы все как один поднялись и побежали вслед за комиссаром по заснеженному полю в своих белых маскхалатах. Их несло, словно на невидимых ресорах. Они добежали до цели и повергли врага в бегство.

Это было какое-то чудо. «Смелого пуля боится» – присказка не наврала, это работало!

В сумерки вражеский опорный пункт, отнявший комбата у батальона, был взят. Подразделение справилось с поставленной задачей, и на завтра Бельский был назначен командиром первого штурмового батальона.

За успешное руководство боевыми действиями части, за личную храбрость, инициативу и находчивость в февральских боях 1943 года он был награждён Орденом Красного Знамени. Это была первая его боевая награда – маленький кусочек металла, инкрустированный цветной эмалью. Знак его командирского крещения в яростном бою. Орден напоминал ему с тех пор: видишь, Алексей Ильич, сельский учитель, ты сумел стать настоящим боевым командиром!

Орден Красного Знамени в то время был первой и главной официальной высшей боевой наградой Советской страны. Его присуждали выдающимся военачальникам, войсковым частям, военным кораблям, государственным и общественным организациям. Кавалеры его носили гордое название «Краснознамённый». Подвиг Бельского был приравнен к подвигу большого коллектива.

И таких доблестных деяний он совершит ещё очень много. Вот одно из них. Зимой 1943 года разгромленные под Курском немецко-итальянские войска массово отступали за Дон. На одном ночном марше батальон Бельского наткнулся на итальянский корпус, раскинувшийся лагерем в морозной степи. Весовые категории этих двух воинских частей несоразмерны: батальон – несколько сотен человек, корпус – несколько тысяч. Что делать? Улизнуть в лес и переждать? Но тогда это не про Бельского.

Окружающие замечали: всегда спокойный, он становился весьма беспокойным, когда речь заходила об истреблении врагов! Он взвесил все «за» и «против». Отдал приказания командирам. Батальон развернулся и создал, хоть и жидковатый, но всё же настоящий огненный мешок, в который должен был втянуться громадный корпус. Вся мощь внезапного ночного огня обрушилась на сонного неприятеля, считавшего, что он находится в безопасности среди невообразимого простора курских степей и даже не выставившего дозорных. Паника, переполох, бестолковая беготня во вражеском стане! За два часа непрерывной пальбы, пока у нападавших не закончились патроны, враг потерял тысячу человек. Сам Бельский, лёжа в цепи вместе с бойцами, расстрелял из автомата четырнадцать дисков.

Когда ему доложили, что боеприпасы на исходе, а враг, опомнившись, организуется для контратаки, которую батальону не выдержать, комбат приказал

сняться и следовать прежним курсом. Дело шло к утру, вот-вот должно было начинаться светать, и, если бы итальянцы увидели, какая горстка смельчаков громила их ночью, ей было бы несдобровать. Ушли вовремя!

...В конце февраля 1943 года в сражении на станции Ковячи осколок снаряда настиг Бельского. Доктор Лида, не спрашивая имени и фамилии очередного тяжелораненого, а просто склонившись над обездвиженным под действием наркоза мужским телом, вынула из его груди осколок. Затем Алексей был эвакуирован сначала на упряжке собак, потом самолётом – в глубокий тыл. В госпитале пролежал очень долго – четыре месяца. Выздоровел. Ещё находясь на излечении, был направлен на курсы командиров батальонов – приходили прямо в госпиталь преподаватели и проводили занятия. Энтузиазм и героизм на фронте – это замечательно, но к ним надо приложить элементарные, а лучше глубокие знания. Он учился прилежно – за короткое время практически одолел краткий курс военной академии. И уже весной 1944 года, по распутице и бездорожью, поднабравший сил и отдохнувший, капитан Бельский прибыл в свою прежнюю, уже переименованную в 89-ю Белгородско-Харьковскую Краснознамённую гвардейскую стрелковую дивизию на ту же должность командира первого штурмового батальона 273 стрелкового полка, с которым дошёл до Берлина.

Стоял март 1944 года. Южное солнце растопило снега, и израненная земля вволю напилась воды. Бесконечной лентой по раскисшей дороге тянулись подводы, грузовики, шла военная техника. Увязая по колено в непролазной грязи, с трудом раздирая слипающиеся от усталости глаза, впереди войск, как и положено, шёл Бельский во главе своего первого штурмового. А сердце его ликовало:

– Шире шаг, товарищи, нас ждут закабалённые народы!

Они подходили к Балте.

Враги пятились к Днестру, изрыгая огонь из всего, что могло стрелять.

Впереди – бесчисленные безымянные высоты, утомительные марш-броски, памятные штурмы, взятия преград и освобождение всё новых и новых населённых пунктов, областей и стран.

Ждали спасения Молдавия, его столица Кишинёв, в боях за которые отличился Бельский и его гвардейцы.

СРЕДИ ПЕРВЫХ В ЦЕНТРЕ КИШИНЁВА

Весной, 4 апреля 1944 года, когда растительность кругом обрядилась в акварельно-зелёные одежды, их дивизия уже вела бои на подступах к Дубоссарам. А дня через четыре, опрокинув гитлеровцев в Днестр, форсировала его и захватила плацдарм на западном берегу реки. Впереди шёл штурмовой отряд Бельского.

В течение последующих трёх месяцев бойцы вели затяжные бои вплоть до середины августа. Уже успели созреть яблоки в садах, на лозе налились соком янтарные грозди. А Кишинев все ещё оставался под фашистами. Почти месяц простояли наши в Оргееве, набираясь сил перед решающим сражением за город. Пополняли истощившиеся после Курской битвы военную технику и людские резервы. Прибыли «катюши» – секретные советские боевые машины, аналогов которым не было в мире, и бойцы ходили любоваться этим грозным оружием.

Бельский был назначен военным комендантом Оргеева и занимался его жизнью. Запал в душу случай: к коменданту подошёл босоногий, в рубаше и штанах из домотканой мешковины бородатый старик с двумя георгиевскими креста-

ми на груди. Герой первой мировой войны стоял в окружении пяти бравых внуков. Дед хорошо говорил по-русски и рассказал Бельскому о своих былых ратных подвигах.

– Русские, – говорил он, – всегда были нашими братьями и заступниками. Вместе с русскими я ещё в молодости проливал кровь. Сил вот мало осталось у меня, а то и на этот раз пошёл бы вместе с вами, как когда-то ходил на боевые дела.

Старик долго рассказывал о бесчинствах гитлеровцев, о том, как жестоко они расправлялись с населением за малейшее неповиновение. Как раз в это время приехал корреспондент из фронтовой газеты, Бельский представил ему своего нового знакомого, тот сфотографировал деда с внуками, кое-что записал и отбыл.

– Ну, вот, уехал. А кто мне скажет, куда записать моих молодцов? – проворчал старый воин. И показал на стоявших поодаль пятерых улыбчивых парней. Подозвал их.

И стал просить:

– Командир, так примете их?

Бельский засмеялся:

– Добро, батя! Только пусть твои внуки пойдут в военкомат и запишутся там добровольцами.

Несколько месяцев спустя, когда батальон Бельского уже занимал позиции в районе польского города Седлец, комбат встретил двух молодых солдат, которых почему-то смутно помнил. Ребята смотрели на терявшегося в догадках командира и улыбались. Наконец один сжалился над ним и сказал:

– Я Кирилл Чиглей, а это мой брат Василь Голбан. Помните, нас дедушка Петра к вам приводил?

И они поговорили как давние добрые друзья.

К концу лета 1944 года 5-й Ударной армии под командованием генерал-лейтенанта Берзарина, действовавшей на кишинёвском направлении, противостояли шесть немецких дивизий, одна румынская и четыре арtdивизиона. Для усиления засевших в городе немцев были подогнаны две танковые части СС. Кстати, у солдат вермахта, дислоцированных в молдавской столице, на вооружении были ранцевые огнемёты, которые при лобовом бое превращали людей в головёшки. Все эти формирования предстояло разметать.

Лидия Алексеевна помнит, какая в те дни стояла дикая, испепеляющая жара. Казалось, солнце максимально приблизилось к планете. Духота просто непереносимая! С утра всё живое пряталось в тень, но и она не спасала. Растительность же, которой не спрятаться, была понурая, жухлая. А бойцам, навьюченным пулемётами, миномётами, боеприпасами, предстояло многие километры двигаться в солнцепёк, в самый огнедышащий зной, то и дело принимая бой.

Итак, 20 августа в 6 утра в окрестностях Оргеева раздался страшный гром орудий. Все наши артиллерийские установки стреляли разом. Пели «Катюши». Нужно было прорвать плотную оборону немцев. И советские войска устремились к Кишинёву.

Враг бешено удерживал город, выставив сплошную завесу огня и паля из всех видов орудий.

Штурмовой батальон Бельского, двигавшийся, как всегда, в авангарде полка, преследуя противника, отвлекался на многочисленные перестрелки: вражеские пулемётчики сидели в стогах сена, в придорожных кустах, в перелесках. Белая дорожная пыль стелилась, как позёмка, и оседала на гимнастёрках, снаряжении,

лицах, набивалась в глаза, хрустела на зубах. Но она не заслоняла собой сады с приветливо кивавшими гвардейцам ветвями, отяжелёнными плодами. На дорогу выходили чернокодые молдаваночки с кувшинами молока, калачами, виноградом и старики в чёрных шляпах, снимавшие их и низко кланявшиеся своим избавителям.

У шагавшего комбата от желания мертвецки заснуть слипались глаза. Но он знал, что на него смотрят солдаты, которые так же нечеловечески устали. Да, глаза против воли смыкались, но в прищур их пыльная дорога почему-то стала казаться бархатным зелёным лугом. Только фронтовики в курсе, что это за счастье – двигаться вперёд, по отвоёванной у врага земле. И это непередаваемое, возвышенное, священное чувство наполняло и его, и ребят новыми силами. На душе становилось легче, ноги шли веселее. И энергии достаточно приливалось, чтобы снова и снова атаковать врага, скovyривать его с очередной высоты.

Фашисты укрепили подступы к городу тремя мощными линиями обороны. Одолев, наконец, многие километры пути, батальон подошёл к первой из трёх линий – в семи километрах от Кишинёва. Там был весь «комплект»: доты и дзоты, блиндажи, сеть заграждений и минных полей, танки, крупные орудия, натянутая проволока, взорванные мосты, автоматчики.

Но позади их в багровых лучах заходящего солнца лежал город. Он был в огне. До облаков поднимались чёрные столбы дыма. Отчётливо слышались глухие раскаты взрывов и треск автоматных очередей.

Было три часа дня – самое адское пекло. Алексей Ильич, еле передвигавший ноги, собрал командиров подразделений. Он подумывал о том, чтобы дать бойцам возможность окопаться, отдохнуть. Всматривался в далёкие очертания города и видел, что злобствующий враг спешит уничтожить как можно больше народного добра, людей. Он знал, что стоит ему сказать: «Вперёд!», и ребята подчинятся. Но знал и то, что преодолеть придётся сильно укреплённую трёхлинейную траншейную оборону.

– Устали, товарищи гвардейцы? Знаю. По себе чувствую. Надо бы отдохнуть. Но сами видите, что творится в городе. Так как, будем спасать его от пожарниц и людей от угона в рабство?

В ответ прозвучало:

– Где тут раскуривать?

– Не надо им дать опомниться.

– В городе отдохнём! Палит проклятый фриц народное добро!

– Вперёд идти надо. А поспать потом успеем.

Радость блеснула в глазах Бельского: настроение у людей по-прежнему боевое и желание гнать врага без передышки никуда не делось. Горло вдруг перехватило спазмом. Он переждал немного, чтобы вернулась способность говорить.

– Тогда идите и объясните людям обстановку.

Как он и предполагал, мнение солдат было единодушным: немедленно наступать! Здесь же, на высоте, на коротком совещании с командирами рот Бельский отдал распоряжения, что кому делать.

И без всякого привала, без перекура батальон развернулся в цепь и ринулся в новый тяжёлый бой! Как только роты спустились с холма, противник открыл шквальный огонь. Погасили его. Прорвались. Покатились дальше. А двигавшийся следом полк зачищал территорию.

Пройдя три километра, упёрлись во вторую линию обороны. Опять минные поля, укрепления, орудия. Преодолели. И вышли на окраину Кишинёва, где их

ждала третья линия обороны. Фашисты стреляли из-за каждого угла, забора, дерева, с чердаков, из домов. Танки наседали. Но гвардейцы сражались, охваченные праведной яростью освободителей, а фашисты были деморализованы. Наши бойцы уже давно научились справляться с животным страхом, ловко, по-пластунски подползали к ревущему танку и закидывали внутрь гранаты, а один танк даже сумели развернуть против немцев. Точно так же гасили прочие огневые точки. У них был отличный опыт ведения уличных боёв, наработанный ещё при освобождении Белгорода и Харькова.

Лидина санчасть замыкала шествие. Как только дошли до предместья города, в каком-то уцелевшем сарае развесили простыни, и к ним немедленно стали поступать раненые.

Солнце уже клонилось к закату, зной начал спадать. А уличные бои, наоборот, становились всё жарче и жарче.

Уже в плотных сумерках, в 9 вечера, Бельский и его бойцы первыми прорвались к центру города. Кругом были страшные разрушения. Фашисты успели взорвать едва ли не полгорода. Местами Кишинёв представлял собой пустырь, заваленный кусками стен, щебнем, кирпичным крошевом.

Неподалёку от Триумфальной арки, посвящённой победе русского оружия, между нынешней улицей Бэнулеску-Бодони и Театральным переулком стоял заметный отовсюду высокий металлический столб. И у Бельского родилась мысль вознести над центральной площадью красное знамя. Он послал двух бойцов раздобыть у местных жителей лоскут кумача. Вскоре они вернулись с красным полотнищем в руках. К нему быстро приделали древко и мелом на ткани написали: «Первый батальон 273-го гвардейского стрелкового полка».

Исторический момент – комбат обратился к бойцу Кушниру:

– Ну-ка, дружище, сможешь забраться на этот столб?

– Да я на небо влезу, чтобы о победе объявить! – отозвался находчивый гвардеец.

Цепкий парень быстро и ловко вскарабкался по скользкому металлу и привязал к верхушке флагштока стяг. И он сразу же затрепетал, ласкаемый вечерним ветром.

Так 23 августа 1944 года над Кишинёвом взвилось победное знамя – будто капля причастного вина, символизирующего всю праведную кровь, пролившуюся за эту землю...

Дали залп и двинулись в сторону Садовой – дальше преследовать врага и освобождать верхнюю часть города. Фашисты заминировали мостовые, здания, перекрёстки, трещали немецкие пулемёты, бухали взрывы. В полночь Кишинёв от гитлеровцев был полностью очищен. А утром 24 августа победителям артиллерийскими залпами салютовала Москва, и по радиации полк об этом был оповещён.

Бойцы Бельского правильно сделали, что поспешили в город, который вместе с жителями должен был взлететь в воздух: фашисты заложили почти 3 тысячи килограммов взрывчатки, 11 авиабомб и более полусотни боезарядов, огромное множество артснарядов и противотанковых мин. Советские сапёры обнаружили их и обезвредили.

За операцию по освобождению молдавской столицы командующий 5-й ударной армии Берзарин наградил Бельского Орденом Отечественной войны 1-й степени, а 273-й полк, в котором он служил, стал с тех пор называться Кишинёв-

ским. (Правительство республики взяло шефство над полком. Позже посланцы Молдовы приезжали в часть с подарками, а однажды прислали несколько вагонов с фруктами, кисетами, махоркой, варежками и, конечно же, молдавским вином.)

В тот день они простились с павшими боевыми товарищами. Среди них был убитый политрук полка, майор Кручек, и его с почестями похоронили в парке имени Пушкина, неподалёку от кинотеатра «Патрия». Состоялся торжественный митинг.

Уже доставлены были советские газеты, и народ их быстро разобрал. В парке рядом с Аркой Победы фронтовой поэт читал свои свежие стихи:

Пылала ночь в кварталах Кишинёва,
Снаряды рвали камни мостовых,
Мы шли сюда, громя фашистов снова,
Чтоб мстить за мёртвых и спасти живых.

На улицы высыпали обитатели уцелевших домов, пришли жители предместий и окрестных сёл. Многие босые, в полотняных портках. Протягивали бойцам кувшины с вином, угощали фруктами. Девушки обнимали и целовали солдат. А те говорили им:

– Ждите нас, после войны мы приедем и женимся на вас!

А мальчишки, пользуясь всеобщим праздничным настроением, залезали на орудия и танки и садились верхом на стволы, чтобы прокатиться по городу.

Но нужно было идти дальше, вперёд. Лидия Алексеевна никогда не забудет такой эпизод. Когда уже вышли за пределы Кишинёва и прошли километров семь, наткнулись на дотла сожжённое селение. Торчали только печные трубы. Возле одной она вдруг заметила живой копошащийся комочек. Это был маленький мальчик. На вид ему было года три. Вместе с Машей они подбежали к ребёнку и стали кричать, звать кого-то из жителей. Но никого не оказалось.

Тогда доктор Лида попросила санитаря снять малыша с печки. Взяла его на руки. Беленький, голубоглазый мальчишечка. Он крепко прижался к ней, как к маме, и в ней вдруг проснулось и заговорило материнское чувство. Она подумала, что это судьба послала ей сыночка. Лидия посадила его на телегу, и они отправились дальше. Когда остановились на привал и полковые повара начали варить кашу, доктор с сестрой выкупали ребёнка, из косынок смастерили ему одежду, потому что на нём были только рваные штанишки. Потом досыта накормили дитя. Он не разговаривал, не отвечал на вопросы, – возможно, не понимал русскую речь, а может, онемел из-за стресса. Солдаты подходили, каждый хотел его приласкать, а он всё тянулся и тянулся к Лидии, будто и впрямь признав в ней маму.

Она пошла к командиру полка и попросила разрешения, чтобы мальчик остался при ней:

– Я хочу его усыновить.

Помнит, военачальник, оторвавшись от своих бумаг и карт, внимательно, с любопытством посмотрел на неё, и в глазах его заплясали весёлые искорки:

– Доктор Лида, я, конечно, рад, что в тебе проснулась мать. Но кто, скажи, будет за тебя оперировать? Отведи-ка ребёнка к раненым и отдай сопровождающему. Придёт за ними машина, пусть отвезут мальчика в медсанбат, а потом отправят в тыл, в детдом. Это был приказ. На прощанье она крепко обняла ребёнка... После украдкой поплакала и двинулась вместе со всеми дальше.

Был ещё один незабываемый эпизод. В лесу засели фашисты. Когда подошли наши, они выдвинулись на опушку с поднятыми руками – сдаваться, и к ним доверчиво, не взяв на изготовку оружие, направились красноармейцы. Гитлеровцы, выхватив из-за спины свои автоматы, начали их косить. Увидев эту жуткую картину, однополчане всех фашистских автоматчиков очередями прошли.

Командир Бельский собственным примером воспитывал ребят-орлят, подобных себе. На послевоенных встречах с молдавской молодёжью он часто рассказывал о подвигах своих бойцов, освобождавших их родину. Например, о добровольце, 17-летнем пареньке Коле Ковалёве, лихом и бесстрашном разведчике. Послали его однажды засечь узел сопротивления, чтобы потом накрыть артиллерийским огнём. Ушёл Коля и пропал. Вернулся, когда мало уже кто его ждал. Впереди него плелись четверо немцев, один волочил за собой станковый пулемёт.

– Как это ты ухитрился захватить этих, да ещё с пулемётом? – спросили его обрадованные бойцы.

– Очень просто! Подполз я, значит, сзади пулемёта, подкрался поближе к фрицам, бросил одну противотанковую гранату, они и скисли. Сразу все руки подняли. Это их счастье, что я промахнулся, а то бы от них только перья и остались, – ответил Николай и вытащил из кармана два пистолета и кинжальный нож.

– А это я у фрицевского лейтенанта отнял. Руки поднял, а у самого в кобуре пистолет, в кармане пистолет и на поясе ещё кинжал.

Позже тот же самый Ковалёв с тремя солдатами, будучи старшим среди них, взял в плен и привёл в штаб более 200 гитлеровских вояк. Вот так – четверо безусых мальчишек устроили толпу вышколенных фашистских дядек. За ратные заслуги грудь паренька украсили три боевых ордена.

Смекалкой в форсмажорных обстоятельствах отличался не только сам комбат, но и многие его однополчане. Вот хотя бы гвардии младший сержант Порфирий Чеботарь. На одном участке пехота никак не могла продвинуться вперёд. Неизвестно откуда фашистами велась интенсивная стрельба. И тут, откуда ни возьмись, появился Порфирий со своим противотанковым ружьём. Прыгнул в воронку, изготовился к бою. Перед ним лежала возвышенность, покрытая редким кустарником – типичный для холмистой Молдавии пейзаж. Где же засели невидимки? Тут он заметил разбросанные кое-где копны сена.

«С чего бы это тут быть сену? Трава вся выжжена, – подумал Чеботарь. – Дай-ка пульну!»

И выстрелил в одну копёшку зажигательным патроном. Она моментально вспыхнула. Через минуту из неё выскочили фрицы, и советские стрелки их быстро отщёлкали. Скоро яркими факелами запылали все восемь стожков сена. Немцы заматались, а нашим пулемётчикам это только и нужно было – цели теперь были очень хорошо видны. Более 70 гитлеровцев тогда сдались, 46 было убито. Потом ребята с любопытством осмотрели те маскировочные сеновалы. Там оказались настоящие огневые точки с амбразурными щелями, стальными щитками и даже бетонными колпаками.

У Прута их опять ждали смертельные бои. Отступая, немец побросал машины, орудия и убитых, которых было так много, что реку буквально переходили по трупам. Более 22 тысяч человек сдались в плен, среди них тысяча офицеров и четыре генерала. Были захвачены огромные трофеи.

273-й полк, в который входил первый штурмовой батальон Бельского, собрал такой вот «урожай». Ими уничтожено было 4 565 гитлеровцев, подбито 23 танка,

973 пулемёта, 28 орудий, 73 миномёта, 180 автомашин. Взято в плен 11 074 солдата и офицера, захвачено 8325 лошадей, около 10 000 винтовок, 430 пулемётов, 115 орудий разного калибра, 420 автомашин, 4871 повозка, 3 паровоза, 110 грузённых вагонов и несколько интендантских складов. Всё это перестало сеять смерть среди тех, кто сражался против коричневой чумы, помогло добить её. Окружение и ликвидация крупнейшей группировки противника в районе Кишинёва и Ясс привели к отмежеванию Румынии от Германии. Румынский народ повернул своё оружие против бывшего сателлита.

Балканы для Советской Армии были открыты. И наши двинулись на Польшу. Там без передышки они были переброшены на Магнушевский плацдарм на реке Висле, где готовился прорыв советских войск к самому логову врага. Последний этап боевого пути до победы был просчитан до километра. И первый штурмовой Бельского вместе со всеми два с лишним месяца готовился к этому заключительному «аккорду».

Перед Алексеем Ильичом, как всегда, ставилась одна и та же задача: прорывать оборону противника и захватывать господствующую высоту.

Наступление разворачивалось, как исполинская пружина. Оно постоянно расширялось веером от той бреши, которую пробивали во вражеской обороне воины Бельского.

А ему для усиления было дано хорошее подспорье: противотанковая артиллерия, самоходные пушки и группа танков штурма, а также второй батальон. Правда, теперь разросшейся частью стало управлять куда сложнее. Ничего, Бельский быстро привык, и всё получилось.

За десять дней его дивизия прошла с боями более полутысячи километров, впереди блеснула, наконец, полноводная Висла с её могучими притоками. В дивизии за бои на подступах к этой водной преграде и за её форсирование прибавилось 14 Героев Советского Союза. Нашла эта высшая награда своего героя и в лице Алексея Бельского. Вот как это было.

ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКАЯ ЭПОПЕЯ

Что мы знаем об этой реке? То, что «в полях за Вислой сонной лежат в земле сырой Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой»?.. То, что эта полноводная спокойная река, плавно несущая свои воды среди красивейших пейзажей, рассекает Польшу надвое и соединяет Карпаты и Балтийское море? Что берега её усеяны древними городами, в одном из которых родился и вырос Коперник?

Но в середине зимы 1945 года западный берег Вислы был усеян всеми видами вражеских вооружений и укреплен прочными сплошными оборонительными линиями. Неприятель вцепился в эту землю зубами и когтями, утыкав её жерлами огнестрельных орудий.

Мы не знаем, каково это – в промозглую зимнюю стужу, в самый непроглядный час, когда чёрная ночь уже отдежурила, а утро, позёвывая, только готовится вступить в свои права, в густом тумане, на деревянных плотках, без единого звука перебираться через водную границу между нашими и врагами. Можно только представить, как сотня мужских сердец в те минуты, кажется, прекратила стучать, чтобы не нарушить предутреннюю тишину. Это случилось 14 января (на следующее утро доктор Лида в своей лодочке поплывёт спасать раненых бойцов Бельского).

Если по-военному, то гвардии майор, умело организовав очередное наступление, штурмом овладел позицией врага и вышел к Висле. Под покровом предрассветной темноты преодолел её вместе с передовой ротой и окопался на противоположном берегу, а вслед за ними там же оказался и весь первый батальон.

Захваченные врасплох немцы услышали одиночный выстрел пушки, а потом, как по мановению волшебного жезла, с нашего берега заговорили тысячи орудий и миномётных стволов. Голос грозного бога войны зазвучал в полную силу.

Пока длилась канонада, Бельский поднял людей в атаку. Гитлеровцы сопротивлялись с бешенством обречённых, но это не помогло: линия обороны была прорвана. Осталось всего ничего – овладеть господствующей высотой. До неё – четыре километра. Если с ветерком прогуляться – полчаса хватило бы. А они шли четыре часа. Пришлось драться за каждую пядь земли, обильно орошая её кровью, за каждый окоп и блиндаж. Но высоту взяли.

К тому времени вслед за батальоном на другой берег перебрались и полк, и дивизия. Бушующей волной покатались они дальше, да так стремительно, что прорвали оборону фашистов вглубь на целых тридцать четыре километра.

А Бельский уже держал курс на Берлин. Из штаба прилетела согревшая его весть: за умелое руководство в бою, героизм и бесстрашие комбат был представлен к высокому званию Героя Советского Союза с вручением ему Золотой Звезды Героя и Ордена Ленина. Хочется процитировать рекомендацию командира полка в отношении Бельского в связи с этой наградой, звучащую словно песня: «Не смотря на массированный миномётный и пулемётный огонь, вместе с 5-й стрелковой ротой гвардии майор Бельский переправился на левый берег реки и, закрепив его за собой, переправил на захваченный плацдарм весь батальон. За день боевых действий эта войсковая часть прорвала вражескую оборону, форсировала реку Вислу, уничтожила сотни вражеских солдат и офицеров и разгромила 30 огневых точек противника. Боевую задачу батальон с честью выполнил. Своими действиями он открыл путь советским войскам в Германию».

Песенно-лирическим моментом в этой пехотной истории было то, что Алексей уверенно и отважно шагал вперёд, на запад, а Лидия это шествие замыкала. Они всё время были рядом, но на разных полюсах. Эта не менявшаяся дистанция не позволяла им встретиться во времени и пространстве. Встреча фатально определена была только в месте размыкания этого круга – в конечном пункте длинного маршрута. В Берлине. В Рейхстаге. Так написано им было на роду. Он так рвался в германскую столицу! И вошёл в неё опять-таки первым.

Интересно, снились ли они друг другу?

Посылались ли им подсказки о совместном их будущем? Однако нельзя было отвлекаться на хрустальные мечты, расслабляться.

Но вернёмся к военной хронике. Где-то впереди уже сверкала стальной поверхностью новая водная преграда – разграничивающий Польшу и Германию Одер. Прорыв. Захват. Плацдарм. Победоносный марш. Новый прорыв. Родина этот бесстрашный «пеший тур» по Европе Бельского оценила несколькими орденами. Всего 14 боевых наград украсили грудь бесстрашного воина.

Он шёл уже по немецкой земле и приближался к логову чудовища, страшнее которого ещё не рождала земля.

Германия, как известно, одна из красивейших стран мира. Но тогда было не до любования красотами родины Шиллера, Бетховена и Гёте. Горели леса, подо-

жжённые гитлеровцами, и ветер вместе с пылью цветущих растений разносил едкий дым и запах гари. Оголив великолепные дачи и усадьбы, фашисты завалили дороги столетними елями и соснами. Они рубили покрывшиеся бело-розовой кипенью яблони и благоухающие вишни, чтобы кинуть их на пути советских танков. Как будто это могло их задержать! Фруктовые сады изверги изрыли траншеями, заминировали липовые аллеи, по обочинам закопали в землю смертников, начинённых фаустпатронами, забаррикадировали улицы населённых пунктов брёвнами, железом, камнями.

Злыми псами лежали на пути освободителей к Берлину немецкие города и сёла. И огрызались до последнего. Но ничто уже не могло остановить гвардейской поступи красноармейцев, сметавших все препятствия со своего пути.

15-КИЛОМЕТРОВАЯ ПРОБЕЖКА ПО КРЫШАМ

И вот уже в весенней зелени вдали, на фоне бело-голубого столпотворения облаков, стали видны пёстрые черепичные крыши Берлина. Бельский рассматривал в бинокль раскинувшийся в утреннем тумане город. Впрочем, вряд ли это был обычный туман. Советская дальнобойная артиллерия уже пристрелялась по Берлину. Крыши, крыши. Комбат долго и внимательно глядел на них. Почему? Сам пока не понимал. Но мысль, чувствовал, начала отчётливо пульсировать в этом самом кровельном направлении.

В немецкой столице основной городской магистралью по сей день является престижная торгово-культурная улица Фридрихштрассе, тянущаяся с севера на юг. Дворцы, магазины, банки, рестораны, доходные дома плотно, впритык, сплошной стеной стояли по обе стороны дороги. Неподалёку был правительственный квартал на улице Вильгельмштрассе. Из-за этой близости во время войны Фридрихштрассе подверглась сильным разрушениям, на ней практически не осталось уцелевших зданий.

Когда советские войска подобралась к самому сердцу Рейха, он дышал угрюмой ненавистью и животным страхом. Затравленный в собственной берлоге зверь оборонялся с отчаянием обречённого смертника, которому терять уже нечего. Командование вермахта провело большую агитационную работу среди населения, до паранойи запугав русской угрозой. Из фрау и фройляйн сколотили женские батальоны смерти, всучили оружие детям и старикам, предупредили их: если русские войдут в город, то немецкой нации наступит конец! Истерично приказали всем жителям германской столицы стрелять из всех щелей! На стенах было написано: «Тем, кто не стреляет, плюньте в лицо!».

И все двери, окна, подъезды домов, балконы, смотровые площадки города превратились в сплошные огневые точки. В домах засели взводы, роты солдат. Огонь прицельно вёлся из всех тяжёлых вооружений, танков, самолётов. Всё пространство улиц простреливалось насквозь перекрёстным пулемётным огнём. Продвижение советских войск замерло. Они не могли войти в город – каждый боец просматривался как на ладони и был превосходной мишенью для обезумевших от ужаса, впавших в психоз вражеских стрелков и снайперов.

Вот когда понадобилась смекалка гвардии майора Бельского. Он вновь поднял глаза вверх и посмотрел на знакомые уже крыши. И тут его осенило. В голове моментально всё сложилось. Придуманый им тогда трюк вошёл позже во все учебники по военному искусству.

Со своими бойцами, вооружёнными дымовыми шашками, автоматами, пулемётами и миномётами, они, крадучись, двинулись по крышам Фридрихштрассе, перепрыгивая с кровли на кровлю. И все 15 километров пути тяжко, в день по километру, они методично подавляли плюющиеся смертью огневые гнёзда. Параллельно двигались туннелями, сточными трубами, совершали перебежки по улице. Устраивали с фашистами поэтажную дуэль, выбивая их из квартир.

И отовсюду сбрасывали вниз дымовые шашки. А уже под покровом дымовой завесы наши танки и штурмовые группы смогли невидимками продвигаться от дома к дому. Это был тот самый уникальный случай, когда пехота опередила и прикрыла собой танки и артиллерию.

Шедший впереди батальон Бельского упорно прогрызал оборону немцев. В огромном городе бойцы первого штурмового перемещались уже не только пешим ходом, но и под прикрытием брони – танковой бригады. С боями добрались до центральной берлинской тюрьмы. Потом начали выкуривать фашистов из станций метро, которые также были превращены в узлы сопротивления. Возле одной из станций он трижды поднимал в атаку гвардейцев, но из-за сплошного огня те вынуждены были вновь и вновь залегать.

Командир штурмовой группы сержант Сергеев вдруг увидел подползающего комбата.

– Ну, как у тебя идут дела? – спросил Бельский.

– Плохо, – ответил тот, – головы нельзя поднять.

– А гвардейцам её нельзя вешать, – напомнил командир. – Что у тебя за люди в группе?

– Да всё молодёжь. Один украинец и четверо молдаван.

– У-у, с такими бойцами точно можно горы свернуть, – обрадованно сказал майор. – Вот тебе флажок, – и он протянул сержанту небольшое полотнище, иссечённое в лохмотья пулями. – Прикрепи его вон там, – показал глазами в сторону станции метро, – а потом поведёшь в атаку людей.

Сержант, прижав к груди флаг, пополз вперёд, добрался до баррикады и пристроил кумач в расщелине между рельсами. Потом призывно махнул рукой солдатам. Несколько брошенных им гранат отвлекли внимание гитлеровцев, атака была скоротечной: двенадцать фашистов погибли, четверо сдались. Гвардеец-молдаванин Голубань написал на стене метро: «Взяли кишинёвцы из батальона Бельского».

Так и шёл он с боями, медленно передвигаясь, неотвратимо, как сама Победа. А утро 2 мая застало батальон Бельского на берегу реки Шпрее, в полутора километрах от Рейхстага. За время передвижения первый штурмовой батальон овладел шестью превращёнными в узлы сопротивления заводами, откуда на волю вышли две тысячи иностранных рабочих. Захватил также центральную тюрьму, полицейское управление, главпочтамт.

Мало кто знает, но именно батальон Бельского 24 апреля 1945 года в 16.00 укрепил победный красный стяг над главным полицейским управлением Берлина. (Это знамя ныне хранится в Центральном музее Советской Армии на Поклонной горе в Москве. Там же и флаг, водружённый его бойцом в Кишинёве. Оба полотнища в копоты, пробитые пулями, изорванные, но впитавшие победный дух.) И только неделей позже, 1 мая, и тоже в полдень, Кантария, Берест и Егоров водрузили знамя Победы над Рейхстагом.

Ну а тогда, в начале мая, восемь тысяч русских, украинцев, французов, англичан, американцев, чехов, поляков, итальянцев, запертых гитлеровцами в туннеле одной из станций метро, были спасены от неминуемой гибели гвардейцами Бельского. Фашисты собирались отравить их газом. Избавленные от мучительной смерти жали руки освободителям, рыдали, обнимали и целовали их. Русские пленницы, угнанные на каторгу, плача от счастья, спрашивали гвардейцев: «Куда, по какой улице нам идти в Россию?».

Им показали, и тысячная толпа двинулась на восток.

Шальная пуля в одном из боёв клонула комбата в лопатку. И второй раз он попал на стол к доктору Лиде. Она обработала и перевязала его рану. Как всегда, на автопилоте, даже не вникая, какая у человека фамилия и какого он звания и ранга. Ей важно было быстро и качественно сделать свою работу.

(Ну, допустим, сказал бы он тогда смертельно уставшей докторше: «Знаете, я Бельский. Слышали о таком? А я о вас слышал, и много хорошего». Как бы она расценила эти слова? Скорее всего, как попытку флирта. И пресекла бы: «Давайте поговорим на эту тему после победы, а сейчас, товарищ командир, извините, недосуг, меня ждут другие раненые». Не место было и не время... Их место и время были не за горами. Ещё немного оставалось, ещё чуть-чуть.) После перевязки он категорически отказался от стационарного лечения и вновь пошёл в бой.

Немцы, зажатые в тиски, прекратили сопротивление и сдались. И вот наступило 2 мая 1945 года. В 6 утра в Берлине по всему городу из динамиков неслось и из уст в уста передавалось: войне конец! Германия капитулировала. Голос московского радио донёс и до наших гвардейцев материнскую благодарность родины. Доктор Лида с медсестрой Машей, услышав долгожданную новость, так и сели на пол. Ноги ослабели, подкосились, а все скамейки были заняты ранеными.

А потом обе они горько-горько расплакались. От счастья, конечно же, но и от горя отчасти. Потому что им только что принесли двух тяжелораненых ребят, совсем молоденьких и невероятно красивых. И на пороге подвала, в котором располагалась медчасть, оба умерли от болевого шока и кровопотери. И это случилось за несколько минут до объявления Победы. Девушки обливались слезами: какая же несправедливость совершилась! Этим мальчикам не хватило пяти минут, чтобы остаться в живых.

А что в эти дни делалось в поверженном городе! Стрельба счастья и радости! Из затопленного самими же фашистами метро выбирались перепуганные, истощённые, мокрые берлинцы, спасённые Красной Армией.

Командующий 5-й Ударной армией, Герой Советского Союза Николай Берзарин, назначенный маршалом Жуковым первым комендантом Берлина, немедленно приказал напоить всех немецких детей молоком и, наварив каши, накормить всех без разбора голодных немецких граждан. Вскоре на площадь прибыли походные кухни, и ароматный парок из котлов, щекочущий ноздри, лучше всяких объявлений оповестил население о раздаче еды. К солдатам в поварских колпаках с черпаками в руках выстроились длинные очереди из фрау и детей, стариков и старушек с кастрюльками и плошками в руках. И каждый, подходя, вежливо, чётко, как пароль, произносил: «Данке шон, Гитлер капут, Сталин гут! Их виль эссен (я хочу есть)».

За 54 дня своего комендантства Николай Эрастович сделал для горожан больше, чем иной сделал бы за годы. Он спас население от голодной смерти и эпидемий и начал восстанавливать городскую инфраструктуру.

А комбата ждало приятное известие. За мужество и высокую боевую выучку подчинённых гвардии майор Бельский был представлен командующим Берзаринным ко второй звездочке Героя Советского Союза. Но ещё одну заслуженную золотую звезду прикрутить на гимнастёрку ему было не суждено. Представление пошло по московским инстанциям, и какой-то невнимательный писарь перепутал отчество Бельского – написал «Иванович» вместо «Ильич».

Ударить по столу в штабных кабинетах и торпедировать процесс уже стало некому – генерал-полковник Берзарин, любивший лихого, отважного комбата Бельского, нелепо погиб в дорожной катастрофе – разбился на трофейном мотоцикле при весьма загадочных обстоятельствах. Известно было, что он как раз собирался в Москву, на приём к Сталину, с какими-то важными документами. Берлинцы боготворили человеческого советского генерала и позже отстояли название одной из главных площадей – Берзарин-плац, потребовали, чтобы Николай Берзарин навсегда остался почётным гражданином столицы Германии.

Алексей Ильич, потерявший друга и защитника, ни за что не стал бы хлопотать о себе самом. Не привык он обивать пороги. Так награждение и не состоялось. Вместо него Бельский встал в почётный караул у гроба великого полководца и вместе со всеми оплакал талантливого человека и военачальника.

А в те первые часы и дни Победы на улицах Берлина творилось что-то невозможное. Освободители высыпали из всех укрытий, бродили по улицам, хмельные от счастья, непрерывно салютовали из всех видов оружия, обнимались, играли на гармошках, качали друг друга, знакомились, обменивались адресами, смеялись и пели... Не остались без дела ракетницы: разноцветные огни то и дело расцвечивали хмурое берлинское небо. Победители с любопытством осматривали достопримечательности капитулировавшей столицы несостоявшихся «сверхчеловеков». В этой атмосфере вселенского ликования судьба устроила, наконец, долгожданную встречу наших героев.

Доктор Лида с сестрой Машей тоже захотели осмотреть город. Наскоро умылись, переоделись, причесались – по европейскому городу предстояло пройтись ведь! И что же они увидели? Груды обломков, битое стекло под ногами, барханы пыли – это всё, что осталось от горделивых, роскошных строений... На солнце в вышине блеснула уцелевшая часть бронзовой квадриги – античной колесницы, венчавшей знаменитые Бранденбургские ворота. Направились туда и увидели в проёмах этого архитектурного памятника горы оружия, которое сдавали пленные фашисты.

Паломничество к Рейхстагу не прекращалось. Подошли и Лидия с Машей к главному логову с его разбитым стеклянным куполом, на месте которого торчали рёбра каркаса. Тут уже успели потрудиться наши воины и союзники, оставившие свои автографы на покрытых копотью стенах и колоннах.

Девушки постояли, почитали надписи, посмеялись, но сами расписываться не стали. Просто это сделать было уже невозможно: стены снизу густо испещрены, а выше дотянуться могли только очень рослые люди либо нужно было, чтобы кто-то подсадил. Ребята девушкам предлагали этот способ, но они постеснялись, отказались. Потом осмотрели Рейхсканцелярию – туда уже никого не пускали, но для двух медиков сделали исключение. В кабинет Гитлера вход был запрещён. Остальное всё посмотрели, и даже участок за зданием, где трупы Гитлера и Евы Браун, завернутые в ковёр, были сожжены и закопаны. Жуть до костей пробрала.

Когда, переполненные впечатлениями, они уже направлялись в свою часть, их догнал майор со звездой Героя на груди.

– Девчата, стойте! Вы куда?

– Мы к себе. Уже всё посмотрели.

– Давайте знакомиться. Бельский. Я вас приглашаю! Зайдём в ресторан и пообедаем. Наверное, вам каша надоела, как и мне?

Его васильковые глаза сияли, как небо над головой в тот майский день. Разве могла она тогда представить себе, что попадёт в плен этих глаз? И мысли не допускала. В голове у Лидии уже роились планы: выспаться на подушке и под одеялом, намыться-наплескаться, нарядов закупить. Почувствовать вкус мирной жизни. Увидеть мать, сестрёнку, подружек. Наплаваться в Волге, натанцеваться, кружить голову кавалерам. Да много ещё чего!

Но не тут-то было. Потому что гвардии майор привык действовать стремительно.

После ресторана он проводил Лидию до гостиницы и на завтра пригласил в оперный театр. Она пришла в отглаженном своём военном платье, погонах капитана, в сапогах, в беретике.

В театре на скамьях вперемишку сидели военные – американцы, англичане, французы и русские. Оперу пели на немецком языке. Алексей и Лидия с наслаждением слушали музыку. Он проводил её и вновь назначил свидание, пригласив в ресторан.

Комендант Берзарин распорядился открыть в немецких городах театры, рестораны, рынки, и это было очень кстати, потому что у советских офицеров скопились пачки немецких марок, которыми им платили за службу ещё с Польши. И если раньше они смеялись – нужник ими обклеивать, что ли, то теперь им представилась возможность эти деньги с пользой потратить. Русские не особо смотрели на цены, чем местные торговцы не преминули воспользоваться и стали заламывать за свои услуги и товары баснословные суммы. Через неделю-две дойчмарок у большинства офицеров не стало. В ресторанах на всю катушку исполнялся русский репертуар, подавались деликатесы. Немцы побежали выносить на базар всё мало-мальски ценное. Американцы расхаживали, увешанные часами, – по десятку на руке, которые покупали только русские. Но вскоре вышел приказ, чтобы наши по базарам более не ходили и не заражались чужими ценностями да вещизмом...

Иностранцы сворачивали шеи, провожая взглядом Героя с золотой звездой на груди и тоненькую красавицу-военврача в беретике набекрень. Ведь они были не просто молоды и хороши собой. И не только потому, что они были победители. Было ещё что-то. Какое-то облако света и благодати окутывало их. Они не рисовались, не играли на публику, а просто шли, глядя друг на друга, разговаривали, улыбались, никого кругом не замечая, и это со стороны представлялось завораживающей картиной. В то свидание в ресторане, когда они ждали заказ и весело болтали, к их столику подошли трое американцев и попросили разрешения сесть за соседний с Героем стол, а потом исподтишка рассматривали эту сосредоточенную на себе красивую русскую пару.

На том свидании Бельский вдруг спросил:

– Лидуша, пойдёшь за меня замуж?

– Товарищ майор, об этом сейчас и речи не может быть!

– Почему?

– Ну как почему? Я совершенно вымотана! Только-только начинаю приходить в себя. Ещё не успела отоспаться. И, знаешь, Алёша, я ведь не успела даже приглядеться к тебе как следует...

– Так я разве говорю, что свадьба будет прямо сейчас! Ты только скажи: да или нет? Если нет, я завтра же уеду, и мы больше не увидимся.

И мягкосердечная Лидия под таким напором сдалась. Сказала – не очень уверенно:

– Да.

Затем поспешно добавила:

– Но только не сейчас!

А назавтра он взял и не явился! И на следующий день тоже. Лида была сначала уязвлена, потом забеспокоилась, ей стало тревожно. Как это понимать? То ему не вмоготу – давай жениться, то взял и куда-то пропал.

На третий день его отсутствия, в воскресное утро, Лидию вызвал из больничной палаты дежурный:

– Там во дворе стоит «мерседес». Приехал Герой Советского Союза. Он просит вас выйти к нему вместе с сестрой Машей.

Сердце почему-то так сильно забилося в груди! Лидия позвала Машу, и они вышли во двор.

А там возле сверкающего трофейного «мерседеса» стоял улыбающийся Бельский в парадном кителе и до блеска начищенных сапогах.

– Девочки, – сказал он бодрым голосом, – приглашаю вас на обед! Поехали!

К тому времени Алексея Ильича уже назначили комендантом одного из немецких городов. Покатили к нему домой – на выделенную ему по чину виллу. Он всю дорогу таинственно молчал. А когда приехали на место, девушки увидели у ограды множество машин. На тщательно подметённой дорожке, ведущей к дому, были разбросаны розы. В саду приглушенно играл венские вальсы оркестр.

Лидия не выдержала:

– Алёша, праздник какой, что ли?

Ответа не последовало.

Вошли в холл. Потом в зал. А там стоял накрытый стол, вокруг него восседали офицеры во главе с командиром полка. При их появлении они оживились, послышались возгласы:

– О-о-о, наконец-то невеста явилась!

Лида ничего не поняла. От смущения и растерянности под взглядами стольких мужчин не знала, куда деваться. Бельский церемонно подвёл и усадил её на уютный благоухающими розами и атласными лентами диванчик. Сел рядом.

Тут встал генерал с бокалом вина в руке и провозгласил тост:

– Ну, Бельский, воевал ты как герой, и невесту завидную у всех офицеров из-под носа увёл по-геройски! Горько!

И все подхватили:

– Горько! Го-о-рько!

Тут до нашей докторши дошло: это же их с Бельским свадьба. Что ей оставалось делать? Бельский города брал! Сколько немецких генералов в качестве языка добыл! Вот и её, упрямицу, в качестве жены «добыл», «в плен взял», проявив военную хитрость...

Она украдкой попеняла ему:

– Алёш, ну разве так можно?

– Мне можно. Ты не представляешь, сколько народа на тебя глаз положило! А я хочу, чтобы ты стала моей.

Когда закончился свадебный ужин, Лидия велела Бельскому отвезти их с Машей к месту проживания. Прощаясь, сказала ему:

– Ты как хочешь, Алёша, а я с тобой не останусь. Поезжай домой. Вместе мы не будем.

И он подчинился. Прощаясь, поцеловал ей руку и ушёл.

Вот так жила-была она, свободная, как ветер, а тут – бац! – стала Бельской. Дня три доктор Лида пыталась прятаться, бегать от него. И это от Бельского-то?

Однажды она пришла в свой номер, а он пустой – имущество её всё пропало. Она вызвала дежурного:

– Слушайте, а где мои вещи? Вы что, перевели меня в другой номер?

Тот объяснил:

– Так ведь приезжал адъютант товарища Бельского и сказал, что вы уже три дня как его жена. И все эти дни машина стоит внизу и ждёт вас. Вы теперь супруга коменданта, у вас есть квартира и муж, и вам нужно ехать к себе домой.

Что ж, от судьбы не убежишь. Она расспрошлась с Машей и девичьей своей жизнью, сошла вниз, села в автомобиль и поехала в неизвестность, к Алексею Бельскому. Вот так лихо, элегантно и со вкусом герой войны добился своей женщины. Вернее, увёл её от потенциальных соперников, более сильных, если исходить из субординации. Позже она узнала, что имел на неё виды один генерал. Алексей об этом узнал, и дальнейшие события, грозившие лишить его любимой, упредил. Разве посмел бы он перейти дорогу генералу, командиру корпуса и тоже Герою Советского Союза?

Верная помощница и фронтовая подруга Машенька последовала примеру Лидии и в те же дни вышла замуж за подполковника, с которым жила потом долго и счастливо.

И Лидия Алексеевна ни разу за всю свою жизнь не пожалела о том, что случилось на её личном фронте в те благословенные дни Победы. Лучшего во всех отношениях мужчины на земле для неё с тех пор не было и нет. Более сильного и умного. Обходительного и нежного. Весёлого. Чистоплотного. И непоколебимо, органически скромного. Любую головолomную проблему, включив мозг, решал на раз. Ежедневное, ежечасное, ежеминутное счастье – так коротко можно было бы охарактеризовать все последующие годы их совместной жизни. Она по сей день считает, что это был единственный на свете мужчина, а остальные представители сильного пола – и не мужчины вовсе, а просто люди.

Обоим захотелось переполнявшими их чувствами поделиться с родственниками. С этой целью они выпросили отпуск у командира и поехали в Москву, куда пригласили из Сибири маму Алексея. Знакомство состоялось в ресторане. Бельский обнял обеих и сказал:

– Это моя жена, мам. Она моя жизнь. Её не будет со мной, и меня не будет.

А свекровь церемонно ответила:

– Лучшей ты и не мог бы выбрать, сынок. Лида – красавица, умница, а доктор какой! И приняла невестку как родную дочь.

Потом все вместе они поехали на Волгу, к Лидиной родне. Любимая её бабушка, которая так не хотела, чтобы её дочка вышла за военного, а потом так же не хотела, чтобы за военного вышла внучка, серьезно хворала и уже не вставала:

– Ой, детки мои, не могу встать и обнять вас. Посидите маленько возле меня...

Поговорив с Бельским, бабушка была им очарована, в итоге громко сказала Лиде:

– Внученька, не беспокойся, это наш парень.

Стоявшая уже между мирами, прозорливая сердцем, она сумела сполна оценить нового родственника и поспешила успокоить Лидочку: выбор внучка сделала правильный. И восковой своей рукой благословила их на долгую и счастливую жизнь. (Старики – как же много они знают! Но их никто не спрашивает...)

Евдокия Васильевна с зятем не просто нашла общий язык. Она приняла его как сына – не знала, куда посадить и чем угостить. Со стороны часто казалось, что Алексей – её сын, а Лида – невестка, потому что с дочкой мать была строга, а с зятем любезна и почтительна. Так однажды гостившая у Бельских генеральша и подумала, потому что тихонечко спросила Лидию:

– Как вы со свекровью-то находите общий язык?

– Так это ж моя мама, а не свекровь!

Бельского быстро полюбила вся улица. Тут все друг друга знали с детства. Во дворе их дома стоял длинный дощатый стол в окружении скамеек, на которых раньше сиживали отцовы друзья – военные и соседи, а теперь стали захаживать на огонёк к Алексею второму уже сыновья тех друзей и соседей.

Алексей Ильич терпеть не мог курорты. И как только намечался отпуск, говорил жене:

– Лидуша, ну их, эти санатории. Ты там только и делаешь, что к завтраку переодеваешься, к обеду уже в другом наряде выходишь, к ужину в третьем. Ай-да лучше на Волгу!

– Ай-да, Алёшенька!

Давали своим телеграмму и пускались в неблизкий путь... А на причале их уже встречала толпа народа с цветами и гармошкой. Мужики сразу подступали к Бельскому:

– Командир, когда на рыбалку поедет?

Алексей неизменно весело отвечал:

– Завтра.

Машинами в тех краях тогда ещё не обзавелись, были в основном мотоциклы с колясками. И вот спозаранку человек шесть-восемь, вооружившись удочками и снастями, облепляли мотоцикл какого-нибудь Митрича и мчались с ветром наперегонки на Волгу – на прикормленное место. Там стояли шалаши со столи-

ком внутри и толстым слоем свежего душистого сена на полу. Вечером из улова варили уху, с удовольствием ели, вспоминали о войне, травили рыбацкие байки. И смеялись, и смотрели на звёзды, и говорили вполголоса о вечном – по душам о душе.

Через день Алексей Ильич возвращался домой с бадьёй раков. Обрадованная тёща немедленно их варила. Начинались шум, беготня, хлопанье дверьми. Кто-то подносил ведро пива, и вскоре подтягивалась компания во главе с ухарем гармонистом. И ну до утра – песни, частушки, пляски, шутки-прибаутки и взрывы смеха. В том облаке благодати Бельским было непередаваемо хорошо и тепло.

Каждый день казался гостеприимным по-новому. Шли в лес. Разогретая солнцем земляничная поляна – разве можно её пером описать? Этот сладостный ягодный дух хотелось впитывать каждой клеточкой тела. Из глубины рощи доносилась симфония грибных запахов. Лидия – большой знаток грибов, но ей хочется снова и снова слышать его голос. И она с каждой новой находкой звонко кричит:

– Алёшенька, погляди, а этот съедобный?

– Отложи, Лидуша, сейчас разберёмся.

Тучи насекомых одурело носятся над ними. Птицы щебечут свои вечные песни. Бельские приносят домой корзины, полные отборных грибов, и всей семьёй, усевшись кружком, сортируют их, ножиками счищают травинки и листики со шляпок. И предвкушают царский ужин, потому что мать уже жарит в самой большой сковороде вперемешку рыжики, белые, опята и маслята.

А субботняя русская банька с дубовыми и берёзовыми вениками! Горьковатый дымок из труб стелется над улицей. Весело стегают друг друга в лютом 60-градусном пару сначала мужики, потом в более умеренном – женщины с детьми.

И вот красные, распаренные, чистые собираются домочадцы вокруг стола, покрытого крахмальной скатертью. Кипит самовар. В чайнике уже заварены смородиновый лист, веточки малины, мята. На большом блюде – плюшки и ватрушки, в вазочках – варенье из ягод, мёд липовый. Течёт беседа.

Всеобщее внимание сосредоточено на Алексее Ильиче. Он тут центр вселенной. У него приятный, мягкий голос. Он рассказывает что-то очень интересное так складно и ладно, словно книгу читает. Лидию кидает в сон, она хотела бы положить голову на его плечо. Но кругом люди. Она понимает, им Бельский тоже нужен, он – душа компании. Здесь и сейчас он для всех. Однако Алексей улавливает этот порыв жены и васильковым своим глазом подмигивает ей...

А с Волги величавой и такой родной тянет свежестью. Маленькая птичка со смешным именем «речной сверчок» кричит монотонно и убаюкивающе: «зер-зер-зер»...

НОСИТЕЛИ САМОГО ГРОЗНОГО ОРУЖИЯ РОССИИ

Когда я писала военную часть этой документальной повести, то уговаривала себя не погружаться глубоко в тему из опасения, что сердце не выдержит. Но как это было возможно? Погрузилась. И околевала в сорокаградусный мороз, и от жары сорокаградусной изнемогала, и тряслась крупной дрожью под проливным дождём. И след в след шагала по чавкающей топи, таща на себе тяжеленную ношу, и кричала «ур-р-а-а!», в меня стреляли, я стреляла, падала, лежала под ураганным огнём, вжимаясь в землю, принимая телом её очертания, и молилась всем святым, потом вставала и на подламывающих ногах плелась, шла, бежа-

ла. И под стоны резала по живому, вынимая из тел куски металла, потом сшивала края ран – без нитя, без горестных стонаний. И плакала от жалости, когда не успевала вырвать из лап смерти чью-то угасающую молодую жизнь.

Снова и снова спрашиваю себя: откуда силы брались у этих людей? Без допинга и стимуляторов они совершали уму непостижимые героические деяния (стопка водки не в счёт – это для куража на первые полчаса). Но стимулятор всё-таки был.

Имя ему – дух. Точнее, русский дух как составная часть Святого духа.

И это есть вечное и самое грозное оружие России. И никто никогда не сможет опозлеть, замарать, оболгать эту ипостась народа-духоносца. Это наше родное, руки прочь!

Речь не об этнических русских, а о людях любой национальности, считающих себя русскими по духу. Безотносительно к тому, верили советские воины в этот самый святой русский дух или нет, но именно он открывал в них второе дыхание и наделял сверхвозможностями во время величайшей освободительной миссии в истории человечества.

Великая Отечественная война убрала все разночтения в вопросе границ между добром и злом. Полюса определились чётко и ясно. И само небо стало активно помогать тем, кто выбрал добро: ценой своей жизни защитить родную землю, на которой потом смогут взрастать бесчисленные поколения новых русских душ.

Гитлеровцы бредили идеей создать расу сверхчеловеков. Однако на деле сверхлюдьми оказались не они, а рядовые граждане СССР, сражавшиеся на фронтах, оперировавшие в медсанбатах и трудившиеся по 16 часов в тылу. Фашисты же продемонстрировали миру, что они – не сверхлюди, а сверхнелюди.

О народе восьмой части земли в мире усиленно, агрессивно и нагло продвигается клевета как о поголовной пьяни, деморализованных и никчемных людях.

Пример героической четы Бельских разбивает в пыль эту вековую напраслину. Альтруисты до мозга костей, они отдавали себя без остатка ради спасения ближних и всего мира от зла, принявшего обличье фашизма. Разгромив его, они ничуть не возгордились, а остались скромными и нравственными людьми.

*Памятник Алексею Бельскому
в Кишинёве.*

Фотоснимки – из семейного архива Бельских

Наталья ДАШЕВСКАЯ – кишинёвская журналистка. Около двух десятков лет работала корреспондентом и ведущим обозревателем молдавского приложения газеты «Аргументы и факты», где печаталась под псевдонимом Розамирина. Детство её прошло в Сибири, в Томской области. Филологическое образование получила в Молдавии. Мать четверых детей. Документальная повесть «Две души, закалённые войной» – её первая книга.

Casa mare

ГОСТИ НОМЕРА

СВЕТЛАНА КЕКОВА

«А СЛОВО ВЫХОДИТ ИЗ МРАКА...»

* * *

Внезапно рыбы покажут спины
и вновь в морские уйдут глубины.
Держа в объятиях круг гончарный,
идёт по миру владыка глины.

Он молча мир созерцает тварный,
он слышит – поезд гремит товарный.
а в небе месяц висит двурогий.
и лист грызёт шелкопряд непарный.

Идёт по миру гончар убогий,
его, наверно, зовут Евлогий,
скрывая жизни запас недельный,
за ним шагает сосуд скудельный.

Взошёл Евлогий на холм пологий,
увидел сверху свой путь опасный –
и обнял нежно кривой, безногий
сосуд скудельный из глины красной...

* * *

Человеку неловко,
что отбились от рук
жук и Божья коровка.
крестоносец-паук,

снятся сфинксы, химеры,
послесловья к судьбе –
то ли символы веры.
то ли вещи в себе,

и улитка в затворе
(как предсказывал Кант),
рыбы-ангелы в море,
богомол-дилетант.

то ли это движенье
стекловидной реки,
где живут отраженья –
жалких слов двойники,

Снится нам, неофитам,
мотылёк – как Аллах
с неземным алфавитом
на блестящих крылах,

то ль сияние истин
возникает во мгле
сквозь мозаику листьев
на осенней земле...

* * *

Я там ещё, я в тех глубинах, где слово – камень и скелет
и где в гробах, как бы в кабинах, спят мертвецы на склоне лет,
звонят живым и в трубку дуют, и в этот час нездешний гость
над почвой каменной колдует, и заклинанья чередует,
вбивая в землю ржавый гвоздь.

А дождь идёт и землю мочит, доходит влага до корней,
и то, чего живой не хочет, – того он ждёт всего сильней,
Над лесом пляшут под сурдинку большие майские жуки,
а жизнь и смерть стоят в обнимку на берегу одной реки.

И плещет рыба в водах вечных, и чешуя ее как медь.
Знакомый мастер дел заплечных из волн вытягивает сеть.
А в неводе трава морская, пустых ракушек скорлупа.
На волю душу отпуская, стоит прозрачных тел толпа.

Но чтобы телу стать прозрачным и чтобы дух его окреп,
Телец и Лев над ложем брачным горячий преломили хлеб.
Дыханьем Божиим согреты, они расстаться не хотят,
и крошки хлеба в волны Леты, как звёзды чёрствые, летят.

* * *

Я ушла далеко по дороге, заросшей бурьяном,
миновала пустырь, где репейник торчит Д'Артаньяном,
заглянула в окно низкорослой последней избушки –
на стене крепостной в это время палили из пушки.
Тополь рядом с избушкой был светом пронизан багряным,

а в зелёной листве соловей заливался Бояном,
было самое время мне вспомнить о Чёрной Каяле,
но меня зазывали купцы и манили бояре,
и задумчивый князь мне рассказывал детские сказки,
что купцам и певцам не страшны половецкие пляски.

Я плыла по реке, по реке я плыла в половодье,
загоняли коней или в воду бросали поводья
то потомки Трояна, то Велеса юные внуки,
из зелёной воды я тянула прозрачные руки,
с ожерельем на шее, с браслетом на левом запястье
воздух я целовала – и это считала за счастье.
А волна на волну набегала прозрачную кровью,
чтобы в шуме прибоя любовь рифмовалась с любовью.

В доме, брошенном мною, пелёнки над печкой сушились,
а в зелёной траве муравьи и жуки копошились,
и в саду за забором, под старой мичуринской сливой
с толстым томом под мышкой сидел мой отец молчаливый.
Как ребёнок большой, он рассматривал ложки и вилки
и гранёный стакан сквозь стекло от зелёной бутылки.
Мама резала хлеб (о, как сердце усталое сжалось!),
и сестрёнка моя за подол материнский держалась.

Я не знаю сама – фарисея прощает ли мытарь?
Блудный сын Святослава, ты, птиц убивающий Игорь,
или воин безвестный, умерший с улыбкою детской, –
русским золотом выстлано ложе реки половецкой.
Все богатства мои спят на дне окаянной Каялы,
чьи огромные волны бывают черны или алы.
А волна на волну набегала прозрачную кровью,
чтобы в шуме прибоя любовь рифмовалась с любовью.
Я пространство земли за холмами теряю из вида —
и выходит из вод не блудница, а дева Обида.

А отец мой, уснув на высокой кровати из тиса,
держит в правой руке, как жемчужину, зёрнышко риса,
чаша с синим вином на квадратной стоит табуретке,
а в пространстве ином над могилой качаются ветки.
Нужно ночью вставать, одеялом детишек укутать,
задремать и очнуться, окончательно всё перепутать,
колыбельную петь так, как листьями плещет осина,
на старинный мотив возвращения блудного сына...

* * *

Созрели коробочки мака, зарос лопухами овраг,
а слово выходит из мрака и снова уходит во мрак.

Его не поймашь, не скроешь, не спрячешь навеки – увы –
среди разноцветных сокровищ растущей на воле травы.

Его драгоценного смысла не может коснуться пророк.
Висят над водой коромысла как повод читать между строк,

смеяться, угадывать мысли и ноги закутывать в плед...
А ты, прорицатель, исчисли количество прожитых лет.

В попытке понять совершенство ты к тайне вселенной приник,
ты тоже получишь блаженство в один ослепительный миг.

Но только не сдерживай слёзы и в мире ничем не владей,
покуда летают стрекозы, подобные душам людей,

вращается круг Зодиака, гремит погремушкою мак,
и слово выходит из мрака и снова уходит во мрак.

* * *

Помолчи, не говори ни слова:
где-то птица мелкая поёт...
Жизнь вокруг соснова и елова –
колется, а плакать не даёт.

Вот стоят деревья-соборяне.
дивные высокие дубы.
Я хожу по ягодной поляне,
собираю красные грибы.

От моих усилий мало толка:
тронешь шляпку – и прилипла к ней
жёлтая сосновая иголка,
и другая – чуть позеленей.

Спутники мои оторопели,
спрятались, попадали в траву.
Я кричу, пугая птичьи трели,
жалобное детское «ау!».

В небе виден месяца осколок,
где-то рядом озеро блестит,
падают на землю иглы ёлок,
и листва на дубе шелестит.

* * *

Увянуть могли бы две розы в руке –
да льдистые глыбы плывут по реке.

На них я читаю судьбы письма:
блестит запятая, как чья-то вина,

дрожит многоточья рассыпанный мак,
о чём-то кричит восклицательный знак.

Но, знаки иные в груди затая,
не знаю вины я страшней, чем моя.

Последней из пленниц я шла под венец,
и плакал младенец, звенел бубенец,

а нож деревянный лежал на столе,
как меч-кладенец в каменистой земле.

Кто сможет лихого врага побороть –
рассечь и рассеять словесную плоть

и свадебной ночью на теле стиха
слова уничтожить, как язвы греха?

* * *

В диких чащах и в местах безлесных
тёмной ночью и при свете дня
вещи в длинных мантиях словесных
с удивленьем смотрят на меня.

Я была когда-то их молитвой,
их покоем, превращённым в страсть,
но, пройдя меж Сциллой и Харибдой,
потеряла над вещами власть.

Трудно сердцу, сжатому в полёте,
навсегда попавшему в тиски,
вынимать из нашей общей плоти
жало нераскаянной тоски.

* * *

Бог Асклепий уплыл куда-то
врачевать беспокойный сон.
и грустят два крылатых брата –
Подалирий и Махаон.

Не дано им времён и сроков
знать,
и делать во сне скачок –
но уже молодой Набоков
приготовил для них сачок.

Что, любитель античной прозы,
почитатель священных книг,
миг случайной метаморфозы
и тебя, как волна, настиг?

Ты уже не бессменный стражник,
стерегущий свои слова,
а великий бессмертный бражник,
бражник Мёртвая Голова.

* * *

АКСИОС

1.

Лёжа в своей кровати, «аксиос» говорю
календарю, заплате, бледному фонарю,
бедной сухарной крошке, бабочке и осе,
кружке, губной гармошке, мухе, поскольку все
эти предметы жизни, мелкие существа
славят в своей отчизне тайный закон родства.
вот и шадят их войны, пагубы, забытьё,
ибо они достойны в Царство войти Твоё.

2.

Лёжа в своей постели, «аксиос» я шепчу
мху, соловьиной трели, солнечному лучу,
старому снимку Бреста, трещине на стене,
муче, знакомой с детства, с детства знакомой мне,
лучшей на свете строчке – пропуску в мир иной,
сну в кружевной сорочке с крыльями за спиной,
радуге многослойной, ангелу на пути –
ибо они достойны в Царство Твоё войти.

3.

Я не о тех, кто подвиг свой преломил, как хлеб.
Где они – Рюрик, Хлодвиг, братья Борис и Глеб?
Тянутся, словно птицы, в радужные края
братья мои, сестрицы, дочери, сыновья,
пляшут скворцы в скворешнях, плачут отец и мать...

Разве достоин грешник «аксиос» им сказать?

4.

Лёжа на нижней полке в поезде «Астана»,
я вспоминаю Волги влажные письма.
На золотых, песчаных отмелях у воды –
знаки событий тайных, будущего следы.
Вижу я незнакомца с удочкою в руке,
маленького японца с рюмочкою сакэ,
Вижу я, как стрекозы воздуха ткут парчу, –
и не таясь, сквозь слёзы «аксиос» – я шепчу.

Светлана КЕКОВА – поэт, филолог, доктор филологических наук. Член Союза российских писателей. Автор 13-ти книг стихов: «Песочные часы», «По обе стороны имени», «На семи холмах», «Плач о Древе жизни», «Стихи о людях и ангелах», «Уроки каллиграфии» и др.

Участница многих международных поэтических фестивалей – в России, Голландии, Англии, Германии, Италии. В разные годы ей присуждены премии журналов «Знамя» и «Новый мир», она – лауреат малой премии им. Аполлона Григорьева, большой премии Московского международного фестиваля «Биеннале поэтов», премии имени Арсения и Андрея Тарковских. В прошлом году награждена Новой Пушкинской премией и премией «Московский счёт». Стихи её переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, нидерландский, сербский, китайский и другие языки.

Светлана Кекова – автор трёх литературоведческих книг, а также ряда статей, посвящённых творчеству поэтов-обэриутов – Н. Заболоцкого, А.Тарковского, В. Ходасевича, В. Набокова; философов Ф. Степуна, С.Франка и др.

СЕРГЕЙ БЕЛКИН

ФИСА́

«Влечение сердца – это голос рока».

Шиллер

Представьте: вы идёте по тихой теневой улочке южного города, составленной из мощёной булыжником проезжей части, ровных асфальтированных тротуаров, отделённых от мостовой полоской земли, на которой растут вековые акации, идёте вдоль столетних каменных одноэтажных домов, непохожих друг на друга. Цветы белой акации уже начали осыпаться и улеглись в выбоины асфальта, углубления между корнями и ложбинки между булыжниками. Аромат – как его описать словами? – проникает в вас, что-то творит с подсознанием и вы – уже не совсем вы. Что-то изменилось, и все чувства приведены в боевую готовность. Вот и слух включился и вместо очевидной тишины раннего вос-

кресного утра принёс музыку: сквозь тишину и шелест листьев доносятся звуки фортепиано.

Одноэтажные дома, образующие улицу, некогда принадлежали явно богатым людям: так изящно отделаны фасады из отшлифованного известняка, такие роскошные резные двери, такие решётки у палисадников – это простому человеку никак не потянуть. Разве что с помощью революции и экспроприации...

В одном из таких домов, в прохладной затенённой комнате с окном, раскрытым на улицу, стоит старинное резное пианино «Бехштейн» с канделябрами. За ним на «музыкальной табуретке» – черноволосая юная пианистка в лёгком летнем платье, не скрывающем смуглые от загара плечи. Покачиваясь в такт музыке, она играет, заглядывая в ноты. Кажется, это фа-минорный вальс Шопена... Девушка ещё неуверенно играет, особенно это чувствуется в левой руке... Но – всё равно внутренняя живость музыки при внешней грусти передаётся, и хочется стоять незаметно за старой акацией, вдыхать аромат весны и упиваться её звуками... И мечтать об этой прекрасной красавице с чёрными, слегка вьющимися волосами.

А она, тем временем, летит в своих грёзах вслед за...

...Он сидел бы вон там – в кресле у белой кафельной печи и страстно-печально смотрел на неё, слушал, а потом сказал бы:

– О, как это захватывающе прекрасно! Обожаю Шопена! Но только не играйте, бога ради, 20-й ноктюрн!

– Но отчего же, Сергей? – спросила бы она с очаровательной улыбкой. (Нет, не Сергей, конечно... Лучше – Анри... Нет, это надуманно, пусть уж тогда, Серж). – Но отчего же, Серж?

– Боюсь, что не выдержу первых тактов... Я каждый раз с трудом сдерживаю слёзы при этих первых звуках, словно льющихся с небес, таких чувственных, изысканных... Нет-нет, не надо, иначе я просто рухну к вашим ногам, и буду обожествлять всю вас, а особенно – ваши пальчики.

И с этими пошлыми словами Серж, встав на одно колено, склонил бы голову, и припал губами к пальцам необыкновенной красоты... Её вторая волшебная левая кисть, которой только что не вполне удавались басы фа-минорного вальса, нежно, но с силой впелась в его густые, цвета воронова крыла, волосы... И услышал бы её порывистое, да нет – прямо скажем: страстное дыхание и шёпот...

– Что же вы делаете, Серж, перестаньте... Нас могут увидеть, маменька скоро вернётся, вот и окно открыто...

«Ага... Значит, ей важна репутация – это хорошо! Но ещё лучше, что, кроме репутации, её ничего более не волнует! Ура! Она будет моей! И так скоро, как только это станет возможно! А уж её репутацию я сохраню ценой хоть бы и собственной жизни! Лишь бы достичь этого блаженства, этого неземного рая, какой всегда в её полном распоряжении – 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365 дней в году!».

– Обожаю вас!.. Буду в пятницу, к пяти часам пополудни... Ждите меня и играйте Шопена, но только не 20-й ноктюрн, – сказал Серж, стоя уже у двери. И шёпотом добавил:

– Люблю... Безумно!

Её звали Анфиса, ей было 15½, она влюблена в своего учителя музыки, а вовсе не в этого ветреного Сержа, который, вообще-то, Олег.

«Да, конечно, он товарищ брата, ему симпатизирует тётя Ляля, он из хорошей семьи, да и внешне вполне ничего... Но ведь... Нельзя же так! Всё имеет свою цену... И вообще, что делать потом? Я же не собираюсь за него замуж! Я вообще не собираюсь замуж! Я хочу поступить в консерваторию, потом стать концертирующей пианисткой, красавицей, выступать в лучших залах мира... У меня будут поклонники – принцы и миллионеры, звёзды кино и знаменитые спортсмены. Я буду жить в Париже! Представляю, как моя роскошная копна чёрных, как смоль, кудрей будет взлетать над чёрным роялем, и чёрным водопадом струиться обратно, к клавишам, по которым бегают мои волшебной красоты волшебные пальцы... И Шопен нисходит ко мне с небес и целует меня и благословляет!.. А тут какой-то «Олег»... Олечка-тележка... Папа – доцент, мама – воспитательница в детском садике. Трёхкомнатная квартира в спальном районе и младшая сестра. Да, там, кажется, бабушка откуда-то из деревни ещё есть! Жуть!».

Но учитель музыки был, во-первых, женат, во-вторых – тоже беден... «Нет, во-первых – беден, во-вторых – женат, в третьих – старый... Но нельзя же быть такой расчётливой! А если это любовь?..»

– В общем, Олечка... Ты больше к нам не приходи. И родители против, и вообще...

– И – что «вообще»?

– Ты думаешь, у меня с другими так, как с тобой? – тут она добавила многозначительное «Хм!», потому что в книге, из которой она взяла эту фразу, эту мысль и эту модель поведения, героиня тоже испустила «Хм!»

Он брёл вниз по улице и ждал смерти... Он прислушивался к своим внутренним ощущениям, ожидая разрыва сердца, но молодой здоровый организм работал безупречно и вовсе не собирался умирать.

Он остановился возле странного очаровательного дома с узкими венецианскими окнами, украшенными резной каменной бахромой, с декоративными балкончиками, висевшими так низко, что за перила можно было ухватиться, стоя на тротуаре. Что он и сделал, помогая организму почувствовать, наконец, приближение смерти от любви... Или хотя бы слабость... Он поднял голову вверх, закрыв глаза, как это делают театральные актрисы, намеревающиеся упасть в обморок – но обморока не было.

Открыв глаза, он прочел табличку с названием улицы, носящей имя великого поэта, и понял, что это – знак! Поэт знал толк в любви – и счастливой и несчастной. Но он не ждал малодушно смерти, а пошёл на дуэль – и погиб. Невольник чести! «Но мне-то, мне-то некому перчатку бросать! Родителей любимой на дуэль не вызывают!»

...Неотступно, непрерывно, минута за минутой, час за часом, день за днём она не выходила из головы, и он корил себя за это. Но сделать ничего не мог: её лицо стояло перед глазами. Видимо, поэтому он не узнал её – живую и настоящую, – когда они буквально чуть не столкнулись. Она-то его приметилла издалека и поджидала. А когда поняла, что он бредёт, её не замечая, и вот-вот просто обойдёт, сама встала на пути.

– Я всё решила. Учитель уехал на три дня. И попросил родителей, чтобы я у него в квартире переночевала: надо выгуливать собаку и кормить рыбок. Приходи туда сегодня.

Панельная пятиэтажка, окнами на разворотный круг троллейбуса номер... э-э-э... Ну, неважно, какой именно был номер маршрута. Всё равно уже ничего – совсем ничего! – из этого не существует.

А тогда – было! Бы-ло!

Двухкомнатная квартирка. В «большой» комнате – рояль. А больше туда ничего и не вместились бы. Этажерка, кажется, ещё была. И дверь на балкон: тюлевые занавески пузырьём надулись, трепетали, как парус.

– Выпьем вина.

Проигрыватель «Аккорд». Потёртые, вернее, рваные конверты, заигранные пластинки.

– Ты же знаешь, как на меня влияет музыка. Я давно придумала – под какую музыку это произойдёт. Подожди. Я всё подготовила. Сначала пойдёт вот это... Потом... В общем – услышишь.

И он услышал. А потом перестал слышать. И слышал только себя. А потом вообще перестал ощущать вещественный мир...

– А теперь прощай. Утро наступило. Уходи и не плачь. Мы никогда не сможем вырваться из круга. И бороться не надо, надо просто принять всё. Как есть. Пусть несёт нас рок событий. Впереди ещё много всего будет. А это останется с нами навсегда. Этого никто не отнимет. Уходи.

Рассвет, пустынная улица имени какого-то болгарского – то ли писателя, то ли революционера... Первые троллейбусы с воем валькирий неслись навстречу новому дню, первые прохожие вдыхали утреннюю свежесть...

Он шёл и не плакал, он шёл и не ликовал, он шёл, ещё ничего не понимая – ни произошедшего в мире, ни происходившего в нём самом.

А через два дня он улетел на большом самолёте в огромный столичный город, чтобы поступить в знаменитый университет. И поступил. И жизнь стала всё плотнее и плотнее заполняться делами, событиями, людьми, мыслями и чувствами.

Они брели по осенней итальянской улочке не большого, но знаменитого тосканского городка – два пожилых элегантных загорелых сеньора. Один опирался на трость, а второй пока обходился без дополнительной опоры. Одного из них звали Паоло, он был профессором местного университета. Второго звали... Неважно, как его звали, потому что он был иностранцем с иностранным именем. Сеньоры возвращались с местного кладбища, которое они посетили в связи с желанием иностранца, – дадим ему для продолжения истории итальянское имя Энрико, – поклониться могиле великого тенора, родившегося и похороненного в этом городке.

– Должен тебе сказать, Энрике, – Паоло явно смутил самого себя, прежде чем решился сказать то, что задумал. – Должен сказать, что Лучано был... Э-э-э... Он был не очень умным... Ты понимаешь?

– Капито (ит. *понятно, усёк*), Паоло, – ответил Энрико, – но ему это и не было нужно. Он великий тенор, великий голос. А то, что мы с тобой считаем умом – так, не очень нужный и не очень надёжный навык. Навык сравнения одного с другим. Неточного, к тому же, сравнения.

– Си, си, Энрике, конечно. Я помню его с детства. Он был старше лет на восемь. Мы учились в одной школе и жили на одной улице. Но он был старше. В том возрасте это было как разрыв поколений...

Сеньоры свернули на узкую улочку, едва протиснулись между домами и вышли на пересечение улиц, напоминающее маленькую площадь. В углу, у входа в кафе стоял столик и три стула.

– Не пора ли нам выпить по чашечке кофе, – предложил Энрико.

– Пора, но... – Паоло сделал паузу, – во-первых, не здесь, а, во-вторых, я уже кофе не пью. Сердце... Мне же сделали операцию, шунтирование. Но ты выпей, я с тобой посижу. Это тут рядом. А по дороге я тебе ещё что-то покажу.

Они остановились у старого неухоженного, можно сказать, заброшенного трёхэтажного здания с некогда внушительным порталом центрального входа. Сейчас он был заколочен и изуродован граффити.

– Вот, это тут, – сказал Паоло и остановился. – Здесь раньше был офис Итальянской коммунистической партии. И когда в Москве умирал Сталин, здесь ежедневно вывешивали сводку о его болезни. Мой отец приводил меня сюда каждый день: читать сводку. Тут всегда было много людей.

– Твой отец был коммунистом?

– Нет, это я был коммунистом. Но уже потом, после смерти Сталина... А отец мой был фашистом. Ну вот... Пойдём, тут уже близко.

Прежде чем они вышли на следующую маленькую площадь, Энрико услышал приближающийся шум голосов: на эту площадь выходило здание местного университета, и тут всегда толпилась и громко разговаривала молодёжь.

– Вот здесь ты выпьешь настоящего кофе. Меня тут знают.

Столики стояли на тротуаре, но Паоло сказал, что внутри будет лучше, там есть кондиционер. Внутреннее помещение было очень маленьким и узким. Сле-

ва от входа короткая стойка бара, справа два крошечных столика, середину занимала лестница на второй этаж, а позади неё было пространство неясного назначения: то ли склад, то ли что-то служебное... В глубине виднелось маленькое окошко, под которым сидела старуха, погружившаяся в изучение каких-то бумаг. Паоло помахал ей рукой:

– Бон джорно, Фисá!

– Бон джорно, Паоло!

– Это хозяйка, – сказал Паоло, обращаясь к Энрико, – хорошая женщина.

И они протиснулись в пространство за лестницей, где, кроме офисного стола Фисы, оказался столик «для своих».

– Тут лучше, – пояснил Паоло, – здесь студенты меньше мешают. Там они нам вообще поговорить не дали бы. Садись. Фисá, кофе моему другу Энрике!

– Бон джорно, Энрике! – ответила Фиса, не вынимая изо рта длинного черного мундштука с дымящейся сигаретой. – Тебе какой? Эспрессо?

– Си, Фисá, эспрессо. И воды.

– Ну, разумеется, натуралменте!

Фисá крикнула девчонке за барной стойкой: «Уно эспрессо пентру сеньор!» и показала рукой в сторону Энрико и Паоло.

– Мне показалось, или она действительно что-то сказала по-румынски?

– Нет, не показалось. Они тут все румынки.

– И Фисá?

– Угу... Только она тут давно. Вышла замуж за итальянца еще во времена Советского Союза.

– А-а-а...

– Так вот, Энрике... Сталин был кумиром. И не только у коммунистов. Он для всех был кумиром.

– Даже для фашистов?

– О, да! Даже для фашистов! Потому что он – герой, победитель! Понимаешь? Это же неистребимая римская традиция, римское мироощущение: ге-рой!

...Паоло умолк, откинув назад голову с полузакрытыми глазами, и только сухонькими старческими пальчиками выбивал дробь из деревянной крышки столика.

– Паоло, – окликнула Фисá, – можно тебя на один вопрос? Я тут не могу понять...

– Сейчас, сейчас, – ответил Паоло и пояснил Энрико, – я ей иногда помогаю разобраться в финансовых бумагах.

Паоло медленно выбрался из-за столика и подошёл к столу хозяйки. Энрико стал разглядывать молоденькую румынку за барной стойкой, прислушался к музыке, которая все время тихим фоном звучала в кафе, но он её до этого не замечал, увлечённый разговором с Паоло и своими мыслями. Звучало что-то очень приличное, похоже на Моцарта. Энрико закрыл глаза и положил руки на удобные подлокотники: «Да, это точно Моцарт... А вот что именно – не знаю... Кюхель номер такой-то... Моцарт измеряется Кюхелем...». Стариковская дремота слегка прихватила его, несмотря на крепкий кофе.

Столик качнулся: Паоло втискивался в своё кресло.

– Должен тебе сказать что-то приятное: ты ещё пользуешься вниманием женщин, – хмыкнул Паоло с игривым выражением лица. – Фисá спрашивала про тебя.

– И что же она спрашивала? Сколько мне лет и богат ли я?

– Ты не знаешь Фисы, дорогой. Это совсем не такая женщина. Она просто спрашивала – кто ты, откуда и всё такое. Ни наличием семьи, ни деньгами она не интересовалась.

– И что ты ей про меня сказал?

– Так... Самое основное. Сказал – откуда ты, сказал, что ты приглашённый профессор... Вот и всё. А что, надо было подробнее?

– Нет, думаю, вполне достаточно.

– Она хорошая женщина, Энрике.

– Ты что, пытаешься меня заинтересовать? Поздно, друг мой, очень поздно.

– Да нет, просто она – хорошая женщина. С непростой судьбой.

– Я не сомневаюсь, – ответил Энрико, надеясь продолжить разговор на более интересную тему: про мировую экономику. И прежде чем к ней вернуться, взглянул на Фису.

Фиса оставалась на своём месте, продолжала держать в руке мундштук с дымящейся сигаретой, но только выражение лица у неё стало совершенно другим: она смотрела на Энрико глазами, полными слез! И даже, поймав взгляд Энрико, она не отвернулась, не изменила выражения лица, оставаясь в состоянии, близком к ступору.

Просто она вспомнила, что когда-то давно её звали Анфиса.

А Энрико не вспомнил, что его зовут Олег.

5 декабря 2009 г.

КУКУРУЗНОЕ ПОЛЕ

*«Факты уже никого не трогают.
Это просто отправные точки для вымысла и рассуждений».*

Х. Борхес, «Утопия усталого человека»

Чем ближе конец, тем выше ценность всего, что было в прошлом. И это странно: то, что было – уже и так моё, оно и так уже было. Должна возрастать ценность уменьшающегося остатка, – и она, в общем, растёт, – но её хочется истратить на... фиксацию прошлого.

Мне тогда было уже за шестьдесят, но я ещё был вполне крепок: ноги меня носили, голова соображала. Оказавшись в стране моей юности, захотел повидать места, в которых был лишь однажды в жизни. В те времена студентов направляли на уборку урожая. Весь сентябрь, иногда и октябрь студенты работали в колхозах и совхозах. Нас посылали, чаще всего, на уборку винограда. А уже на месте могли поручать и другие работы: уборку яблок, например, или очистку кукурузы. Сами кукурузные початки убирал комбайн, а вот обдирать с каждого початка его защитную листву надо было вручную. Работа эта несложная и весёлая. На большой куче початков рассаживались студенты и, беря из-под себя початок, обдирали листья, а потом: листья – в одну сторону, золотистые початки – в другую. Так постепенно из одной кучи накидывали две – с листьями и с початками. При этом, конечно, кидались друг в друга и вообще всячески развлекались.

Кругом были поля, разные сельскохозяйственные строения и машины, светило солнце, а в головах царили гормоны, потому что головам было по 17-18 лет. О последствиях гормонального управления поведением я, быть может, поразмышляю в другой раз, а теперь поспешу зафиксировать событие необычайное, произошедшее совсем недавно, когда не только гормоны перестали мною управлять, но и я ими.

Чтобы повидать те места, надо было от столицы страны моей юности ехать на юг по некогда очень хорошей, а теперь пока ещё приемлемой дороге, часа три. Таксист согласился довезти меня не до того села, в которое я стремился, а до ближайшего к нему городка. Он был любезен, но непреклонен: довёз меня до границы районного центра, откуда мне оставалось пройти километров пять-шесть пешком. Почему он не согласился проехать это совсем небольшое расстояние – понять я не мог, но, учитывая колоссальные геополитические изменения, произошедшие с нашими странами, народами и с нами самими, я принимал смиренно всё происходящее как данность.

И это мне помогло. Как? Сейчас расскажу...

Стояла ранняя осень – конец сентября или начало октября. Было сухо, солнечно, тепло, – но не жарко. Идеальная погода! Вокруг разливался, проникал во все потаённые места организма и сознания запах вина, точнее, виноградного жмыха, вываленного то там, то сям на обочину дороги. Белые гуси, суетливые куры, петушащиеся петухи, собаки, голуби, воробьи и очень незаметные редкие трудящиеся заполняли движущуюся часть картины. Неподвижными были оранжевые тыквы, деревья, дома и холмы на горизонте, окружавшем долину, посередине которой пролежала моя дорога.

Я помнил, что сорок лет тому назад (пожалуй, что и все сорок пять...) рядом с дорогой был небольшой домик, в котором располагалось что-то совхозное. А рядом с домиком росло огромное, исполинских размеров дерево, под которым – наполовину вкопанная сверху дном здоровенная бочка: на её днище могли усесться три-четыре парня, да ещё оставалось место для одной девушки, но она, помнится, остерегалась так близко садиться.

Шёл я себе шёл, кружа сам себе облысевшую голову подобными воспоминаниями, но ни домика, ни дерева, ни бочки всё не попадалось: словно их и не было. Не удивительно – столько лет прошло...

С правой стороны на расстоянии метров двадцати от дороги шли виноградники, неспешно поднимающиеся на ближний невысокий холм. Направления рядов были выбраны с учётом движения солнца и наиболее выгодного угла падения его лучей на растущие лозы. Виноград уже собрали – следы от тракторов и машин, вывозивших урожай, оборванные листья, необрунные ящики и корзины и прочие следы человеческого радения и нерадения наполняли окоём. Цвета листьев осени вдохновляли художников уже не одно столетие. Напомню себе и вам: «Красные виноградники Арля».

Я зашёл в виноградник, твёрдо зная, что как бы тщательно не убирали виноград, что-то на лозе останется. Причём эта оставшаяся кисточка будет слаще всех своих своевременно ушедших родственников. Так и случилось: довольно быстро я нашёл у самой почвы не слишком облепленную землёй гроздочку, сорвал её, обдул, выбросил подгнивающие виноградины, затем, побрасывая кажущиеся чистенькими ягоды в рот, вернулся на дорогу... Мне повезло: здесь рос не винный,

а столовый виноград. Хотите знать его помологический сорт? Я тоже... Но, увы, Господь мне такого знания не дал, люди об этом не позаботились, а я свой шанс потратил на изучение так и не ставшей мне нужной физики.

Оглядевши левую от дороги часть долины, вдалеке, у подножья холма за большим кукурузным полем, я увидел и вроде узнал, то место, которое называлось «полевой стан», и где всё ещё стояли какие-то белые приземистые строения: в таких раньше бывали коровники или зернохранилища. Кажется, именно там, рядом с ними мы и чистили кукурузу, сидя на высоких конических кучах... Да, чуть не забыл: у нас же был радиоприёмник «Спидола»! Мои ровесники поймут, что это означало, а остальным я объяснить не смогу. Лучше я объясню им, что такое «партсобрание» или «политинформация», но они об этом не спрашивают. Так вот: по радио мы ловили на длинных волнах – тоже, поди, не понимаете, что это такое, – одну популярную зарубежную радиостанцию, по которой передавали зарубежную же, ясное дело, эстрадную музыку. Мы её слушали, чистили початки и ждали обеда или ужина – в зависимости от времени суток.

Чтобы дойти до этого места, находившегося метра в двухстах или трёхстах от дороги, надо было пересечь кукурузное поле, которое ещё не начали убирать. Кукуруза выросла, как всегда в этой плодородной долине, высоченная – метра два с половиной и выше. Листва оставалась ещё, в основном зелёная, но пожелтевшие листья и жёлтые венчики кукурузных метёлок придавали полю вполне декоративный вид. Довольно скоро я отыскал глазами «просеку» в этом кукурузном лесу, наезженную машинами, и направился в сторону строений, исчезнувших из моего поля зрения, как только я оказался в объятии зарослей *Zea mays* – так называется это растение на латыни. Да-да, тот самый маис, о котором говорят во всех американских романах, в которых есть хоть один персонаж-мексиканец. Мексиканцы – наследники майя. Вождь майя Кетцалькоатль, между прочим, – бог кукурузы. Дон Хуан – Карлоса Кастанеды – из тех же мест. Не может ли кукуруза быть источником той силы, о которой говорил Дон Хуан? О подобной чепухе размышлял я, вдвигая себя в мир Кетцалькоатля. Оказалось – и вскоре вы поймёте почему, – что всё это далеко не чепуха.

Виноград я уже к тому времени употребил, теперь не удержался от соблазна найти и сожрать молоденький початок: они всегда есть, если поискать. Наряду со взрослыми, созревшими початками имеются и маленькие, недавно вылупившиеся. Они сладкие и мягкие. Я их нашёл, съел и потопал далее сквозь кукурузный лес в полной уверенности, что выйду к видневшимся с дороги строениям, потому что дорогу просто больше некуда было вести.

Вскоре стал виден выход из зарослей, а за ним холм, но вот тех белых построек сельскохозяйственного назначения, к которым я шёл, не было. Вместо этого стоял дом – скорее жилой, нежели производственный. Довольно запущенный: обмазанный глиной и когда-то побелённый, он изрядно облез. Дом был окружён неким невысоким препятствием – не могу его назвать ни забором, ни изгородью – сложенным из камней, мусора, веток и прочего. Поскольку за ним гуляли куры, было ясно, что это препятствие сложено исключительно для них: чтобы не убежали в кукурузу.

Я остановился в недоумении, стал оглядываться по сторонам, но кроме кукурузного поля за спиной и холма впереди ничего не увидел: вот этот одинокий дом – и всё! Я прошёл несколько метров вдоль «препятствия», поглядывая на окна дома, закрытую дверь и следы пребывания в нем людей: мазаная глиняная

печь во дворе, косы синего лука под свисающей крышей... Всё, короче, как и у всех в этих краях. Двор – вытоптанная земля: ни травы, ни кустов... Кусок двора – огород. На нём тыквы, что-то ещё... Колодец с «журавлём» из относительно ровного высохшего и ставшего тёмно-серым ствола акации, каменное корыто для воды, выдолбленное из мягкого известняка, обросшего от сырости и тепла зелёным мхом. Словом, ничего необычного и ничего примечательного – для тех, кто в этих местах живёт, разумеется.

Я не сразу его заметил. А когда заметил, скажу честно, похолодел от страха, точнее, от неожиданности, с которой он возник ниоткуда. Старик стоял на пороге дома и молча смотрел на меня. В нём не было ничего странного: лысеющий старик лет, наверное, семидесяти, в стёганой ватной безрукавке, обшитой кое-где кожей. Под безрукавкой – клетчатая байковая рубашка, застёгнутая на все пуговицы, серые брюки, башмаки... Лицо и руки – загорелые дочерна, как у всех крестьян. Он меня разглядывал, не выражая никаких эмоций.

Опомнившись, я поздоровался на местном наречии, остатки которого еще хранились в моей памяти, но тут же перешёл на русский, потому что на других языках поддержать разговор я не смог бы. Он кивнул и жестом пригласил в дом, открыв скрипнувшую дверь. Я начал не очень складно бормотать что-то про свои намерения отыскать то место, где я был сорок лет тому назад, но он прошёл в дом, и мне ничего не оставалось, как проследовать за ним.

– Садись, – сказал он по-русски, указав на стул, покрытый куском старого килима. Стул стоял спинкой к окну рядом со столом. Я сел, осторожно положив правую руку на не совсем чистую, ничем не покрытую поверхность деревянного стола. Старик вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с графином вина и миской с брынзой, луком и хлебом.

Потом взял с полки два запылившихся, со следами предшествующих вин, гранёных стаканчика, зачерпнул ими по очереди воды из ведра, поболтал её пальцем, обмывая стенки, выплеснул воду в открытую дверь, налил вина до краёв, поддвинул мне стакан и сказал второе слово:

– Пей!

А потом и третье:

– Закусывай!

Я выпил, отломил кусок хлеба, брынзы и стал жевать, чувствуя себя вполне естественно. Я понимал, что передо мной человек моего поколения, который прожил ту же жизнь, что и я, – в смысле, в той же стране и в те же годы, – и мы друг друга, так или иначе, поймем.

Вино было, как мне показалось, точно такое, как и сорок лет назад.

Я начал ещё раз, теперь уже неспешно, рассказывать про то, как мы тут студентами кукурузу чистили, что где-то рядом есть тракторная бригада – вот, вспомнил-таки: не «полевой стан», а «тракторная бригада» – и я, видимо, как-то сбился с дороги, когда шёл сквозь кукурузные заросли.

Старик усмехнулся... Потом побарабанил пальцами по столу, налил ещё по стаканчику, решив на этот раз со мной чокнуться, сказал:

– Меня зовут Спиридон, а тебя как?

– А меня Сергей, – ответил я, и второй стаканчик легко вошёл в моё нутро, порадовав всё, что ему встретилось по дороге.

У меня с детства привычка: я зажмуриваюсь, когда пью. Почему – не знаю. Поэтому и говорю – привычка!

Когда я открыл глаза, я увидел, что Спиридон очень внимательно, даже напряжённо смотрит на меня. Поймав мой взгляд, он спросил:

– Ты вообще кто? Чем занимаешься?

– Вообще-то я журналист, но сейчас уже пенсионер.

– Понятно... Ты с какого года?

– Пятидесятого, – ответил я.

– В смысле? – переспросил он.

– В том самом смысле, – усмехнулся теперь я, – одна тысяча девятьсот пятидесятого.

– Понятно, – ответил он. И произнёс в тот момент загадочную, а впоследствии понятую фразу: «Давно оттуда никто не залетал...».

Спиридон вздохнул, слегка хлопнул ладонями по коленкам и, откинувшись на спинке стула, вонзил в меня напряжённо-проницательный взгляд:

– Мне кажется, что психика у тебя вполне устойчивая. Так? – спросил он.

– Хм... Вроде бы пока не жаловался, – ответил я и подумал о том, что лексика Спиридона ну никак не соответствует его облику и роду занятий. Так пожилые крестьяне не разговаривают. Впрочем, кто знает, кем он был в предшествующей жизни. Может, и профессором в институте.

Я вспомнил один реальный случай. Дело было на пляже отеля «Черчилль» на Кипре. Часть пляжа располагалась под деревьями, на зелёном газоне, в окружении цветов. Я там и покоился, не стремясь к прямым солнечным лучам со своей отвыкшей от загара кожей, и читал какой-то детектив. Справа от меня кучковалась французская семья: мать, отец и две дочери. Старшей было лет шестнадцать, и она загорала топлес, явив миру свою прелестную невинную грудь. И это меня время от времени отвлекало. Тогда я переводил взгляд на худющую старуху-немку слева. Фрау была дочерна загорелой. Она носила широкополую соломенную шляпу с голубой лентой. Читала книгу на немецком, набранную готическим шрифтом, и, достав походный набор, рисовала окружающий мир акварельными красками.

Вокруг нас целыми днями бродил садовник – очень живописный старик. Коренастый, смуглый, с огромной белоснежной бородой, чем, разумеется, напоминал Карла Маркса. Мне, конечно, напоминал. У кого-то было другое детство и другие, так сказать, архетипы подсознания. А у меня – такие... Этот садовник копошился в земле, подрезал и подправлял цветы и кустарники, стриг газон, – делал, короче говоря, свою работу. Время от времени он общался с постояльцами отеля. Удивительным было то, что он одинаково бойко говорил с англичанами – а их было большинство – на английском, с французами – на французском, с немкой – на немецком, с администратором отеля – на греческом... Когда он заговорил со мной на русском, – увидев обложку книги, которую я читал, – всё прояснилось. Это был профессор Софийского университета, болгарин. Участь садовника он избрал добровольно и не от невзгод, свалившихся на наши с ним страны, а в связи с глубоким осознанием сути и смысла жизни. Он был абсолютно счастлив в роли садовника приличного Кипрского отеля.

Вполне возможно, что и мой таинственный старик прежде был профессором... А потом – то ли от реальных проблем и тягот жизни, то ли «от просветления» – удалился в деревню и живёт жизнью простой, естественной и независимой.

– Так чем ты хочешь меня... э-э-э... удивить? – спросил я.

– Да тем, – ответил Спиридон, – что ты улетел в будущее. Понимаешь? Лет на пятьсот вперед... Какой сейчас, по-твоему, год?

– С утра был 2011...

– Вот именно: с утра! С твоего утра. А с моего утра был 2527-й.

– Это по какому же исчислению?

– Это по вашему исчислению. По нашему исчислению года вообще давно перестали нумеровать.

– Это здорово, Спиридон! Давай, по третьему, что ли? – и я тихонько запел, точнее, замурлыкал мелодию из моей молодости: видать, вино уже проделало часть полагающейся ему работы.

– Давай, – согласился Спиридон, – лучше постепенно и с вином. Вино хорошее. Сам делаю.

Мы выпили. И закусили. Я уверенно переходил в ещё более благополучное состояние духа и тела. Молодое мутное вино способно творить чудеса – так пусть и творит!

– Для начала ответь мне, – сказал Спиридон, – что такое петля времени ты знаешь или слышал хотя бы?

– Да, конечно! Я же вообще-то на физика учился. И выучился! – тут мне почему-то захотелось смеяться, и я заржал, опуская голову на грудь.

– Физик – это хорошо. С ними легче. А когда ты сказал, что ты журналист, я стал опасаться... Журналистика – не лучшее, что придумали люди.

– Ну да, типа вторая древняя профессия и всё такое?

– Чушь полная! Не вторая, не третья и вообще... Самая древняя профессия – шаман или жрец, если хочешь знать. Но давай вернёмся к петле времени. Ты, стало быть, понимаешь, что человек может, оказавшись в особых точках пространства, перескочить в другое время: в прошлое или в будущее?

– Я это понимаю, но – только как литературный приём. Как реальная возможность – такого не может быть. А как приём – да. Сотни примеров. Например, кинофильм Хотиненко «Зеркало для героя» – помнишь? Там мужики попали в прошлое, лет на сорок-пятьдесят... Хорошее кино...

– Хорошее вино. Налить? – спросил Спиридон, держа над стаканом склоненный графин, в котором, на глаз, оставалось ещё на два захода.

– Налить, – ответил я. – Вино хорошее.

– У меня ещё много, – сказал Спиридон. – С прошлых лет полным-полно: пить-то некому!

– А ты что, один живешь?

– Один, – сказал Спиридон, наливая и себе полный стакан. – Теперь многие так живут.

– Будь здоров, – сказал я, чокаясь. – А почему так?

– Расскажу. Только ты насчёт петли времени осознай. Пожалуйста. Ты в неё реально угодил. И не ты первый. Ко мне раз в десять-двадцать лет кто-нибудь да залетает. Здесь место такое – как раз там, где кукурузное поле. Большинство из него и выходят. Будь здоров!

Я вспомнил, что как-то в молодые годы выпил восемнадцать стаканов вина, прежде чем перестал их считать, и смело опрокинул волшебную жидкость, дав ей стекать «по шоссе моего горла», как пелось в той песенке, что я попытался промурлыкать.

– Значит, говоришь, я в петлю времени угодил? Допустим! – решительно приняв действительность, я поставил опустошённый стакан на стол. – Но обратно-то я смогу вернуться?

– Вот ты какой, – ответил Спиридон. – Ещё с будущим не познакомился, а уже обратно хочешь? М-да... Все вы такие... Насчёт «обратно» ничего гарантировать не могу, но в большинстве случаев они куда-то деваются.

– Уже неплохо! – встрепенулся я. – Так что тут у вас в будущем?

– Я верил, что не ошибся, когда просканировал тебя и предположил, что психика крепкая, устойчивая... Ну так слушай. Про тебя и вашу жизнь я спрашивать не буду: я всё знаю, мне известно прошлое. А вот тебе будущее неизвестно. Так что начнём... Начнём с того, что мне триста десять лет.

– Мазл тов! – попытался пошутить я. – Не Мафусаилов возраст, но очень неплохо!

– Тебе тоже до Мафусаила немного не хватает: тебе только 577, а старик тянул до 969...

– Класс! – восхитился я, укладывая кусочек брынзы в половинку болгарского перца.

– Слушай дальше. Люди давно научились управлять возрастом и численностью населения. Можно зафиксировать некое состояние своего тела, например, в возрасте семидесяти лет, как это сделал я, а потом выключить механизм старения и клетки будут практически бесконечно возобновлять себя. Понятно?

– Яснее ясного. Я об этом читал. Про ген старения и про то, что каждые семь лет все клетки обновляются.

– Так точно. Примерно за семь лет: одни быстрее, другие медленнее. Каждый человек сам выбирает себе и состояние фиксации, и продолжительность жизни. Когда надоест, жизнь можно остановить.

– И какова статистика? Много ли самоубийц?

– Большинство выключается в интервале 150-200 лет, но точной статистики нет. Это я так, на глаз. Теперь вообще нет никакой статистики. Она никому не нужна.

– Эт-то интересно! – и я сам налил себе ещё стаканчик. Старик проследил за моими действиями и не дал мне за ним поухаживать: тоже налил себе сам.

– Не торопись, – он остановил мой порыв к немедленному выпиванию налитого. – Слушай об управлении. Количество людей на земле стабилизировалось и давно не меняется. Сколько нас всего – я не знаю. Но уверен, что в разы меньше, чем в твоё время.

– А что же с размножением? – я хотел задать вопрос как-то по-другому, более научно, но выпалил то, что выпалил.

– Размножение происходит так же, как и раньше, только плодить можно не более одного-двух детей. И это строго и точно регулируется. Сейчас поймёшь, как. В каждом из нас ещё при рождении проводятся улучшения, настройки и наладки. Элиминируется ген старения, о котором ты говорил, встраиваются определенные программы, в том числе и по части размножения, выявляются и устраняются генетические болезни и уродства, определяется потенциал личности, таланты и склонности, ну и всё такое прочее. Человек делается более совершенным и полезным – как для самого себя, так и для общества. Его правильно воспитают, правильно обучат и поместят в правильную среду, где он будет жить, рабо-

тать и размножаться. То самое либидо, вокруг которого вращалась вся ваша цивилизация, из нашей жизни устранено – прямым и точным вмешательством в генную природу каждого новорожденного. Это ваше либидо – источник практически всех проблем человечества. Мы о нём можем прочесть из ваших книг и увидеть из кинофильмов и ещё раз убедиться, что это очень вредное свойство древних людей. С избавлением от него стало жить гораздо лучше. Мы к нему относимся как к тяжкому заболеванию, как к уродству.

– Стоп! Тут надо выпить! Это какая-то ерунда. Либидо – либидой, но уничтожив зов пола, вы превратите человечество в эмоциональных тупиц! У вас не будет не только чувств любви, но и вообще никаких чувств! Вы превратитесь даже не в стадо баранов, а в клубок слизняков-гермафродитов!

– Силён, журналист-физик! Bravo! За «слизняков-гермафродитов» стоит выпить! Молодец, Серёга!

Мы выпили, и я испытал приятное чувство собственного достоинства.

– Теперь – о чувствах. Связать всё, точнее, привязать всё к зову пола, к инстинкту размножения было ошибкой ваших философов, поэтов и прочих «мыслящих людей». Есть у нас все те же самые эмоции, есть и любовь – но не один лишь эрос, а и филос, и агалос... И эрос, сиречь похоть, тоже есть. Только его роль в эмоциональном мире стала иной. Вами эрос и похоть управляют, мы же даём место и волю похоти только тогда, когда нужно. Вот и всё. А все остальные чувства и эмоции, как оказалось, совершенно с этим не связаны. Вас обманывали, друг мой. Сама природа вас дурила. Потому что ей надо было вас расплодить без всякой меры, пока вы не станете способны к самозащите и разумному планированию. Вас метали, как рыба икру. Производилось избыточное количество, ибо большей части суждено было быть сожранными, как икринкам. Сожранными войнами и революциями, убитыми другими способами. Ваше либидо рождало ложную шкалу ценностей, ради которых вы превратили свой мир в ад на земле. Думаешь, эта библейская легенда про Еву, яблоко и змия – сказка или заурядное нравоучение? Это, брат, просто – истина. Думаешь, ваши монахи и священники отказывались от половой жизни безо всяких оснований? Впрочем, тут дело обстояло не совсем хорошо. Основания-то были, но метод – целибат – никуда не пригоден. Только наш метод оказался действенным.

– Где у тебя туалет? – спросил я.

– Да где хочешь, там и отливай. Подойди к забору – и поливай... А осенью дожди пойдут, всё смоят. Тут никого, кроме нас, нет и не будет. Если, конечно, ещё кто-то не залетит. Впрочем, справа за домом есть и будочка с выгребной ямой.

Я дошёл до уборной. Дверцы на ней не было, а остальное – как у всех: дыра в полу.

«Надо было развивать полтыщи лет цивилизацию, чтобы к этому прийти? – подумал я, и, делая своё дело, вспомнил чьё-то нравоучение: «Половые органы даны нам для продолжения рода, а не для удовольствий».

Выйдя из уборной, я постоял во дворе, глядя на темнеющие кукурузные заросли и садящееся за холмы солнце. Вечерние лучи были горячи, как летом, а воздух за спиной охлаждал, напоминая о приближающейся осени. Я понимал, что уже изрядно нагурился, но, конечно, ещё далеко не пьян. Впрочем, я не собираюсь доводить свой организм до критической кондиции, когда тело само решит, где ему лечь и впасть в режим переработки вновь прибывших токсинов, выпу-

стить на волю алкогольдегидрогеназу и, как неуправляемое последствие, нарушить священный баланс дофаминов, эндорфинов, серотонина и других весёлых и грустных друзей нашей психики.

Пора, вообще-то, отправляться обратно, надо хотя бы до городка дойти – там гостиница должна быть, хотя я рассчитываю на такси до столицы. Старик, конечно, более чем занятный. Сокровище, а не старик. Надо бы побольше запомнить из его роскошных фантазий. А как излагает?! Молодец. «Сколько у нас талантов!» – всхлипнул я вслед за тов. Бываловым из кинокартины «Волга-Волга».

Спиридона в комнате не было. На столе стоял опустошенный графин с чернильным ободком на доннышке, куски хлеба и брынзы валялись в беспорядке.

– Спиридон, ты где? – окликнул я.

– Иди сюда, – ответил он из смежной комнаты.

Войдя в неё, я сходу протрезвел: Спиридон сидел у монитора компьютера, на столе и под столом были какие-то блоки и устройства, не вполне мне знакомые.

– У тебя что, интернет тут есть?

– Разумеется. Сеть стала основой нашей цивилизации. Только мы её не забываем информационным бредом, тем мусором, в котором вы жили. Она нам нужна для дела, а не для ваших убогих, прости, манипуляций и забав. Вот, смотри. Садись рядом.

Я подсел, взяв шатающийся крашенный табурет. На экране, разделенном на сектора, двигались цифры, бежали надписи... Я продвинутый пользователь, я подобное видел, скажем, в биржевых системах.

– Что это?

– Обмениваюсь с центральным процессором. Вот – видишь? – и он показал на электрод, присоединённый к его подмышке. – Я соединен с системой. Она считывает мое состояние, все мои параметры и, если надо, корректирует. Внутри меня тоже есть персональный процессор, он управляет жизнедеятельностью организма.

– Ага... Телемедицина...

– Она самая... Пусть пока работает, а я тебе покажу другие важные вещи. Откроем, например, окно, связанное с энергетикой. Это самое главное и это поможет тебе понять наш мир.

Я не знаю, какая химия в сей момент происходила в моём мозгу, но состояние возникло совершенно необычное: я как будто падал куда-то вниз, я не мог остановить ни падение, ни свой взгляд на чём-либо, ни мысли... Я как бы парил, испытывая головокружение. Единственная мыслишка, скорее даже эмоция, а не мысль, пыталась пробиться к сознанию, но некие защитные силы её не пропускали. Мысль эта, если бы пробилась, стала бы примерно такой: неужели он говорит правду?

– Вот, смотри. Я по ходу тебе объясню то, чего ты не знаешь. Лет триста тому назад проблема энергии была решена. Были созданы чистые и почти неисчерпаемые источники энергии, и её научились передавать по сети интернет. Вот я сижу и подпитываюсь, эти устройства – тоже подпитываются. А потом они будут работать, обеспечивая энергией все домашние, а, когда надо, и производственные мощности.

– Но за энергию надо платить. Верно?

– Верно. Но не совсем. То есть это делается не так, как в ваше время. Энергия – это и есть деньги, если пользоваться вашими устаревшими понятиями.

– Ты хочешь сказать, что тебе просто так кто-то качает деньги? И ты ничем за это не расплачиваешься? Это я помню! Это называется коммунизм: деньги отомрут, государство отомрёт, «от каждого по способностям, каждому по потребностям» – так?

– Почти. Энергию мне дают действительно «просто так», то есть я за неё ничего не плачу. Потому что я уже за всё заплатил: фактом моего рождения, фактом рождения от меня двух детей и моей работой на протяжении первых двух сотен лет.

– Так ты на пенсии?

– Можно сказать и так. Дело в том, что у каждого есть возможность выбирать разные варианты существования. У нас по-прежнему есть, например, большие города. Похожие на ваши, только более... Короче, получше. Там люди живут, работают, производят разные вещи. Занимаются исследованиями, искусствами, обеспечивают работу сетей. Жить в этих городах можно ограниченный период времени. Лет примерно в сто пятьдесят – двести каждый для себя решает, что делать дальше. Большинство желает уйти из жизни. Потому что надоело: дальше ничего нового уже не будет. Те, кому еще не надоело, могут продолжать жить, но не в городах. А так, как я, например. Часть энергии мне будет обеспечена, – это вроде пенсии, а недостающую часть я произвожу сам. Понятно?

– Понятно...

На экране продолжали плыть какие-то слова и цифры. Я вгляделся, пытаюсь прочесть: вроде бы много знакомых слов, но в целом непонятно.

– Послушай, а какой это язык?

– Ну, это наш общий язык... У него нет названия. В основе своей он английский, но намешано тут много всего. На нём все и общаются.

– А русский откуда ты так хорошо знаешь?

– Хм... А это мой процессор его хорошо знает. Ну и я сам, сидя в этих краях, интересовался историей того, что тут было раньше. Да и пришельцы, вроде тебя, как-то стимулировали. Но главное – процессор. Ему всё равно, на каком языке кто говорит. Он всё знает и мною управляет.

– Так ты биоробот?

– Умора с тобой... Вот у тебя, например, есть мобильный телефон и часы – так? Если ты себе их засунешь... Ну, как кардиостимулятор, их тебе вошьют под кожу, ты станешь биороботом? Или всё-таки останешься человеком?

– Понятно... Спиридон, давай ещё выпьем. У меня голова кругом идёт.

– Да нет, ты молодец. Тут до тебя одна тётка была – еле откачал... Пойдём, выпьем ещё.

С тобой интересно.

Мы вернулись к столу, Спиридон принёс еще графинчик. Мы выпили по стаканчику, и я спросил:

– А вот тогда ты мне скажи – где твоя семья? Где вообще остальные люди? Как вы общаетесь?

– Да почти никак. Общения с процессором мне, например, достаточно. Есть, конечно, и общение в интернете с другими людьми. В городах есть коллективы... Семьи у меня, да и у всех остальных, нет. В этом нет необходимости. Женщина, с

которой мы произвели ребёнка, и та, вторая женщина, которую мне привели для второго, живут своей жизнью. Я их, в сущности, не знаю и мне они неинтересны. Как и я им. Центральный процессор подбирает пары, сводит их... Женщины потом вынашивают плод, где-то рожают детей.

– Ты хочешь сказать, что ты не знаешь своих детей?

– Конечно, нет. А зачем? Ни я им не нужен, ни они мне.

– И ты при этом говоришь, что у вас полноценный эмоциональный мир? А отцовское, материнское чувство? А любовь к родителям? А воспитание детей?

– Ой, всё это такая ерунда... Это всё ваши фантазии, друг мой. Нет в этом никакой целесообразности. То есть, в ваше время – была. А теперь – нет. Детей воспитывают специалисты и процессор. Никаких «отцовских и материнских» чувств никогда в природе не было: это была необходимость сохранения собственности и всего прочего, что с этим связано. Ну и инстинкт продолжения, сохранения рода. Но когда все эти вещи решены и никакой угрозы продолжению рода нет, оказалось, что всё это не врожденные, а приобретённые инстинкты, то есть не инстинкты вовсе.

– Кстати, о собственности. В наше время эта проблема была центральной. Ради неё гибли миллионы.

– Увы, это так. Из-за этого вы мучились сами и мучили других. Сейчас нет института собственности. Он не имеет значения.

– Подожди... Но вот этот дом, где мы находимся, он твой?

– Ну, мой... Но в каком смысле? Да, я им пользуюсь. Передать его по наследству мне некому – ни у меня, ни у всех остальных на свете нет наследников! В этом, кстати, ещё одно преимущество такого устройства воспроизводства, как наше. Сюда вообще никто не придёт. Все находятся на своих, выбранных и закреплённых за ними местах. Там они подключены к центральному процессору. А здесь они не смогут этого сделать, каждый терминал индивидуален. Понятно?

– Понятно. А центральным процессором кто управляет? Источники энергии – они чьи?

– Ничьи. Общие.

– Погоди, Спиридон... Так не бывает. Или вы как-то избираете главных начальников, некое верховное управление, или ещё какая-то форма централизованного управления должна быть! Процессор-процессором, но за ним должны стоять люди. Эти люди – и есть власть. А власть – это и есть фактический собственник.

– Тут я тебе должен обрисовать картину подробнее, раз ты этим интересуешься... Дело обстоит так. Центральный процессор, к которому мы все подключены и с которым находимся в постоянном общении, учитывает все наши пожелания. Все наши мечты, стремления, все недовольства и обиды. Понимаешь? Он считывает мои мысли и эмоции, обрабатывает их и принимает решение на основании оптимальной модели жизнеустройства. Есть институты, которые постоянно, вместе с процессором, совершенствуют эту модель. Есть институты, которые совместно с процессором совершенствуют сам процессор. Есть оптимальная модель жизнеустройства, она охватывает все стороны жизни и всю планету, всё население земли. Она отслеживает, сколько людей имеется в наличии, сколько должно быть, и управляет их численностью, их потреблением. И, если надо, процессор вмешивается в ход вещей.

– То есть, если надо уменьшить количество людей, их просто отключают от энергии – и всё?

– Можно и так, но модель учитывает тенденции и управляет всем вполне гуманно, заранее обеспечивая условия роста или уменьшения численности.

– Ужас!

– Да не ужас, а счастье! Ты не понял: если у меня, например, плохое настроение или дурные мысли – я просто подключаюсь к процессору, и он отлаживает всё! В мозгу, в органах! Я становлюсь счастливым и спокойным!

– Та-а-а-к... А ну-ка давай ещё по стакану! Ё-моё! Вы же не винтики даже... Вы – молекулы какие-то, вы – заряженные частицы в магнитном поле: куда поле, туда и вы...

– И что в этом плохого?

– Тут уже я тебе скажу: тебе этого не понять!

– Ну, да. Конечно... Вы самонадеянны, как все... э-э-э... Как все, прости меня, дикари...

– Да, я дикарь. Страдающий, несовершенный, взволнованный, но счастливый дикарь! Смертный, не знающий, что с ним будет завтра, волнующийся за свою семью и детей. Не ведающий, когда он умрёт! Я хочу назад! Спиридон! Расскажи тогда, что тут в отношении меня твой процессор думает? Вот дикарь ввалился в ваш идеальный мир: модель предусматривает это?

– Разумеется! Ты не первый. И я о тебе уже доложил.

– И что они сказали?

– Нормально... Всё будет тип-топ. Попозже пойдем с тобой в кукурузу... Попадешь в свою петлю времени и – домой. Воды хочешь?

– Хочу...

Спиридон поставил на стол глиняный кувшин с водой и налил в мой стакан, в котором были остатки вина: вода окрасилась в легкую фиолетовую дымку с признаками опалесценции. Я выпил и спросил:

– Ну, а эту вот кукурузу кто-то же посадил? Кто-то же обрабатывает поля, убирает урожай? Где эти люди? Ты в одиночку такое поле вряд ли можешь обрабатывать...

– Конечно, нет. Я вообще им не занят. Полеми занимаются автоматические комбайны и прочие машины. Они пашут, сеют, убирают... Никаких людей для этого не нужно. Я вот за своим огородом слежу, за курами... Виноградник есть, тоже требует ухода. Вино, опять же. Коза когда-то у меня была. Может, снова заведу. Ещё у меня есть солнечные батареи, они вырабатывают энергию. Я за ними слежу, за аккумуляторами.

– А где ты берешь всё остальное? Хлеб, соль, масло, молоко и прочее, то, что ты сам не производишь?

– Так это мне привозят. Приезжает машина – беспилотник, там для меня контейнер со всем, что я заказываю по интернету. Всё очень просто и четко.

– Послушай, а зачем ты вообще всей этой системе нужен, процессору ты зачем? Вся, так сказать, польза, которая могла быть от тебя получена, уже получена. Теперь-то зачем тебя содержать?

– Прежде всего, потому, что я и мне подобные являются частью оптимальной модели жизнеустройства. Мы предусмотрены моделью, значит, мы должны

быть. Мы должны существовать. Зачем? Не наше дело. Наше дело – существовать в рамках модели и связываться с процессором. Что ему от меня нужно – мысли, эмоции, воспоминания, наблюдения, – я не знаю. Он сам решает. А мне даёт покой, чувство удовлетворения, осмысленности бытия, если угодно.

– А если модель изменится?

– Ну, изменится, так изменится...

Потом мы ещё пили вино и разговаривали. Наконец, Спиридон сказал:

– Ложись вот тут. На тахту.

Я лёг и ощутил запах вековой пыли, невидимым потоком взметнувшейся к моим ноздрям. Я успел увидеть висящий на гвоздике пук засохшей полыни. «От блох», – подумал я. Голова упокоилась на потертом валике, глаза закрывались, но мозг и язык засыпать не собирались:

– А в Бога-то вы верите?

– В каком-то смысле, верим. То есть, конечно, не в некоего персонифицированного создателя, не во всемогущее существо, которое надо прославлять, задабривать, о чём-то просить и которое от тебя требует определенных ритуалов. Этого, конечно, нет. Все эти естественные для дикарей безответные вопросы, все эти формы управления людьми отмерли сами собой. Проблемы, которые человечество решало через организованные религии, через церкви и священников, решены иначе. С большей эффективностью и на безупречном моральном уровне и фундаменте. А представления о боге, возникающие в головах людей, больше не воплощаются в тех образах, что были близки вам. Бог – это покой. Это то, что ваши современники по глупости называли «тёмная энергия Вселенной». Они называли её тёмной, потому что от неё не отражается свет. Но при этом наградили её негативной коннотацией, которая присуща слову «тёмный». В то время как по своему смыслу и содержанию – это свет! Это концентрат света. Свет туда входит, а оттуда не выходит. Но он не исчезает. Это то самое пространство, состояние и образ, который олицетворяет собой Бога, Абсолют, Начало и Конец, место пребывания душ и так далее. Вот ты сейчас засыпаешь, а твои мысли...

Сон, точнее, беспмятство обволокло моё сознание. Последняя, как мне запомнилось, мысль, точнее вопрос, который я стремился задать, но не помню – задал ли, был: «А смысл? Каков смысл вашего существования? Зачем вы живёте? Ведь вы утратили главное: жертвенность!...».

Спиридон разбудил меня на рассвете:

– Пора, – сказал он, положив мне руку на плечо.

Я как бы и не спал, а так – лежал в пьяном тревожном полузабытьи. Но теперь открыл глаза, вопреки желаниям моего организма. Спиридон стоял рядом, держа в руке стакан с голубоватой, как мне показалось, жидкостью.

– Пей, – сказал он почти с улыбкой.

Я, молча и не без удовольствия, подчинился. Ацетальдегиды изо рта смылись внутрь. Стало легче.

– Пора идти, – сказал старик.

Мы вышли из дому. Было ещё темновато: на востоке небо за холмами слегка посветлело, даже, пожалуй, зазолотилось. Кукурузное поле стояло темной и молчаливой стеной: ни ветерка, ни шороха подсыхающей листвы.

– Ну, прощай, – сказал Спиридон. Постарайся всё позабыть или считать просто алкогольным бредом. Так будет спокойнее.

Он достал из-за пазухи маленькую деревянную флейту.

– Иди. А я тебе вослед буду наигрывать.

Я пошёл к кромке кукурузного леса. Свет стремительно наполнял долину. Уже почти всё небо было светлым: где-то серым, где-то голубым, а на востоке вовсю полыхали золотые и жёлтые краски.

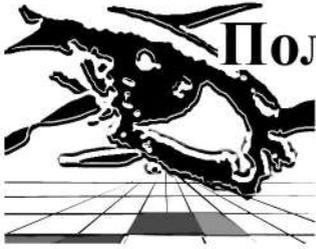
Я подошел к проходу, остановился, оглянулся. Спиридон помахал мне рукой и поднес к губам свою дудочку. Всю огромную долину наполнил тихий, нежный звук, какой не могут издавать никакие звери и птицы: это подвластно только человеку.

Я шёл сквозь могучие стебли, а звук был слышен, но затихал... Я почувствовал усталость, характерную для мужика, который накануне крепко выпил, очень рано проснулся, и ему при этом показалось, что он бодр, вполне выспался и «на этот раз пронесло – ничего не болит...». Но через некоторое время в организме что-то происходит, и он очень хочет снова полежать. Я увидел островок травки, выросшей вдоль просеки, и решил, что надо чуть-чуть отдохнуть, а потом двинуться дальше.

Я лёг и снова заснул. Кажется, на меня прошёл небольшой утренний дождик. Самая бесполезная вещь на свете – будущее.

24-26 сентября 2011 г., Москва.

Сергей БЕЛКИН родился в 1950 году в Ярославле. В 1958-м семья переехала в Кишинёв. Здесь окончил школу, физический факультет Госуниверситета, жил и работал до 1992 года. Первая книга «Говорящая муха» вышла в 2000-м. В последующие годы изданы книги «Корректор жизни», «Беглец-шоу», «Что делать с деньгами?», «Галактический еврей», «Искусство жить», «Узнаваемая классика». Опубликовал свыше 110 научных и публицистических статей, очерков, интервью. Главный редактор альманаха «Развитие и экономика». Член Союза писателей России, кандидат физико-математических наук. Живёт в Москве.

Поле зрения

КОНСТАНТИН МУНТЯНУ

АХ, ОСЕНЬ С БЛЕСТЯЩЕЙ РОСОЙ!

*О гениальном исполнителе молдавских народных песен Николае Сулаке
и о молодости моей подводной...*

«Где двое – там сила», – гласит пословица, но, маэстро, слишком нагруженной была наша тележка с сахарной свёклой, и слишком уж высоким казался нам холм на окраине села!

Поскрипывание колёс, вздох ребёнка, промокшая от тягостных дум о завтрашнем дне бесцветная рубашка отца... Тяжело...

На обочине дороги – кусты пустырника. Смотрят на нас, измученных, и в знак того, что ничем не могут помочь, уходят куда-то вниз, потряхивая на ветру своими полными семян шляпками. Предвещая приближение холодов, где-то в синеве воскресного неба кричит стая уток, но что именно вызвало её беспокойство – кто возьмётся гадать об этом?

И трясутся мои руки, и напрягается изо всех сил отец, и, боже, какими нагруженными и тяжкими были телеги нашего далёкого хрущёвского детства!..

Таковыми нагруженными, что если напрячь память, на самом деле не утки – вороньё над нами каркало, маэстро! Будто и сейчас его вижу: всё кружится и кружится оно над нашим несчастьем, затем вороньё превращается в какой-то тревожный огромный ком, потом – в натянутую во всё небо чёрную верёвку...

Видения детства, где отец и сын тянут в гору свою непосильную ношу – свёклу, оставшуюся после уборки колхозного урожая...

Но вот воронья верёвка вдруг разрывается, и её холодные лохмотья, словно огромные чёрные снежинки, начинают падать на село... Всё падают и падают, пока одна из них не цепляется за провод, питающий у околицы какую-то вывешенную на порог дома радиоточку... И вдруг о чудо, маэстро! – там, в той искалеченной ветрами невзгод старинной радиоточке, будто душевное воскресение какое-то – Ваша песня:

Николае Сулак

«Toamna, când scilipeste roua, –
 Chiuiе toată Moldova!»
 («Осенью, когда блестит роса,
 Радуетя и ликует вся Молдова!»)

И голос Ваш эхом прокатывается над селом, над холмами и долинами, и разносит счастливую весть о том, что, помимо всех житейских тягот, есть ещё и песни на свете!

И уже тяжёлую тележку тащили трое: я, отец и Ваша легендарная осень с блестящей росой!..

И казалось, будто и дорога в горку притаилась, и нужда наша стала менее тоскливой, и отец как бы подальше от смерти...

Сулак... Николае Сулак!..

Сидя вечерами на пороге дома, напевала задумчиво Ваши песни мать, и отец, плотничая в своём сарайчике, зная, что скоро умрёт, сердцем вслушиваясь в Ваш задушевный голос, пытался проглотить застрявший в гортани комок боли...

Но разве только мои родители боготворили вас, маэстро? КГБ-исты и те, какими бы внимательными к безопасности советской страны ни были, забыв на минуту о том, что им всегда надо быть подтянутыми и бдительными, после гениальной «Миорицы» Сулака вытаскивали из кобуры пистолеты и принимались вытирать прослезившиеся глаза!

...Олицетворением нашей Молдовы, гроздьё винограда на карте Союза были Вы для нас, маэстро! И вот пробил час служить этому грозному, но справедливому Союзу. Судьба забросила меня на одну из самых современных атомных подводных лодок Северного флота, предшественницу трагического «Курска». Там, кроме муштры, не то что грозди винограда не было, а хотя бы маломальского запаха груши – можете себе представить, маэстро, сколько боли за Молдову нашего Николае Сулака накопилось в моей не окрепшей ещё молдавской душе! Посылал я домой ворохи писем. И столько тоски было в них, что застывал рубанок в руках отца, и покачивались от маминого плача кусты винограда за нашим домом... Убеждённые в том, что от чужой слезы до дармового стакана вина – всего ничего, соседи, как по команде, нет-нет, да и поглядывали в сторону нашей калитки. И если ко всему этому всемирному несчастью прибавить ещё и случай в Средиземном море...

Наша головная атомная подводная лодка К-43 держала под постоянным контролем военные манёвры авианосца «Independence» из Шестого американского флота, а это означало, что в случае войны, лодка сразу должна была запустить несколько ракет, уничтожая таким образом не только авианосец с его сотней самолётов и пятью тысячами матросов на борту, но и всю армаду сопровождающих его кораблей... Тревога днём, тревога ночью... И только по субботам, когда авианосец уходил на отдых в греческий порт Пирей, только тогда в душах матросов-подводников воцарялся относительный покой. Ночами, как правило, лодка поднималась на девятиметровую глубину, вынимала из воды антенны и, пока командир по секретной связи говорил с московским штабом, мы, жаждущие ритмов, кипевших на поверхности, спешили включить радио. Каждый со своей тоской по малой родине... И вот уже «Сулико» из Тбилиси поймано, слышны анекдоты армянского радио, Рига и Таллинн в эфире, маэстро, а Кишинёв – никак! И когда в тот самый миг (потому что Кишинёв «никак») я от злости чуть было не треснул по аппарату кулаком, вдруг, буд-

то испугавшись моих намерений и нарушив тревожный покой средиземноморской ночи, на радиоволнах – Николае Сулак!

«Toamna, când sclipeste roua, –
Chiuiu toată Moldova!..»

Чудо из чудес, маэстро, – услышал Сулака, и вдруг вся наша Молдова предстала пред моим взором! И молдаване танцуют все в одном кругу!

И круг большой, такой большой, что с тесного борта моего корабля на минуту померещилось мне, что он чуть ли не «от Москвы до самых до окраин»... И ёлки-палки, какой жестокой была всё-таки несправедливость, что, защищая молдаван от капиталистов, в чёрном ночном сердце Средиземноморья был и один из тоскующих сынов Молдовы по имени Костя...

«Of, presedintele-i nun mare –
Frumos cântă lăutarii!..»

(«Ох, председатель, посажённый отец,
Красиво играют лэутары!»)

Но, маэстро, в пылу защиты своих земляков от вируса капитализма, до чего же мучительно короткими предстают перед нами все эти молниеносные встречи с дорогими нашими родинками! В доказательство – стоило мне обнаружить в той воображаемой хоре обвязанного рушниками председателя, едва я увидел и его счастливую жену (nuna mare, посажённую мать, то есть), как вдруг, заглушив музыку и низведя мои светлые грёзы до уровня черно-белого стоп-кадра, подводная лодка сотряслась от приказа командира:

– Боевая тревога! Погружаемся на глубину двести метров!

И вот антенна субмарины уходит в воду всё глубже и глубже, унося во мрак средиземноморских вод и грузинское «Сулико», и армянские анекдоты, и скрип таллиннского металлического Старого Томаса, и, к сожалению, вдохновенную песню Сулака, со всеми ее танцорами и скрипачами...

Два месяца всё тосковал я там, под водой, преследуемый одним и тем же видением: ставя борьбу с капиталистами выше любой музыки мира, выдвижные устройства моей незабвенной лодки К-43 погружаются и погружаются, пока вовсе не исчезают во мраке...

Аж в Западной Лице, то есть на базе Первой флотилии атомных подводных лодок, я, счастливчик, вновь встречаюсь с Сулаком!

Ваше фото было помещено на первой странице газеты «Советская Молдавия», и покоилась та газета на железных прутьях одного из заборов... Откуда она взялась, кто её занёс в такую даль? Может, никому не известный торнадо её приволок, или, быть может, приехав из отпуска и распаковав свой драгоценный чемодан с завернутой в нём снедью, какой-то бесчувственный молдаванин взял да и выбросил её... А, может быть, газета дошла до меня именно таким невероятным образом: увидев меня с печалью в глазах по затопленной песне, дабы утешить мою тоску по родине, какой-то тайный дирижёр моей судьбы прицепил её к железным прутьям...

И, значит, на первой странице – Вы!

Пожимали руку весёлой девушке-труженице, которая надоила от каждой фуражной коровы свыше четырёх тысяч литров молока. А над фотографией большими буквами заголовок – «Союз Труда и Искусства».

Дали бы мне сто рублей, маэстро, я не обрадовался бы так! Текст как текст, Вы хорошо знаете: больше про социалистические соревнования. Фотография же Сулака... Вечерами, перед сном, я доставал газету из-под подушки, смотрел на Вас, на счастливое лицо доярки, и мысли уносили меня за горы и долины, долетали до Молдовы, опускались во двор молочно-товарной фермы... Наша маленькая родина, наша вечная тоска по дому!.. И стоило мне подойти поближе, как Вы отрывали от доярки глаза, смотрели на меня и каждый раз задавали один и тот же вопрос:

– И сколько же тебе осталось воевать с капиталистами, Костя?

Сегодня – больше, завтра – чуточку поменьше... И так изо дня в день, пока в один из вечеров... В один из вечеров отодвигаю подушку – и на тебе – нет газеты! Завернул ли кто в неё что-нибудь, глухой к моей тоске по Молдове, или какой-то бывший сибирский оленевод использовал её вместо туалетной бумаги...

Хоть вой от отчаяния, маэстро! Молдова – далеко, пришвартованная у пирса субмарина разъярена тем, что сволочи капиталисты просто так не сдаются, и хоть подойди, Костя, к центральному посту и, выпустив втихаря в небо пару ракет, напугай их как следует! Через некоторое время, однако, – недаром говорят, что я, в принципе, счастливчик! – через несколько тёмных дней моей жизни читаю в «Комсомольской правде», мол, вскоре, такого-то числа, в Москве открываются Дни молдавской культуры!

И в частности: в течение целых двух часов торжественный концерт из Колонного зала Дома Союзов будет транслироваться по центральному телевидению. И как отдельная часть этого концерта, как его победная вершина – поёт Николае Сулак!

Если бы Вы знали, как я терроризировал тогда своих сослуживцев, маэстро! Мол, ваша Зыкина, на фоне нашего Сулака... И что, в конце концов, Молдова, эта вроде бы незаметная гроздь винограда на карте Союза, е-ге-ге, сколько слёз зависти вышибет она из вас!

За два часа до передачи экипаж субмарины, естественно, не мог не быть при исполнении своего долга, то есть перед экраном телевизора. «Течёт река Волга!», – размахивал я нетерпеливо руками, – по сравнению с днестровскими песнями вроде «Хороши свадьбы в колхозе» – чепуха!»

Но не успеваю окончательно успокоиться, как вдруг (боже, такое зло берёт меня на эти «вдруг») в коридоре – голос командира:

– Та-а-ак... Нужны десять человек... долбить ломом лёд в городке! Кто там свободен?

Я замер, маэстро! В муху с запрокинутыми к небу лапками превратился... Поменять Сулака на лом на обледеневшей улице – не то что в муху, в настоящую амёбу, которую даже микроскоп не разглядит, можно превратиться!

– Итак, кто эти десять добровольцев? – как назло не унимался командир. – Через час построение и выезд!

Пауза, за которой, подобно удару лома по голове – пискливый предательский голос какого-то хохла:

– Да вон там... молдаванин смотрит телевизор!

– Молдаванин Мунтяну, на выход!

От испуга закрываю глаза и вижу Вас, из всё той же газеты, маэстро!.. Оставляете счастливую комсомольскую доярку в покое, смотрите одобрительно на чистоту и опрятность молочно-товарной фермы и шепчете:

– В таком случае, Костя, чтобы увильнуть от лома, ты должен срочно... заболеть!

В мгновение ока ощупываю себя с ног до пят! И, господи, какое несчастье – ни одной болезни во мне! Здоровый, как бык, чёрт подери! Как раз годный для того, чтобы обменять голос Сулака на холодный и заржавелый лом...

И в то же мгновение, когда я чуть было не обратился за срочной помощью к самому Богу, чтобы Он наградил меня хоть какой-нибудь порядочной чахоткой, вдруг осенило: да ведь ты, если присмотреться повнимательнее, не такой уж и здоровый, Костя!

– Я не могу, товарищ командир! Рука чего-то... вроде болит...

– Срочно в санчасть! Документ принеси! Через час – отправка!

Санитарная часть находилась рядом, но, маэстро, большего количества врачей-трутней, чем на подводных лодках, вряд ли можно ещё где-то отыскать! Матросы – здоровые, лечить некого и – невероятная скука, какая встречается только в секретных воинских частях! Что оставалось делать врачам? Играли в карты и, если честно, втихаря потягивали водку... А дыма сколько – в преисподней и то воздух чище!

Но стоило им обнаружить, что молдавский гидроакустик по имени Костя переступил через порог их блаженства, сразу, как по боевой тревоге, все службы так и кинулись ко мне: хирурги, офтальмологи, почечники, селезеночники – все до единого:

– Моряк, что случилось?

– Рука! То есть... палец!

– Рентген! Срочно!

И вот диагноз: старый вывих! Когда-то в детстве, гоняясь за козой или волоча телегу со свёклой... Короче – вывих! А вывихи и ломы, как сказал однажды пушкинский Сальери, – понятия несовместные!

– Ну и что будем делать? – спрашивает очень серьёзная подводная медицина. – Может, просто перевежем?

Опять закрываю глаза и снова, маэстро, Вы советуете мне:

– Костя, если хочешь избавиться от лома, без гипса никак не обойтись!

Вывихнутый в детстве палец и серьёзные врачи-подводники, осматривающие его...

– Моё личное мнение, товарищи врачи, состоит в том, что нужен гипс!

И врачи хором, будто спохватившись:

– Леночка, гипс давай!

И покуда Леночка покрывала мне гипсом палец, Вы, маэстро, дали мне ещё один полезный совет:

– Гипс до локтя, Костя! Для убедительности!

Забавная ситуация, какую даже трудно себе вообразить: сказал я врачам загипсовать меня до локтя – до локтя загипсовали! Сказал затем загипсовать до плеча – до плеча и загипсовали! Пусть после этого скажет кто-нибудь из наших местных молдавских любителей оландов с псаки, что у русского народа не добрая душа!

Ну, а если гипс наложен до плеча, как не выдать и документ о том, что в течение сорока пяти дней лом и ты – смертельнейшие враги?!

...Как Вы тогда в Колонном зале блистательно пели, маэстро! Какая там Зыкина, что там за «Течёт река Волга», когда достаточно было вам спеть убажующую душу каждого молдаванина «Осень, когда блестит роса...», и русские моряки, даже ни бельмеса не понимавшие, о чём в той песне речь, чуть было не пустились в пляс! Одно мне не понравилось: в вашем соревновании с Зыкиной моряки никак не захотели уступить Вам первенство: ноль-ноль, и ни шагу назад! Кто знает, может быть, они и правы... Но, будь Вы рядом, верится мне, что Вы, хоть и степной молдаванин,

но поступили бы как настоящий джигит: «Нет, мужики, Зыкина – это Россия, а Россия всегда первый!».

И поскольку «дело» с гипсом закрыто, то и душа моя успокаивается... Но, видите ли, маэстро, со мною приключилось примерно то же самое, что с забравшимся на дерево котом! Залезть-то он с лёгкостью залез, да вот спуститься... Хоть вызывай несуществующее тогда «эмчэс»! Через неделю этот проклятый гипс стал вызывать у меня такой нестерпимый зуд, что временами я по кругу бегал. И только в субботу в бане я стал упрашивать ребят помочь мне снять гипс. И снял, и начесался вволю, и помылся, и поставил его на место...

Но, как доказательство того, что предательство относится не только к повадкам молдаван с претензией на родственность с римлянами, уже на второй день до ушей командира доходит новость: так, мол, и так, но Костина рука – здоровёхонькая!

И тут, как назло, на пирсе с пришвартованным к нему атомоходом – командир... И мне с загипсованной правой рукой – как отдать честь?..

– Здрасьте, товарищ командир!

– Здрась...те, молдавский Костя! Как рука?

– Плохи дела, товарищ командир! Врачи говорят, что раньше чем через сорок пять суток не заживёт!

– Ну-ну, выздоравливай!

На второй день – опять:

– Здрасьте, товарищ... коман...

– Как рука, Костя?..

– Сорок пять суток, товарищ командир!

– Ну-ну...

На третий день, однако, – что случилось? – командир переходит на «вы» и больше не спрашивает о руке...

– Уважаемый Константин... Мунтяну, а вы случайно... не являетесь родственником знаменитого футболиста Владимира Мунтяна из киевского «Динамо»?

Должен Вам сказать, маэстро, что к тому времени вопрос этот успел набить мне оскомину: куда ни повернусь – одно и то же, ты не родственник футболиста?

Трудная, роковая для меня и, быть может, надоедливая для Вас минута, маэстро! Но, сами понимаете, я к стенке прижат... И Вы, который так много для меня сделали, снова оторвали взгляд от доярки и бросили мне ещё один спасательный круг:

– Скажи, что да, Костя, что ты футболисту на самом деле... ещё какой родственник, вроде как троюродный брат!

– Футболист мне – троюродный брат, товарищ командир!

Командир посмотрел на гипс, на мою честную рожу, а потом на бакланов, обгадивших хвост атомохода...

А потом, я уверен, потом он вспомнил про знаменитый гениальный гол, забитый моим... троюродным братом в недостижимые для простых смертных ворота мюнхенской «Баварии»...

– Вы знаете, Константин... Дмитриевич... Мунтяну, когда я вас впервые увидел на корабле, так и подумал: троюродный! Потому что до вас тут, на подложке, служила пара молдавских распи...дяев... двоюродных!

И далее, уже в качестве командира К-43, главного из «убийц авианосцев»:

– Гидроакустик Мунтяну, отдать гипс!

– Есть отдать гипс!

– Все эти сачковые дни переслужишь, троюродный, чёрт побери, гидроакустик Мунтяну!

– Есть, все сачковые дни... переслужу, товарищ троюрод... извините, товарищ капитан первого ранга!

Хотя искусство требует жертв, хотя порой ради него мы столько тарелок в посудной лавке жизни разбиваем и заслуживаем наказания (ах, какого мы за содеянное наказания заслуживаем!), но, клянусь чем угодно: из-за любви к народным песням на советских подводных атомододах не наказывали.

В день демобилизации, когда моряки, чтобы попроситься с подводной лодкой, взобрались на возвышающийся над флотилией холм, пожимая мою недавно загипсованную здоровую руку, командир – какими бы грустными ни были расставания, командиры не имеют права пускать слезу – командир, значит, посмотрел мне в глаза и только так сказал:

– Ну, троюродный артист, прощай!

Он знал Сулака! Провёл отпуск в Молдове, и как ему было не слышать о Вас? Однажды, увидев меня поблизости и окончательно ошеломя, вдруг, слышу, подпевает:

«Toamna, când scilipeste roua, –
Chiue toată Moldova»...

Увы, только две строки! Волга, матушка-Волга текла даже в венах его...

И даже если для него не блестела так прозрачно наша молдавская роса, даже если не мог он до конца представить, как это получается, что гроздь винограда на карте Союза может выдать столько веселья и наивного ликования, всё равно, маэстро: в тот самый миг, когда, замедлив своё величественное течение, полноводная Волга посматривает в сторону маленькой, но временами капризной Молдовы, желая ей добра, убейте меня, но, честное слово, хорошо всё это! И что бы они ни говорили, и кто бы из последователей американского адмирала Форрестола, пугавшего когда-то персонал психбольницы, дескать, «русские идут», от злости к России, не пытался бы завистливо прыгать сегодня со своих этажей отчаяния...

«...Сколько лет пронеслось, сколько вьюг отсвистело и гроз!» – вспоминая свою подростковую чистую любовь к далекой вологодской девушке по имени Татьяна, сокрушался о сумасшедшем неистовстве бегущего времени великий поэт Николай Рубцов...

Много опустошительных вьюг и гроз отсвистело и над нашей с Вами Молдовой, маэстро!.. Смотришь иногда на карту с её счастливыми и ясными когда-то очертаниями, пытаешься уловить её давнее сходство с советской янтарной гроздью винограда – вроде бы та самая Молдова, да не та! Какое-то туманное расплывчатое пятнышко на современной карте мирового тревожного бытия... Что до Вашей незабвенной баллады «Миорица», этого самого короткого в мире произведения народного эпоса, где Вы, как никто другой из наших исполнителей, передали своему народу предостерегающий сказ про овечку, предупреждающую пастуха-молдаванина о близости вражеской расправы над ним, так, мой сокровенный маэстро, с тех пор как молдаване, плача, проводили Вас в вечность и народную незабвенность, овечка наша фольклорная всё больше и больше приобретает очертания простой овцы, которая весит столько-то килограммов, из которых можно сварганить столько-то порций шашлыка и бежать с ними на дешёвые туристические тропы! Дабы за лишнюю денгу утолить голод заморских туристов, которые, если к

ним приглядеться, смахивают на чеховских «сытых удавов, обращающих внимание только на блестящие предметы»... Грустнейшее из зрелищ современной Молдовы: вместо «Миорицы» – лишённые всякого художественного дара и предвидения пасущиеся овцы, которых завтра-послезавтра на шашлычные туристические тропы отправят... А в двух верстах, в небе над соседней страной, прилепившейся на сей раз к НАТО, В-52 летают... И гул их всё нарастает и нарастает, перескакивает через границу дозволенности, и разлетаются в разные стороны испуганные молдавские овцы, и всё реже и реже молдаване горят желанием пуститься в пляс, как в наше с Вами порывистое, искреннее и честное время...

На самом деле, маэстро, сколько лет пронеслось!..

Была страна, была янтарная гроздь винограда, был Сулак, и подводная лодка моя незабвенная была... А на днях прочитал: её, усталую, утилизировали. Закрыв глаза и представил себе: огромный цех с громадной гильотиной посередине... Несколько очень старательных буксиров всё толкают и толкают её к черте, за которой она уже не головная К-43, «убийца авианосцев», лучшая из субмарин двадцатого столетия, на которой... почти троюродный брат центрального защитника киевского «Динамо» Владимира Мунтяну служил, а груда металлолома... И вот за несколько мгновений до падения лезвия она, родная, вдруг грустным перископом своим посмотрела на меня, далекого и не менее грустного и усталого!.. Узнала? Сцена – наподобие той, какая разворачивается в великом французском фильме «Двое в городе»: «Я понимаю, – говорит герой Габена, так и не сумевший защитить приговорённого к смерти героя Делона...» И лезвие упало! И разрезало пополам один из главных гидроакустических приборов, на котором, даря радость моей «подводной» душе, было написано: «Бельцкий завод имени Ленина»... И этот убийственный для меня стоп-кадр так и остался в моей дальнейшей тревожной памяти: акустический прибор, лезвие гильотины и с одной стороны – «Бельцкий завод», а с другой – «...им. Ленина».

Потому что бельцкий, потому что имени Ленина, «потому, что в нём разыгралась бешеная тоска по России» – так начинает Набоков свою замечательную новеллу «Круг».

Что до Вас, маэстро, после того, как от нас ушёл Сулак, наши души опустели... Пустота!

...Ах, осень с блестящей росой, и вы, музыканты-застрельщики танца с гроздью винограда по имени Молдова, какому дикому забвению предали мы вас!..

Константин МУНТЯНУ родился в 1950 году в селе Самашканы Шолданештского района. Школа, Сорокский совхоз-техникум, атомная подводная лодка Северного флота. Кишинёвский институт искусств, ГИТИС, Литературный институт, один год – Высшие литературные курсы. Артист разговорного жанра Молдавской государственной филармонии, главный редактор киностудии «Молдова-филм». Автор-сценарист фильмов «Калитка», «Куда бежишь, маэстро?»; режиссёр и сценарист в фильмах «Тени», «Здравствуйте, дорогие мои!» – о Шукшине, «По следам миновавших времён» – о Рубцове. Автор многих публицистических статей. Книги – «Святая Мария», «Сад с голубыми орехами», «И обрати сердце своё». Работает над вторым полнометражным фильмом о Шукшине «И высоко вознёсся ты над нами...».

Зёрна и плевелы

АЛЕКСАНДР КОВАЛОВ

НЕБЕСНОЕ ДЕЛО

Это необычная книга, хотя о любой книге, наверное, можно так сказать. Необычная не только потому, что жена и сыновья предполагали её подготовить в качестве семейного подарка на юбилей автору – мужу и отцу, – а издана она была уже после его неожиданного ухода из жизни. Необычна она и потому, что рядом со стихами, которые невольно побуждают вспомнить творческие поиски модернистов Серебряного века, в ней помещены и изображения картин, написанных самим поэтом (такое сближение, кстати, тоже примета того времени). Однако пейзажи, запечатленные на них, носят совершенно иной характер: это уральские просторы, горы и леса. Впрочем, такой контраст, вероятно, не случаен: он расширяет границы, масштабы диалога. Этот диалог автор, Сергей КАРПОВ, доктор философии, специализировавшийся в области эстетики, прекрасно разбирающийся в русской и мировой литературе, живописи и музыке, ведёт с Франциско де Гойей и Винсентом Ван Гогом, Федерико Гарсия Лоркой и Аристотелем. Это не пресловутый «диалог культур», а живое общение: вопросы, ответы, спор. В нём происходит то самое столкновение мыслей, которое высекает искры, рождающие другую мысль.

Диалог культур, цивилизаций... Затёртые понятия, которые уходят в песок и забываются. Едва открываешь эту книгу, понимаешь, что здесь диалог продолжается, причём диалог не только с художниками и поэтами, писателями и мыслителями, но и с каждым, кто начинает её читать.

«Тоска по мировой культуре» (известное определение акмеизма по Осипу Мандельштаму) перестаёт быть «тоской». Здесь это смиренное, стоическое, философское понимание того, что несущие культуру и веру античные «амфоры давних богов» не были востребованы и раньше, во все времена, но они терпеливо несут своё содержимое и дарят его любому, кто пожелает потрудиться прикоснуться к ним и поверить, – и тогда для открывшего этот «исток жизни» глоток из него будет «нескончаем»:

Сергей Карпов

На длинном столе времён
 Амфоры давних богов
 Так и стоят без наследников,
 Ожидая напитков – верующей души.

Но зато в них пируют тени,
 Их нескончаем глоток,
 Как сосущая сила растений,
 Целующих жизни исток.

(«На длинном столе времён...»)

«Бог дал нам тело из земли для того, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы через него и душу низвели в землю» – эти слова из Иоанна Златоуста, приведенные в начале книги, вполне могли бы стать эпиграфом к ней. Это «небесное дело» объединяет, пожалуй, все стихотворения и все десять небольших циклов книги в единое целое. Призыв к этому движению ввысь столь силён, что даже земное притяжение, законы физики перестают быть для него помехой:

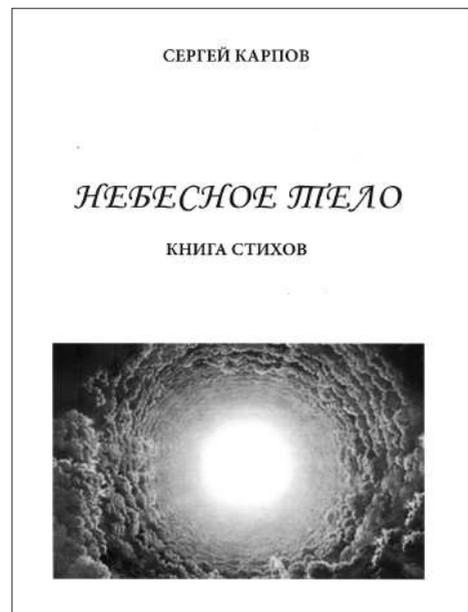
Телам тяжёлым и землистым
 Предписано движенье вниз, –
 Так пишет мудрый Аристотель.
 А ты лети! Гори! Лучись!

Это стихотворение открывает цикл под названием «Небесное тело». А в одноименном стихотворении из этого же цикла, название которого дало имя и всей книге стихов, образ «небесного тела» наполнен уже другим значением – это «...шар, где мы проживаем».

Не знаю, каким было отношение автора книги к поэзии Николая Заболоцкого, однако созвучия и переключки мыслей заметны, особенно когда речь идёт о «творческой власти» над телом и духом, упомянутой в начале книги. Так, например, идея хрестоматийного «Не позволяй душе лениться» словно открывается другой своей стороной в одном из стихотворений Сергея Карпова, где звучит призыв не жалеть уже «своей упругой плоти»:

Всё – знак и символ. Не жалея
 Комок своей упругой плоти,
 Здесь на Земле он тяжелей, –
 Как в мяч, в него с размаху бей,
 Он станет лёгким лишь в полёте!
(«Всё – знак и символ. Не жалея...»)

Заболоцкий наделяет душой, одухотворяет всё существующее в природе не случайно, например, одно из его стихотворений называется «Лицо коня» (в нём, кстати, отражены и мотивы живописи Павла Филонова). Созвучным не только по названию, но и по духу, логическим продолжением этого произведения представляет-

ся стихотворение Карпова «Душа коня», которое словно дорисовывает образ величественного животного, ведущего разговор со звёздами.

Многозначность образов, восприятие которых зависит от подготовленности и внимательности самого читателя, позволяет каждому в том или ином стихотворении открыть свой уровень со-

вместного с поэтом переживания и осмысления. Примером может служить фрагмент из стихотворения «Се мальчик»:

Юной жизни дыханье
Мне туманит стекло, –
То, что не было в мире,
Свой отсчёт повело.

Что за этим образом? Каждый увидит своё. Может быть, это запотевшие от детского дыхания или ставшие мутными из-за слёз стёкла очков отца, склонившегося над младенцем, а может быть, переплетение узоров на тех «стёклах вечности», о которых писал Осип Мандельштам:

На стёкла вечности уже легло
Моё дыхание, моё тепло.
Запечатлеется на нём узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть –
Узора милого не зачеркнуть!

(«Дано мне тело – что мне делать с ним...»)

В стихию авторского диалога оказываются вовлечёнными множество других голосов. Совершенно естественным образом в стихи включаются мотивы, элементы различных культурных пластов и эпох. В этой книге можно найти множество аллюзий и реминисценций, подчас даже причудливое их переплетение, но важно не увлекаться этим поиском, а понимать, что на этой основе создаются, из этой ткани сплетаются совершенно самостоятельные, новые образы и мысли. Для автора, на наш взгляд, частое и свободное обращение к тем «амфорам давних богов», о которых говорилось выше, является не чем-то наносным и искусственным, а всего лишь характерной чертой его способа мыслить, отражением его восприятия мира и видения жизни.

Где воркует рояль Шопеном,
Ты меня сегодня застанешь.
Афродита ведь не из пены
Рождается, а – из клавиш.

Этого четверостишия не было бы, наверное, без строчек из стихотворения Осипа Мандельштама «Silentium»: «Останься пеной, Афродита, // И, слово, в музыку вернись...». Или без стихотворения «Рояль дрожащий пену с губ оближет...» из цикла «Разрыв» Бориса Пастернака (не говоря уже о персонажах мифологических). Однако важно для нас то, что из сочетания этих образов вдруг появляется другой, наполненный новым смыслом: музыка, которая рождается под руками человека, здесь не просто творчество, она приравнивается к акту творения, создания божественного. Она вырывает человека из реальности и служит созиданию другого мифа.

И в этом созидании, в этом сотворении сливается всё сущее: «Мне нота // Всех дыханий ясна – и в животном, // и в разумном, и в плаче Христа». Подобно тому, как образ тела земного расширяется до тела небесного, и они становятся единым целым («Целый мир – это тело Христа»), путь земной отражает звёзды («Путь кремнистый, где звёздам блистать...») и возвышается до пути небесного:

Млечный путь, как полоска бинта,
Повязавшего раны страдальца,
Где Фома возложил свои пальцы.

В итоге лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...» воспринимается вовсе не как источник аллюзий, а его же «звезда с звездой говорит» – не как разговор небесных тел, а как общение двух поэтических душ. И такое общение воспринимается как совершенно естественное, поскольку «Путь души – расширение Бога...».

В этом, наверное, и заключается идея, которая объединяет все стихи в циклы, а циклы – в книгу «Небесное тело» (перед нами именно книга, а не просто сборник разрозненных стихотворений): в осознании жизненной, почти физической необходимости для каждого человека созидания и творчества, которые, в свою очередь, невозможны без постоянного «труда души». А как и в чём проявляет себя «ваяющий напор»: в искусстве или в науке, в вере или в стремлении к самосовершенствованию, абсолютно неважно, главное – это «стать человеком, гумус превзойти».

Карпов С. «Небесное тело». Книга стихов. Кишинёв, «Cu drag», 2013.

Александр КОВАЛОВ родился в 1962 году. Окончил филологический факультет Кишинёвского государственного университета по специальности «русский язык и литература». В настоящее время – научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук РМ. Автор около тридцати научных и научно-методических публикаций.

АЛЛА КОРКИНА

«ЗОЛОТОЙ НАДО МНОЙ ОРЕШНИК»

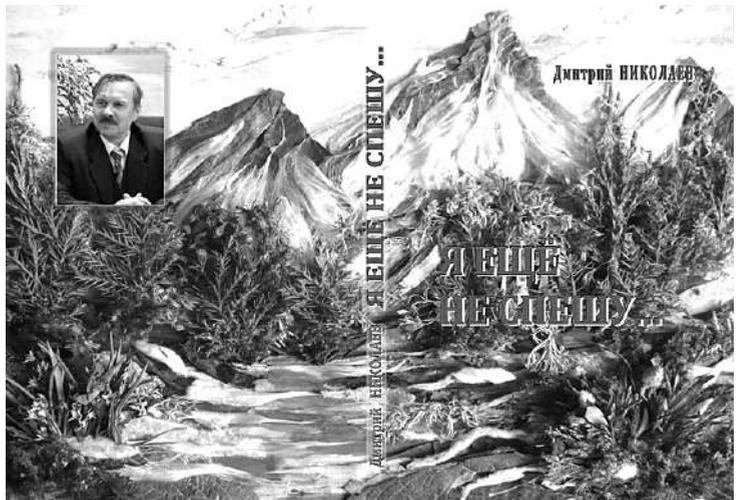
Дмитрий НИКОЛАЕВ, член СП России и СП Молдовы «Нистру», автор 15 книг, более 30 научных работ по физике и структурной культурологии, организатор многих ежегодных мероприятий республиканского уровня – давно стал заметным явлением в культурном пространстве Молдовы. С самого начала появления в русском движении и в литературе Кишинёва он проявил себя как неординарная личность.

Дмитрий был номинирован на премию «Поэт года – 2014», на престижную премию Дома Романовых «Наследие». Он – лауреат премии Есенинского комитета Молдовы. В этом году награждён Медалью Лермонтова.

Родился на самом крайнем востоке огромной России, в Южно-Сахалинской области. Детство и юность Дмитрия прошли на юге России, в городе Славянскена-Кубани, поэтому судьбы русского казачества ему особенно близки. Не случайно едва ли не самые пронзительные циклы в его творчестве – «Сто тропинок в Диком поле», «Сыновья большой реки», «Песни южных степей» – посвящены его многоязыкой малой родине в её историческом бытии.

Служба в ракетных войсках стратегического назначения дала ему возможность побывать и в Белоруссии, и в городе Свободном под Благовещенском, и в Сибири, и в Забайкалье, и на русском севере, в Плесецке. Учёба в Московском госуниверситете и многолетняя научная стажировка в Объединённом институте ядерных исследований (г. Дубна), где он познакомился с представителями многих стран и культур, заложили в нём необходимый для деятеля русской культуры фундамент личности, основу, которая позволяет занять ответственное положение руководителя Центра русской культуры в Молдове. А знакомство с огромной Россией сформировало в нём эпическое восприятие своей великой Отчизны. Эти особенности мировоззрения Дмитрия Николаева находят отражение в его творчестве...

Книга «Я ещё не спешу...» начинается циклом «Мой Сахалин. Души моей Восток!». Этот удивительный остров воспет не раз, но у каждого поэта он свой. Дмитрий Николаев пишет: «Я родился в любимейшем мною, самом яростном месте на свете...». Это и в самом деле суровый (стихи «Углегорские шахтёры», «Тихий океан», «Третий день над Охою буран» и др.), мало исследованный, загадочный (цикл об

острове Манерон), романтический и героический край (стихи о сахалинских спасателях).

Кроме русских, Сахалин обживали и коренные дальневосточные народы – нивхги и айны, о которых автор рассказал в замечательных стихотворениях «Шешка и Кешка» и «Песня старого нивхга», показав глубокое знание мифов и религии, а также понимание обычаев этого древнего, но малочисленного теперь народа. Откуда эти знания? В середине 60-х годов прошлого века к ним, на Кубань, приехал на лечение старый знакомый отца, с которым он когда-то служил на Сахалине. Коренной нивхг, он знал множество сказок и легенд жителей далёкого Сахалина. И впервые услышанные тогда Дмитрием «челдон», «каряк – солёны уши», «Тайгонос», «нерпа, кета и ягель», «багульник», «Белый Стерх», «Кунашир» и стали тем самым мостиком, своего рода магическими картами таро, открывающими двери в мир загадочного Дальнего Востока с его особенной образностью, внутренней энергетикой и собственным ритмом.

Но, только почувствовав в себе определённое мастерство, он решился отразить эти таящиеся глубоко в душе образы Сахалина в своём творчестве. Уровень и качество текстов в этой книге свидетельствуют о том, что культура и образ жизни сахалинцев, обитающих на берегу огромного, постоянно угрожающего острову ураганами и тайфунами Тихого океана, на краю самого большого и беспокойного разлома земной коры, прошли через сердце поэта.

В детстве я жила на Сахалине, и стихи Дмитрия Николаева словно снова возродили для меня этот остров в его первозданном виде – суровый мир, полный ежедневного героизма, противостояния стихиям, где происходит становление настоящих мужских характеров. И Дмитрию удалось это отразить в полной мере. У него получились живые, убедительные стихотворения, которые не могут не тронуть душу читателя.

Вместе со становлением характера лирического героя, происходит и возмужание самого автора, что как раз и отражено в новом цикле стихотворений «Я ещё не спешу...». Останавливают внимание стихи «Цепи», «Две капли», «Памяти поэта С. Курогло», «Через сотни веков», «Детский плач», «Я не против того». В них, и особенно в стихотворении «Скальды Асгарда», наиболее полно проявляется образно-поэтический мир автора, только ему присущий стиль. Стиль, отражающий его внутреннюю, сердечную ритмику, его природную настроенность на глубинное проникновение в суть предмета через противопоставление различных аспектов реальности, через развитие внутренних противоречий («Я срединный поэт из срединной Руси», «Ах, этот странный утренний туман», «Мой Никитка сегодня пошёл», «Куда спешишь ты, гордый человек?»). Именно этими качествами он отличается от других русских поэтов, живущих в Молдове. Не случайно на его интернет-страничке многие произведения автора получают только положительные отзывы и рецензии.

Заключает новую книгу цикл «Степная Русь», основу которого составляют уже известные стихотворения из книги «Сыновья большой реки». В нём собраны наиболее значительные и любимые читателями стихи, в которых раскрывается образ малой, но такой дорогой его сердцу родины – Кубани, степного края, где состоялось его становление. Края, где написал свои первые стихи, где похоронены родители – потомки героического казачества. Эта тема давно прочувствована поэтом – и исторически, и эмоционально, и духовно. Не случайно он постоянно

возвращается к ней. Можно твёрдо утверждать, что перед нами – стихотворения зрелого мастера. Темы, затронутые автором, разнообразны и актуальны, а главное, не сиюминутны. Они, что называется, отмечены самой жизнью, они проходят через душу автора. Они – образное отражение и его реальной судьбы.

Читая книгу «Я ещё не спешу...», мы в полной мере ощущаем особенный, индивидуальный стиль поэта, его пристрастия, его чётко выраженную гражданскую позицию. Его произведения в полной мере отражают как душевные переживания, так и духовную устремлённость русского человека, сформировавшегося на необъятных просторах России и живущего в Молдове, на самой отдалённой окраине русского мира. Стихи раскрывают его добрый, умный, деятельный и порой ироничный взгляд на действительность, на людей, его окружающих, на самого себя...

Становление Дмитрия Николаева как поэта проходило под патронажем известных русских литераторов: московского поэта Виктора Кочеткова, критика Сергея Небольсина. Не последнюю роль в оформлении его поэтического дара сыграло и наше с ним творческое сотрудничество, которое завершилось выпуском трёх поэтических сборников – «Русь Святая за холмами», «Отменённый рейс», «Сыновья большой реки» – и принятием его в Союз писателей России в 1999 году. Книгами, в которых отразилась боль за разрушение великой страны, вся горечь «растерянного» по просторам ближнего и дальнего зарубежья, разбежавшегося по старым и новым «эпохам» поколения. Поколения, которое Николаев однажды назвал «сомнительным поколением». После приёма в Союз писателей России он сделал сознательный выбор и, уйдя из Академии наук Молдовы, приступил к профессиональной культурологической, литературной и издательской деятельности. Как шутит, перефразируя известных авторов: «Из учёных переквалифицировался в поэты», или «Решил поверить алгебру гармонией»... В смутное постперестроечное время многие потеряли себя, сгинули в безвременье, а к Дмитрию Николаеву в полной мере применимо утверждение, что творческий человек всегда найдёт возможность реализовать себя...

В новой книге «Я ещё не спешу...» собраны лучшие циклы стихотворений из первых сборников, изданных небольшими тиражами, которые в полной мере раскрывают светлый духовный мир поэта, постоянно преображающегося, всегда нового Дмитрия Николаева. Сотни манящих куда-то дорог, но только одна из них – к Богу, к жизни, к свободе («Сто тропинок в Диком поле»). Мир поэта стал близким для многих его читателей своей чистотой, искренностью и добрым взглядом на нашу, такую несовершенную, но всё же несущую добро, а потому имеющую смысл жизнь.

Отмечу, что у автора врожденное чувство гармонии стиха сочетается с взрывной исповедальностью содержания: сердце способно взрываться от боли. В пронзительных «Последних есаулах», в цикле о горьких 90-х, в стихотворениях «Возвращаюсь домой», «Русь моя, которой в книжках нет», «На раскопках степного кургана», «Мы от равнин...», «Что такое Россия?», «Опять стравили нас между собой» он пытается осмыслить, что случилось с его Родиной. В цикле «Лихолетье девяностых» автору удалось отразить трагическое мироощущение оказавшегося вдруг за пределами России русского человека, несмотря ни на что с оптимизмом ожидающего грядущего её возрождения. Твёрдо уверенного в своём предназначении, ощущающего свою неразрывную связь с предками... Многие строки

полны поэтической свежести, неожиданности и при этом обнаруживается твёрдость почерка, самобытность.

Нельзя не отметить, автор стал гораздо требовательнее к себе и к своим текстам. Взять хотя бы известное стихотворение «Зелёный зал», на него написаны песни. А Дмитрий продолжает работать над ним. Пытается добиться абсолютной лёгкости и прозрачности. Стихотворение приобрело ясную, близкую к сонатной, почти музыкальной, форму. И не случайно одновременно им была опубликована и культурологическая статья об особенностях структуры древнегреческого музыкального строя. А в прошлом году вышла книга «Фрактальные миры культуры».

Другими словами, размышляя о творчестве поэта Дмитрия Николаева с учётом его литературных и научных интересов, можно сказать, что мы наблюдаем, как происходит непрерывный процесс параллельного поэтического, научного освоения им как внутреннего мира, так и окружающей действительности... В одной из своих книг «Третий лик» Дмитрий сформулировал собственное мировоззренческое кредо, к которому он пришёл от кантовской триады «Бог, бессмертие, свобода» к триаде «Бог, богочеловечество, свободная творческая Личность». Человеческое бытие он принимает только как бытие в богочеловеческом общежитии («Русь Святая за холмами»). Любопытны и значительны его статьи по проблемам старообрядчества, по структуре православных богослужений, где свободная, деятельная личность мистически связана с Космосом, статьи по древнегреческим Элевсинским мистериям и мистериям Озириса\Изиды. Он активно участвует в организации и проведении Русских Рождественских балов в Молдове. Всё это подтверждает его убеждение в том, что личность может преображать действительность, преображаясь сама. Эта мысль нашла отражение в стихотворении «Я верил не в Бога, я верил в Россию».

В новой книге «Я ещё не спешу...» уже не так остро ощущается ностальгия по утерянному миру, но заметно внутреннее возрождение, оптимизм начинающегося духовного преображения. Это особенно видно по произведениям сахалинского цикла с его деятельной энергетикой и романтической настроенностью... А также в стихотворениях «Я срединный поэт...» и «Я давно готов и в ад». В его новых произведениях ощущается глубокая мифологическая образность, сложный контекст, на фоне которого разворачиваются сюжеты некоторых его произведений.

Внимательный читатель-рецензент произведений Дмитрия Николаева на сайте Стихи.ру отметил главную особенность поэтического дарования поэта: «Чем больше вчитываешься, тем больше они по душе...». По душе, потому что восстанавливают у читателя, погруженного в современную, пока ещё далекую от русской традиции жизнь, русскую душевность, славянский космизм и православную просветленность.

Алла КОРКИНА – поэт, писатель, журналист. Автор 19 книг стихов и прозы.

Родилась в 1943 году в Костромской области. Детство прошло на Сахалине. Окончила Литинститут им. М. Горького. С 1960 года живёт в Кишинёве.

Член Союза писателей СССР (с 1973 г.). Член Союза журналистов Республики Молдова, Союза театральных деятелей РМ. Лауреат международной премии за лучший литературный перевод (в номинации «Мастер перевода») за 2007 г.

Алла Коркина – Маэстро литературы РМ. Лауреат премии Есенинского Комитета РМ.

Председатель Центра русской культуры в Республике Молдова.

ПРОЗА

Поле притяжения

МИХАИЛ ПОТОРАК

БЫФ

Позавчера Спиридон хотел укусить осу, но оса не захотела и сама укусила Спиридона. За губу. Губа слегка припухла и напрочь испортила собаке всю дикцию.

– Габ! – жалуется бедный Спиридон – Габ-габ!

Оса затаилась, сволочь, под застрехой, подглядывает оттуда и мерзко хихикает. А мы не хихикаем, мы жалеем Спиридона – и я, и Гергиваныч, и лошадь Гергиваныча.

Мы только что привезли мешки с зерном и теперь отдыхаем в тенечке, пьем воду и жалеем Спиридона. Лошадь пьет полезную колодезную воду, а мы с Гергиванычем – магазинную буратину, вредную, но бесподобно вкусную. Она прохладненькая, кисловатая, она шипит и щекочет горло, и шибает в нос. Я от буратины икаю густым, благостным баритоном, Гергиваныч, стесняясь, шепчет «От зараза!», а лошадь вынимает морду из полезной своей воды и мелодически молчит. Закуриваю. Эх, хорошо!

Когда-то любил я посидеть в хорошем кафе с коньяком и сигарой. Но никакие, никакие, даже самые распрекрасные коньяки и сигары, не могут сравниться с дешевой сигареткой под вредную буратину на чурбачке в тени столетнего ясеня жарким августовским днем, когда плечи, спина и ноги еще гудят от таскания мешков, а пыльный зной колючими, горячими мурашками отделяется от кожи и улетает с западным ветром.

Спиридон почти перестает опасаться лошади, подползает к самым моим ногам и кладет мне на колено смешное, трогательно-ассиметричное лицо.

– Быф! – говорит он тихонько. – Быф!

Мне не видно, но я знаю что там, за моею спиною спустился ненадолго с ближних небес некий огромный прекрасный Быф и смотрит на нас, и нам от этого чуточку легче живется на свете.

ОДНОЙ ЗВЕЗДЫ Я ПОВТОРЯЮ ИМЯ...

Мышь Петр полюбил мышь Люсю. Ни с того, ни с сего, просто так, без малейшего повода. А ведь поводом, в принципе, может стать что угодно, любая мелкая пакость. Знаете, бывает иногда: приснится кто-нибудь ночью в каком-нибудь таком виде, а потом ты днем ее вспоминаешь и потихоньку влюбляешься. Или какая-то вдруг глазком стрельнет и хихикнет особым голосом. Грудным таким голосом, из самой тайной глубины груди. И все, все! Один хихик, один взгляд – и ты погублен, околдован, влюблен, и нет тебе покою, а есть только разные глупости.

А бывает, что и вообще без повода, как у бедняги Петра. Сидел себе, сидел, безмятежно грыз чего-то, и вдруг думает: «Люся! Люсенька моя!».

А какая Люся? Никакой такой Люси нет и не было. Фантазии одни. И в эти самые фантазии угораздило Петра влюбиться.

Ну что, страдал, конечно. Похудел. Но это, впрочем, ему даже шло. Стихи сочинял. Вот такие: «Мышу мечты я встретил средь толпы. Белые розы, белые розы! Беззащитны шипы!». Или вот такие: «Люблю тебя, Петра творенье! Пишу тебе стихотворенье! Среди миров, в мерцании светил одну я Люсю полюбил!». Или вот такие, по-французски: «Люси! Мерси!».

Другие мыши удивлялись Петру. Некоторые смеялись, некоторые жалели. Однако терпели. До определенного момента.

Дело в том, что Петр, в порывах вдохновения, стал забывать о хлебе насущном. Ну, как забывать... Есть-то он ел. Но вместо того, чтоб честно тырить еду у людей, пристроился пастись по соседским кладовым. Все чаще соседи обнаруживали, что в кладовках у них не хранится более никаких припасов. А вместо припасов там нервно дрыхнет обожравшийся поэт. Однажды терпение соседей лопнуло. С громким треском и тихим матом. И несчастного влюбленного поволокли к доктору. В тот месяц, как на грех, доктором выбрали старого, хитрого Махатму Пармезана.

Подергав больного за хвост, и пару раз пнув его по ребрам, Махатма призадумался для виду, а потом сказал речь.

– Мыши! – сказал он. – Мыши! Петр неизлечим. Любовь – страшная штука.

Хуже кота, хуже клея. Так что эта сволочь не уймется, пока мы не найдем ему Люсю. Ищите, о мыши!

Так сказал Махатма.

И мыши пошли искать. Петр тоже пошел, конечно, но отстал. Увидел, как лунный свет, влетая сквозь чердачное окошко, клубится празднично в древних пыльных паутинах. Засмотрелся Петр, и душа его взлетела высоко-превысоко, к самым стропилам и тоже заклубилась, закачалась на призрачных серых гирляндах, бездумно помахая хвостом. А тело постояло немного, потом плюхнулось на бок, икнуло и захрапело. Страшная штука любовь, прав был старый Пармезан.

Мыши вернулись под утро. С добычей вернулись. Могучая Брунгильда Кукурузник приволокла за шкурку какое-то тощее недоразумение, найденное в дровяном сарае. Вообще, чердачные мыши относились к сарайным свысока, немного презрительно даже. Говорили, что, мол, сарайные – нищелюбы и варвары, они там у себя опилки жрут. А летом вообще травой питаются, как дикие кони. Неправду, говорили, я считаю. Врут, высокомерные дураки. Тоже мне, чердачная аристократия... Ну да ладно, сейчас не об этом.

Не найдя никакой Люси среди своих, чердачные мыши снизошли до сарая, поймали там первую попавшуюся девицу и отволокли наверх, по дороге хорошенько проинструктировав. Обнаружили спящего Петра и приняли решительные, весьма решительные меры к пробуждению одного. Результат появился незамедлительно. Петрово тело вскочило, и в него с немой воплем рухнула обратно душа, вся в ломотьях паутинок и лунного сиянья.

– Пардон, задремал... Что... Кто... Кто Вы, милая барышня?

– Йяя, – пискнуло недоразумение, – Дуся... Ой, то есть Люся... Люся! Ааап-чхи! От недоразуменческого чиха по старому пыльному чердаку разнеслось волшебное благоухание майских трав и свежих сосновых опилок.

– Овсов, – дрыгнулся в элегантно поклоне Петр. – Петр Овсов, к Вашим услугам, сударыня.

Петру вдруг сделалось холодно внутри. Сердце его словно окуталось коконом

из ледяных лунных прядей, а в животе пошел снег. Нет, разочарования Петр не почувствовал. Но и восторга тоже. Он не почувствовал вообще ничего, кроме холода. Сбывшаяся мечта стояла перед ним, трясая и шмыгая носом. Такая маленькая, такая невзрачная. И совсем, кстати, не Люся, а Целестина, но Петр этого не знал. Он ничего не знал, и ничего ему не хотелось теперь. Ничего на всем белом свете... Разве только пойти перекусить. Но просто так уходить было невежливо.

– А не желаете ли, очаровательная Люся, – выдавил он из себя со скучнейшей учтивостью в голосе, – разделить со мною скромный мой завтрак?

– Да! – неожиданно звучно ответила мечта и почти перестала трястись.

В дальнем углу чердака у Петра были припрятаны две горошины, из числа, увы, украденных у соседей. Целестина-Люся свою горошину стрескала молниеносно. Съела, вздохнула, вытерла нос, а потом стрельнула в Петра лукавым взглядом и хихикнула...

К концу лета маленькие Овсовы прогрызли ход к водосточному желобу. Стоило Петру или Целестине его хоть на мгновение упустить их из виду, как все семеро моментально ушмыгивали в лаз, крались по желобу и со свирепым разбойничьим писком скатывались по трубе вниз, во двор. А уж во дворе дети скакали и валялись по траве, словно дикие кони.

Располневший от семейной жизни Петр пытался, было, догнать неслухов, но куда там! Он мог только наблюдать за ними, свесив голову с крыши, дрожа от страха и вздыхая обреченно. Он был счастлив и сознавал это. А уж окружающие как были счастливы! Несказанно, невообразимо! Ибо стихов Петр более не писал!

ОДНА ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ

Люди дают имена своим людям сразу после рождения, не давая бедным птенцам времени опомниться и разобраться, что к чему. Разве это правильно? Нет, это неправильно. Другое дело птицы. Воробьи, к примеру. У воробьев всех птенцов сначала зовут одинаково. Мальчиков зовут Чу, а девочек – Цыц. Или наоборот, кто там у этой мелкоты разберет, где мальчик, где девочка. Не видно же ничего вообще!

Тем более рано давать имена, пусть сначала подрастут. И уже потом, покрывшись перьями, обретя смысл и личность, каждый птенец выбирает себе отдельное имя. Чаще всего это имя Чу или Цыц. Да почти всегда, в общем. Изредка только проявляют некоторые воробьи фантазию и выбирают имя Евгений. Это непростой выбор, да... Потому что другие воробьи, не решившиеся проявить фантазию, принимают гнусно завидовать Евгениям. Нет-нет, они не выказывают этого явно, – как можно? Они держатся с оригиналами дружелюбно и открыто, с демонстративной, даже слегка избыточной приязнью. «Эгей, Жэка! – кричат они. – Ну че, как оно?»

Евгении, конечно, не верят им, однако подыгрывают. В светлое время вместе с другими они орут и дурачатся, и воруют у кур, и даже немножко дерутся – чтоб быть как все. Но светлое время всегда кончается, увы. Черным котом подкрадывается мрак и выдавливает из мира свет своею толстою звериною задницей. Воробьи перестают тогда орать и летят на ночлег, прячутся по застрехам. И вот тогда, в хищных, пугающих сумерках Евгений понимают, что пора выделяться из толпы, что они не как все, а вовсе особенные. Покидают ряды ночующих и находят индивидуальные убежища, чтоб предаваться там фантазиям. Для фантазий же нужны покой и воля, а не кудахтанье по соседству какого-нибудь Цыц.

Один воробей, по имени Евгений, устроил себе гнездо в старой печной трубе, давным-давно снятой с печи и брошенной в углу чердака.

Труба, где ночевал Евгений, была прелестный уголок и яркая индивидуальность. Под окаменевшим слоем сажи она сохранила довольно крепкий еще металл, на каждый сквозняк откликающийся гудением, глуховатым, но мелодичным.

Угукала, гудела, шептала о вещах невероятных и удивительных! Ибо, как утверждала труба, в юности она была трубой на океанском пароходе, была медною и всегда надраенной до ослепительного блеска. Вот этим-то блеском соблазнясь, ее украли однажды с парохода стая ворон, занесла сюда, в сухопутное захолустье и бросила.

Лгала, конечно, эта труба, как мерин сивый, но Евгений все равно любил ее слушать и даже в беседы вступал.

– Расскажите, пожалуйста, – просил он, – еще про море и корабли.

– Корабли, ах, кораблии! Я многих из них знавала... – лгала труба.

Впрочем, почему лгала? Это не совсем так. Пароходной она действительно не была, но когда-то пришлось ей торчать из печки в доме, где жили мальчики. А мальчики в те времена имели обыкновение читать у натопленных печей книжки про морские путешествия. Иногда вслух. И печи тоже тогда слушали книжки, но ничегошеньки не запоминали. Не пытались даже запомнить. Печи – земные создания. Уютные, добрые, но не мечтательные, о нет!

А вот трубы печные – да. Трубы, глядящие в небо, видевшие Млечный Путь и Полярную звезду. Лично знакомые с каждым ветром. Печные трубы, хриплым маленьким эхом провожающие перелетные стаи осенью...

Да, трубы знали про дальние страны, про море и корабли. Пусть и из книжек, пусть и не очень точно расслышав слова.

– Кораблии, – гудела вокруг Евгения труба, – имеют нос и хурму. Еще у них есть шуршевень, бом-брам-стенки и абордаж. И везде, особенно на абордаже, стоят паруса. Люди на кораблях называются моряки. Они ходят на абордаж и там топят печку, чтоб посмотреть, в какую сторону дым. Потому что куда дым, туда, получается, и ветер. Вот если дым идет приблизительно туда, куда им надо приплыть, моряки радуются и начинают ставить паруса. А паруса не очень-то и стоят на ветру и все время падают. Тогда главный моряк ругается и кричит: «Поднять паруса!». И моряки их, понятно, поднимают. И корабли плывууут! Прямо по морю!

– Ух! – восхищался Евгений. – Замечательно! А воробьи на кораблях живут? – Конечно! А как же иначе? Обязательно живут. Только не такие, как тут, а особенные, морские. Называются Попугаи. Они большие-пребольшие, с разноцветными хвостами: желтыми, синими, зелеными. Когда корабль начинает плыть, попугаи залетают к нему на крышу и кричат: «Пиастры! Пиастры!». Это на специальном морском языке значит «Ура, поехали!».

Наговорившись, труба вздыхала и дальше гудела уже без слов. Евгений тоже вздыхал и долго потом не мог уснуть. Все думал и думал. «Я же тоже! – думал он. – Я тоже особенный! Может, я Попугай? И меня тоже украли с корабля вороны и принесли сюда? Потому что я был большой и разноцветный. Украли и заколдовали в маленького серого воробья...»

Волшебства, как известно, не бывает на свете. Смотри кому, впрочем, известно. Наверняка те, кому известно, ни разу не видали воробьиной ночи, не попадали в самую ужасную на свете ночную летнюю грозу! А вот Евгений однажды попал.

Вечер бы совершенно обычный и конца света не предвещал. И напрасно не предвещал, конец подкрался незаметно и очень громко вдруг грянул. Громом, молнией ливнем и ураганом. Все затряслось, завывло, затрещало и забабыхало. Евге-

ний понял, что окружающий его мир бесповоротно поломался. Что остается в таком случае делать? Только упихнуть голову поглубже в пыльные недра гнезда и дрожать, панически маша хвостом на прощание.

Бам! Тарахах!!! «Прощай, белый свет! Прощай!» С крыши стало срывать черепицу, и, увидев такое дело, Евгеньева труба привычно впала в безумие. Так делают все трубы, у которых сносит крышу. «Гррром и молния! – зарычала она. – Нурвест идет! Нурвест! И бутылка ррому!»

Ливень ревел, как штормовой океан, во всю ивановскую лупя по чердачным бом-брам-стенкам и тугими жуткими струйками протекая на абордаж.

– Божечка! – молился Евгений. – Божечка мой воробьиный! Спаси меня, пожалуйста, и помилуй! И заодно, если нетрудно, расколдуй меня обратно в попугай!

Хоть и страшны воробьиные ночи, да коротки. Не успеешь набояться, как уже и утро. Настал рассвет, ночь уползла под землю вылизывать мокрые черные космы, и Евгений выкабаркался на улицу.

А на улице – ах! На улице во все стороны раскинулось бескрайнее сверкающее море. Все из росы, из тумана, из чистой, прозрачной красоты. Над морем выгнулся огромный разноцветный хвост – красный, оранжевый, желтый, зеленый! «Это мой! – вдруг понял Евгений. – Это я! Это меня расколдовало, я – Попугай!»

– Пиастры! – заорал он громовым голосом. – Пиаастры!!!

И поплыл прямо по морю, оставляя за хурмою прошлую жизнь.

ЭКУС ТЕРЕБИЛИС

Соседка сегодня ездила в город и там купила внукам коня-качалку. Предвкушая внучью радость, соседка по приезду даже в дом заходить не стала, а выставила подарок посреди двора и стала выкликать пацанов на улицу. Внуков у нее двое: старший и еще не говорящий. Оба они прекрасны, но неговорящий прекрасен особенно. А сегодня запасы собственной одежды неговорящего иссякли, и его обрядили в гигантские, братовы, по всей вероятности, трусы с оранжевыми крокодилами. Прекрасность от этого возросла до пределов невысказанных – из крокодилов торчат только пятки, плечи и белообрывая улыбчивая голова. И вот эти самые люди вышли во двор и увидели коня. И мы тоже все вышли посмотреть на коня и на то, как внуки его увидят.

Конь был довольно симпатичный с виду – гнедой, плюшевый, весь такой мяконецкий, с умилительно-пушистой челкой. Кто же из нас мог знать, что если надавить ему на тайное место, он начнет конвульсивно дергаться, махать хвостом и издавать демонический гогот на английско-китайском языке? А соседка знала. Знала и надавила.

Хорошо еще, что внуки не успели подойти слишком близко... Старший пискнул «Ой!» и попятился, а неговорящий развернулся и сделал ноги, басовито завывая и трагически колыша крокодилами.

Да что там внуки, мы тут все стреманулись. Тетя Наташа перекрестилась и сплюнула. Дядя Вася сказал плохое слово, а мне удалось предотвратить падение души в пятки только сильным сжатием мышц брюшного пресса, а также некоторых других мышц.

Соседка запричитала, заквохтала, утешая старшего и пытаясь вернуть неговорящего, а конь все орал. «Гхо-гхо!» – вопил он и дергал хвостом, и шевелил кроваво-красными плюшевыми губами.

Кто, интересно, какой злой гений измыслил этот кошмар? *Ecuus terribilis, ore foraminis et clamore infernalis emittitur!* Конь ужасающий, рот отверзающий, вопли адския издающий! Чудище обло! Креатура морально одичавших Леонардовых пасынков, выведенная в секретных злодейских лабораториях и проданная потом наивным китайцам под видом детской игрушки. А уж китайцы после его размножили и распихали по всему белу свету, даже до нашего райцентра добрались.

Птицы поулетали с окрестных деревьев, побросав птенцов, поулетали мухи, бабочки и осы, коты ускакали за дальние кустики, а внизу, под землю, в сумрачных норах своих забилась в истерике мышь. Ужас и запустение воцарились в нашем дворе.

– Сашавалера! – не сдавалась тем временем соседка – Сашавалера! Не надо бояться! Это лошадка! Лошадка! Хорошая лошадка!

– Гхо! Гхоо-ох! – грозно вторил ей экус терибилис, от всей души желая быть хорошей, нестрашной лошадкой, но никак не умея ни выразить этого, ни остановить самостоятельно конвульсии и вопли. Соседка было попыталась, но от волнения забыла, куда надо нажимать, и стала просто лупить беднягу по голове. Гоготать экус от этого не прекратил, только слегка охрип и сильнее затрясся. Этого уже не выдержала тетя Наташа и замахнулась костылем. Но дядя Вася остановил ее. Решительно шагнул вперед, отодвинул тетю Наташу, отодвинул соседку, ухватил несчастного терибилиса за подмышку и суровым крестьянским приемом перевернул кверху брюхом.

– Гхяуу! – хрипло взмякнул конь.

А дядя Вася нащупал на беззащитном плюшевом брюхе потайную молнию, рывком открыл ее и выпотрошил из экуса целую кучу блестящих батареек. С острым, почти болезненным наслаждением мир провалился в глубокую тишину. Терибилис лежал пыльный, избитый, с расстегнутым брюхом, но со счастливым лицом.

Соседка, утешительно ворча, уволокла домой сначала внуков, а потом и коня.

К вечеру внуки с конем примирились. Первым осмелел неговорящий. Подкрался сбоку и пару раз шарахнул лошадь стыренным с кухни веником. Старший, который тоже хотел так, но не успел, немедленно возмутился и с фальшивой скорбью заголосил: «Нет, не надо, лошадке больно!». Затем отвесил неговорящему умеренную плюху, отобрал веник и, припав к экусу, стал демонстративно его оглаживать. Неговорящий повелся и тоже принялся гладить страдальца, нежно причитая: «Хххсссь! Тяааа!». Потом братаны взяли конягу кормить. Из лошадиной еды в доме нашелся только фикус и был, конечно, догولا ободран от листы. Примерно до середины – выше старший не дотянулся. Экус блаженствовал. Рот его был полон восхитительно-горького фикуса, челка разлохмачена ласками вдрызг, в животе царил непривычная, возвышенная пустота, а механический демон в голове, не имея для пропитания ни капельки электричества, бессильно молчал.

Михаил ПОТОРАК – прозаик, переводчик. Родился в 1969 году в Молдавии, где и живёт по сегодняшний день. Окончил журфак Кишинёвского госуниверситета. Директор этнографического музея, руководитель детской театральной студии.

Рассказы и миниатюры публиковались в журналах, альманахах и антологиях в Молдавии, России, Германии, Белоруссии.

Автор сборника короткой прозы «Идёт ветер к югу...», увидевшего свет в 2015 году.

НОВЫЕ КНИГИ

НЕЛЛИ ТОРНЯ

ПАЛИТРА ОДНОЙ СУДЬБЫ

В Москве, в издательстве «Художественная литература» вышла в свет книга известного кишинёвского художника Сергея СУЛИНА под загадочным названием «S Золотой Рыбы». Символично и примечательно, что представляли её читателям на заре 2015-го, наречённого в русском мире Годом литературы. Роман, как точно определил суть его сам автор, – «о любви и творчестве, о творчестве любви». В книге много загадок, и сама она удивительна и неожиданна, хотя бы тем, что рождением своим обязана живописцу.

С самого начала не покидало странное чувство: будто просто так к роману не подступиться, а нужно узнать особый кодовый знак, который и станет ключом к этому ларцу, хранящему какую-то важную тайну. Сергей, как через порог, переступая через раму, входит в свои картины – дышит, живёт в них. Чтобы «легально» попасть в его книгу, надо было срочно расшифровать неудобное непонятное название опуса – «S Золотой Рыбы». Оказывается, это одна из самых далёких и самых ярких звёзд Большого Магелланова Облака, спутника нашей Галактики. Она в тысячи раз больше Солнца и, если бы была от нас на таком же расстоянии, как самая близкая к Земле звезда Альфа Центавра, то на нашей планете не было бы ночей. И, наконец, самое романтичное – S Золотой Рыбы щедро выбрасывает в безграничную Вселенную звёздное вещество и солнечный ветер. Ну и кого ж не заинтригует такое астрономическое волшебство, вынесенное в заголовок? И какой же, думаете, космически важный смысл лёг в его основу? На поверку выяснится, что ярчайшая звезда эта – обитель и творческая мастерская... Бога.

Если бы ещё совсем недавно мне кто-нибудь сказал, что Сергей Сулин, в чьих картинах глубина, философия, собственный почерк и горячая любовь к жизни, выдаст на гора ещё и полноценное литературное произведение, я, наверное, лишь недоверчиво улыбнулась бы. Не сборник отдельных статей, не заметки об искусствоведческих премудростях, не дневниковые откровения о становлении

творца в большой стране и эпохе, а роман в триста страниц, написанный по всем правилам жанра – с прологом, захватывающим развитием действия, апогеем, эпилогом! Ему, мастеру кисти, не хватило несметного богатства красок, чтобы выразить свой яркий, пусть противоречивый, несговорчивый внутренний мир?..

Вот ведь как велика и священна сила Слова – ни цветом, ни звуком, ни голосом, ни движением её не заменишь. Не обещание, не проект, а самая что ни на есть реальность, новенькая книжка лежит на моём столе, изданная в Москве, да не в каком-то частном полиграфическом подвале, а в крупнейшем российском издательстве «Художественная литература». Туда даже по нынешним, во всём не очень требовательным временам, какую попало рукопись не возьмут, из чего следует, что многолетний труд автора заслуживает особенно бережного к нему прикосновения.

Всё настоящее и стоящее, говорят, рождается на стыке жанров. Вот и здесь тоже – фантастика, своеобразный литературный сюрреализм тесно, крепко переплетаются с «суровым» реализмом. Сам Сергей жанр своей новорождённой книжки обозначил просто до банальности: «Некое сочинение, сложившееся из дневниковых записей, семейных мифов и бурной фантазии». Развалы памяти, затмение, говорящие знаки, тревожно, призрачно, туманно и... по-философски увлекательно. Автор путешествует из этюда в этюд, перепрыгивает из набросков в зарисовки, плутает по эскизам. И что уж тут приbedняться – Художник сродни Ему, на одной он ступеньке с Создателем. И тот, и другой конструируют свой мир, свою реальность, где властвуют, страдают, любят, побеждают и умирают.

Книга автобиографическая, но не документальная. И, как и полагается настоящей литературе, в ней весомая доля вымысла. Чудное имя, хоть и созвучное реальному, придумано родному городу – Вишёнки, любимую Олесю назвал Олсе, а Приднестровье – Заречьем. До боли узнаваемы холмы, улицы, люди.

Одного из героев, будущего покорителя водных стихий, зовут Ноем, и речка Стикс есть, и мифический перевозчик душ, и беспощадный рок здесь правит бал. И у двух ангелов-посланников Апишкулька и Кипишочка, забавные имена которых придуманы маленькой дочкой автора, своя судьбоносная миссия в нашем мире – спасение Бессмертной Души. Фантазия и впрямь так и брызжет. Чего стоит Архив ещё не написанных книг, не нарисованных картин и не придуманных стихотворений! Удивительны Вестник любви и Ангел-хранитель художника, устроившиеся в мирной беседе на ближней орбите Земли. А наше вино – не только национальная гордость, но и секретное оружие. И БАМ, и тень афганской войны, мрак Чернобыля и пахнувшие кровью оранжевые революции, угрозы терроризма – целая эпоха перелопачена с её пафосом и трагизмом. И всё это щедро приправлено национальным колоритом, напоено божественным духом творчества.

В полуфантастическом романе Сергея нашлось место и совсем не модному нынче чувству патриотизма, искренней гражданской позиции. Трудясь в студен-

ческом стройотряде на Байкало-Амурской магистрали, как же горячо верил он в светлое будущее, в котором непременно будет нужен своей Родине. Восторженно глядя на таёжный пейзаж с розовыми сопками, будущий художник записывал в дневник: «Дух захватывает, когда думаешь, сколько работы еще предстоит. К счастью, всё это выпадет на долю моего поколения. И я вместе со всеми буду трудиться на переднем крае строительства коммунизма».… Тем, кто родился в другом времени, в 90-е и позже, подобные откровения кажутся нелепыми, помпезными и даже смешными. Им трудно поверить, что такие признания самому себе шли от самого сердца. Но мы такими были! Недавно я приводила в порядок семейный архив. Нашла письмо своей подруги детства. А в нём: «Сегодня меня приняли в комсомол. Это самый счастливый день в моей жизни!». Так что эти страницы нашего общего прошлого – отнюдь не художественный вымысел. И потому ещё книга Сулина, полагаю, будет интересна людям разных поколений. А молодым – вдвойне, тем более что события преподносятся в близком для них стиле фэнтези.

Горькую чернобыльскую страницу своей биографии Сергей расшифровал в литературном опусе подробнее. До сих пор мы видели трагедию его глазами в рвущей душу графике, тревожных работах большого чернобыльского цикла, принесшего ему первую славу. Именно после тематической персональной выставки, явившей миру его боль, страдания этой масштабной человеческой трагедии, за которую до сих пор расплачиваемся здоровьем, в нём увидели глубокого профессионального художника. А вот с какой эмоциональной силой и печалью он описывает в книге заброшенную мёртвую деревянную церковь: «На фоне потухающего неба чернел остов купола, сквозь который шныряли летучие мыши. Там, в вышине, в истлевших канатах запутался шальной ветер, и над зоной время от времени раздавался, навевая мысли о бренности всего сущего, тихий протяжный звон». Или: «...всякий раз, когда мой взгляд случайно наткнулся на вдавленную в колено книгу или детскую игрушку, почти физически чувствовал удар под дых. Казалось, что здесь не поют птицы, не пахнут цветы и даже не колышутся листья. Всё вокруг выглядело нелепой декорацией к плохому спектаклю». Это похоже на стон сердца художника, каждой клеточкой своей пережившего это горе.

Кстати, содержание романа великолепно дополняют его замечательные графические листы, в которых – угловое судёнышко в бурном океане жизни; белая фигурка во тьме, символизирующая страх одиночества; мадонна с ликом жены с младенцем на руках; огромные глаза любимицы-доченьки. В каждой работе – настроение и много смысла. Графика Сергея давно встала вровень с его живописными полотнами.

И болевой нерв через всю книгу – автору снится пустынный пейзаж погибшей нашей зелёно-голубой планеты, на заснеженной макушке которой торчит чёрный

крест. Едва ли не через страницу – приметы свихнувшегося века: антирусские настроения в «Актуальном микрофоне»; в Княжестве дети коренных жителей изучают не свою историю, а соседнего государства. Половина взрослого населения из-за отсутствия рабочих мест зарабатывает за границей. Тихо умирают старые Вишёнки. В тех прежних уютных домах, таких разных, жила душа. В новых, выросших вместо них сияющих стёклами дворцах, души нет, она проектом не заложена... Олсе, которую оскорбляют в телепрограмме, где обсуждается национальный вопрос, напоминает: гимн Евросоюза, куда так вожделенно, строим готовы идти граждане Княжества, – Девятая симфония Бетховена, а в ней стихи Шиллера «Обнимитесь, миллионы!». Бросаться в объятия друг друга дети разных народов, увы, уже не спешат. Отчаявшиеся от нищеты пенсионеры выходят на демонстрации под красными флагами, сбрасываются с пьедесталов

вчерашние кумиры, сияют огнями казино, бандитов избирают в высшие органы власти... Вот такой публицистический срез времени.

К слову, еще об одной интересной находке автора: в придуманных Сулиным подборках новостей, сопровождающих некоторые главы и характеризующих безумие нового столетия, – фарс, гиперболизация, горький юмор, намёк, в коих, увы, гигантская доля истины. Вылитые в реку десятки тонн кока-колы усыпляют рыбу. Мифическая лаборатория готова производить клоны киллеров, олигархов и строителей финансовых пирамид. Даже в выпавшем на поля и сады Княжества крупном граде по привычке винят Россию. Стихийное бедствие, мол, произошло из-за секретных её экспериментов. Как это по-сегодняшнему... И поистине мудр придуманный Сергеем афоризм, которым сам он гордится: «Когда приходит время разбрасывать камни, главное – ни в кого не попасть».

Что по-хорошему удивило и растрогало – неожиданно образным, сочным языком написана книга! Нас не только на экране, но и в литературе сейчас всё настойчивее приучают к уродливому клиповому мышлению. Сергей Сулин возвращается к традициям русской классики, где каждое слово на вес золота. Какие неизбитые, совсем свои, свежие метафоры! Перед ним расстилается «поле, густо усыпанное созвездиями одуванчиков», солнце – то висит большим сочным апельсином, то прилипает к небосводу, как блин к раскалённой сковородке, то перезревшей красной ягодой закатывается за горизонт. И тогда «...в тёмно-синей раковине неба перламутровой жемчужиной рождается Луна»; порой она сверкает, как ёлочная игрушка; путь ему освещают «бесчисленные звёзды, словно кукурузные зёрна, просыпанные из дырявого мешка вселенского сеятеля». А чего стоит образ ангела, рисующего зарю! А приходилось ли вам где-нибудь встречать подобный, столь точный и выразительный сравнительный оборот: «Р-р-аз – и мы, подобно картошке из сумки, вывалились гурьбой на мокрый прибрежный песок».

Немало в книге Сергея предельно личных, более чем откровенных картинок и деталей, добавляющих доверия автору. А ещё повествование как бы усиливают

малоизвестные, совсем не заезженные поговорки, выражающие суть молдавского фольклора: «Любовь такова во все времена, когда сладка, когда горька», «Дом – тогда дом, когда есть хозяйка в нём», «Старый друг, как вино, чем старше, тем лучше», «Человек без друзей, как левая рука без правой». Давно вошли в лексикон русских, проживающих в Молдове, поселились навсегда в нашем языке такие слова и понятия, как *плацинды*, *каса маре*, *жок*, *примар*, *русойка*, *норок*, *гайдук*. И эта особенность тоже нашла отражение в романе.

Книга профессионально отредактирована, отличается безупречной грамотностью, что тоже редкость, чего не скажешь о выходящей нынче в свет печатной продукции в Молдове. А тут, понятное дело, Москва, старейшее издательство. Повезло дебютанту. Повезёт и тем, кому посчастливится прочитать роман «S Золотой Рыбы». Это, между прочим, можно сделать в русской столичной библиотеке имени Ломоносова, в читальном зале Российского Центра науки и культуры. Возможно, книгу разошлют в районные библиотеки страны.

В рецензии надлежит отмечать и недостатки новоявленного произведения. Дебютная книга Сергея Сулина мне так понравилась своей оригинальностью, смелостью, честностью, что отыскать их было непросто. Правда, один изъян точно на виду, его не скроешь: слишком много места отведено описанию попоек, бездумного образа жизни кишинёвской богемной братии. Публика винной забегаловки «У трёх покойников», известной многим поколениям студентов и не только, весьма живописно представлена автором. Но уж очень навязчивы повторы мизансцен близкого по смыслу содержания. Копилка памяти художника так много интересных событий и ярких образов сохранила за полвека, что страницы, отведённые под описание обильных возлияний, могли представлять собой большую пользу для читателя. Полагаю, что на обложку книги «S Золотой Рыбы» вынесен неоправданно массивный фрагмент, малопонятный человеку, только что взявшему в руки книгу. Это сделано, вероятно, ради мысли – Вестник любви неожиданно вдруг оборачивается Ангелом возмездия... И ещё момент, достойный критики. С одной стороны Высшие силы ведут по жизни художника и его любимую, во всём помогают, а с другой – провоцируют, создают неземные препятствия. Вот такое драматическое столкновение добра и зла и там, в других измерениях. В какой-то момент небожители обсуждают действия самого Создателя и (о, ужас!) употребляют алкоголь, ссорятся. Вот тут автор, похоже, хватил лишку! Зачем, за что полная дискредитация эфирной, безукоризненной доселе ангельской сущности?.. Жаль, что в тексте в этом месте нельзя поставить смайлик.

Главный же лейтмотив, золотая канва романа – «...затерянные в пространстве и времени где-то во Вселенной, вдоль линии приборя шли двое». Представишь – и сердце замирает. Неслучайно картинка эта вынесена на лицевую сторону обложки. И как тут не согласиться с гениальной мыслью о том, что от примирения влюблённых зависит судьба всего мироздания. До слёз трогательны сцены, в которых Сергей рассказывает о молитве, написанной маминой рукой, найденной им у её постели в день смерти и украденной вместе с кошельком позже из его кармана в маршрутке. О том, как они с женой или жёнкой, как любовно, по-пушкински называет он свою поэтессу Олсе, учат летать спасённого сорочонка, как возвращают в этот мир почти утонувшую бабочку, своим дыханием отогревая ее. Как

много говорят об их сердцах, об их пространстве добра и света такие детали! Если правда, что любовь – это готовность провести вдвоём вечность, то это о них.

Знаю удивительную творческую семью эту без малого четверть века. И всегда дивилась неутомимости обоих, самозабвенной отдаче себя, их умению жить взхлёб. Вот и эта книга, как и пять сборников стихотворений Олеси Рудягиной, щедро и талантливо проиллюстрированные Сергеем, – двух душ переплетенье, роман двух авторов. Вторая часть его, как изначально задумывалось, – подборка стихотворений разных лет Олеси. Задумка преинтересная: это как бы взгляд с другой стороны. Те же события, но увиденные её глазами и отражённые поэтическим словом. Любимая женщина для Сергея – Центр Вселенной. Именно так называется собрание стихов Олеси. Это и смелые публицистические строки, рождённые в 90-х, и боль за перевернувшийся с ног на голову мир: «Я всю жизнь на ветру, на бегу. И всё время за что-то в ответе», «С ладони осыпаются недели, как фантики, прозрачны и легки, но краски ни на миг не потускнели, а небеса, как никогда, близки...», «Я, знаешь ли, классно летаю!». И целая россыпь поэтического откровения, адресованная мужу. Даже в названиях стихотворений присутствует он в полный рост – «Графика», «Этюд», «Любимый муж уехал в санаторий», «Сирень Чернобыля». У Сергея в книге глава «Ма!» про рождение долгожданной доченьки Лизоньки, а у Олеси стихи «Искушение младенцем». И – «Теперь осталось долго-долго жить и умереть день в день, согласно сказке!». Эта часть работы двух авторов вышла в аудио-версии.

Лет десять назад я написала о сборнике стихотворений Олеси Рудягиной «Река и птицы» в тогдашней городской газете «Кишинёвские новости». И назывались мои лирические заметки «Дом с парусами». А у дорогого душе моей поэта, словно в ответ на заголовок, родились стихи: «Ангел-хранитель, укрой своим крылом творчества обитель – старенький наш дом! Пусть не рвут – ласкают ветры паруса, пусть не угасают детства голоса...».

Чем не логичная точка в раздумьях о книге и об этих двух красивых сердцем и делами своими светлых людях?.. Обнажённые ранимые души их переплелись крепко, надёжно и навсегда. Пусть мир их и впредь будет солнечным, переполненным Любовью и верой друг в друга. Пусть те, кто заключил союз их на небесах, хранят его денно и ночью. И станет ещё богаче красками радуга на палитре их причудливой судьбы.

Нелли ТОРНЯ – журналист, публицист, критик. Окончила Ленинградский государственный университет, факультет журналистики. Работала редактором в издательстве «Тимпул», старшим корреспондентом в Гостелерадио Молдовы, позднее – в газете «Вечерний Кишинёв». Более 20-ти лет в общественно-политической газете «Кишинёвские новости» возглавляла отдел культуры. Член Союза журналистов СССР с 1978 года. Лауреат пяти профессиональных конкурсов – Союза журналистов Молдовы, Программы развития ООН, Союза театральных деятелей республики, Союза музыкальных деятелей РМ, Республиканского совета ветеранов. Публиковалась в журнале «Молдова», в газете «Культура» (Москва), в Антологии «Современное русское зарубежье».

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ УРОЖАЙ

«ВЫ – НАСТОЯЩИЙ, НИЧУТЬ НЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ...»

В 2014 году, впервые за много лет, в Кишинёве при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Молдова вышли в свет две книги на русском языке авторов, заявивших о себе на рубеже XX-XXI веков. В этом году, с подачи Министерства культуры РМ, были изданы уже пять русскоязычных авторов, чьё становление пришлось на разлом эпох. В том, что рукописи, наконец, превратились в полноценные книги, видимо, сыграло роль открытое письмо литераторов, пишущих в Молдове на русском языке: «Мы есть!», адресованное Министерству культуры. Наш глас был услышан, и большая заслуга в этом, безусловно, министра культуры – Моники Бабук, которой мы искренне благодарны за поддержку.

Читателям в 2015 году были представлены и другие книги, о которых мы непременно расскажем. А пока, поскольку в стране литературная критика на русском языке, к сожалению, практически исчезла, приводим в качестве рецензий на некоторые книжные премьеры письма известных и уважаемых в литературном мире поэтов и прозаиков, пришедшие авторам на электронную почту. Делает «РП» это, разумеется, с разрешения отправителей и адресатов.

О книге Олега КРАСНОВА «ШЕЛКОВИЦА» (Книга рассказов. Кишинёв, 2014, «Metrompaş». Книга издана при поддержке Министерства культуры РМ.)

ЛЕОНИД ЮЗЕФОВИЧ – писатель, сценарист, историк. Автор детективных и исторических романов.

«Дорогой Олег, я прочёл подаренную Вами книжку.

Повесть «Сестра» – замечательная. А из рассказов некоторые понравились мне больше («Шелковица», «Урда», «Бесконечность»), некоторые – меньше (особенно «Скучная история»), но это дело вкуса. Я, по правде сказать, ожидал другого.

Фарид* был прав: это тихая музыка, правда, с царапающими душу диссонансами, а я – нет, когда сказал, что такой музыки в современной литературе вообще-

*Речь о Фариде Нагиме и дискуссии Круглого стола о проблемах русской литературы в Молдове, состоявшегося в рамках фестиваля «Бессарабская осень» осенью 2014 года в Кишинёве (прим. гл. ред.).

то много. Как оказалось, сильно похожей я не слышал. Вы – настоящий, ничуть не провинциальный писатель – тонкий, горький и умный. Простите, что не нашёл менее тривиальных комплиментов, но их банальность отчасти связана с тем, что Ваша проза при всей её интеллектуальности вызывает самые простые человеческие чувства (не буду их перечислять, а то выйдет совсем уж стыдно). Ваша формальная сложность отзывается во мне эмоциональной простотой, чего, по-моему, все мы так или иначе и добиваемся.

Я не критик, но найти подходящие слова для Вашей прозы нелегко, думаю, и для критика. Даже Олег Панфил в своем чудесном послесловии (чего стоит только определение иронии как остатка чувства самосохранения!) с ней не вполне справился. Что-то важное ускользнуло.

Честное слово, пишу искренне. Если бы книжка мне не понравилась, я бы просто ничего Вам не написал, как обычно в таких случаях и поступаю.

Единственное замечание: мне трудно было приноровиться к тексту, разбитому на абзацы, как в Интернете, хотя эта разбивка далеко не всегда нужна по смыслу.

И ещё: такую прозу и в России сейчас издать тяжело, а составить на ней литературное имя за пределами узкого и постоянно сужающегося круга – практически невозможно.

В Молдавии Вы хотя бы можете сослаться на объективные трудности, а на что ссылаться новосибирцам, пермякам или даже москвичам и питерцам?

Конечно, в Москве Вам легче было бы зарабатывать на жизнь пером в журналистике и смежных сферах, но к литературе это не имеет отношения. Книгу небольших повестей и рассказов издательство может выпустить лишь тех авторов, кто уже получил известность, а известность приносят только романы или нон-фикшн. Многие успешные и издающиеся на Западе писатели рассказов вообще не пишут (Михаил Шишкин, Алексей Иванов и др.).

Наконец, последнее. Вы написали на книжке, под своим портретом: «Писателю от босяка».

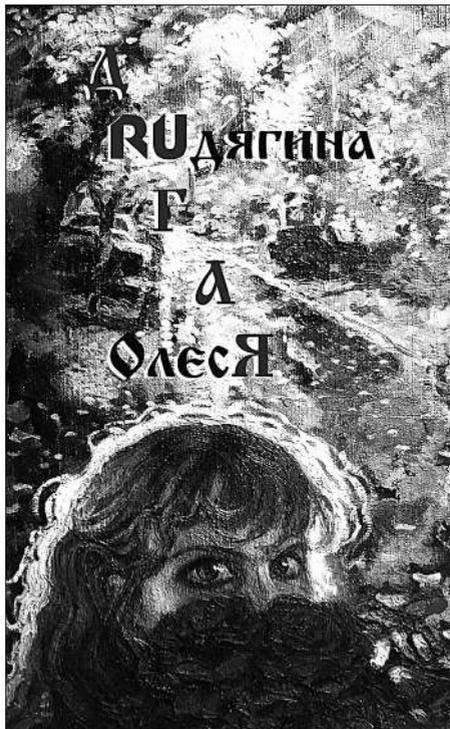
Сами понимаете, читать такое не слишком приятно. На самом деле известность пришла ко мне в 52 года (Вам сейчас меньше), а до того я был школьным учителем истории, зарабатывал на жизнь преподаванием в трёх школах одновременно и как всякий человек, поздно добившийся успеха (весьма относительно!), вполне отдаю себе отчет в его случайности.

Вот, пожалуй, всё, что могу Вам сказать.

Нежнейший привет Вашему тёзке Панфилу.

Рад буду, если смогу чем-то быть полезен. Пишите.

Ваш Л.Ю.»

О книге **Олеси РУДЯГИНОЙ «ДРУГАЯ»** (Сборник стихов, Кишинёв, 2014, «Met-gotraş»). Книга издана при поддержке Министерства культуры РМ.)

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ

«Ура! Теперь всё открылось – читаю с удовольствием. Поздравляю, много живого, трепетного, хорошего. И составлено удачно, и оформление “играет”. Сильная сторона – лирика, она доминирует в книжке и слава Богу! Свой голос. Стал отмечать, что для себя выделил, оказалось много! Например: Ветер, Ёлка, Цветение сакуры, Подъёлочная скороговорка, Скажи любое слово, Еще эта птица, Писем нет, Главная тема, Какой бы долгой ни была зима... И немало других. Редко спотыкался. Например, странная рифма “зачем-вознаграждён”. Буздуган – это надо объяснить читателю. Короче – спасибо!

Обнимаю. Кирилл»

ЮННА МОРИЦ

(Из письма-ответа на вопрос, какие стихи следует отобрать для презентации книги).

«Олеся, чтоб ты долго не мучилась перед “мероприятием”, посылаю своё думанье про твоё стихопенье. На мой поэтический взгляд, твоё лучшее и прекрасное – на страницах:

11, 16, 64, 67 (5), 77, 82, 87 «И снить для голоса лицо» (!!!!)*, 99, 108 (2), 109 (3), 114, 115, 116, 120, 121, 122, 123.

Хорошие стихи на стр.: 6, 9, 10, 29, 30, 31, 44, 48, 57, 73, 75, 86, 88, 90, 97, 110 (3-е), 113, 119.

У тебя самое прекрасное – детский лепет! Но в прекрасном стихе “Ветер” невозможно прочесть без ужаса “пустой слой атмосферы”, потому что – скорчился смыслозвук и звукоблеск. А твой детский лепет, где всё врзлёт и врзброс, – твоя природа. Обнимаю поэтически тебя, Сергея и всех ваших ласточек, иволг... Ю.М.»

РОМАН КОЖУХАРОВ, поэт, прозаик, номинант Международного конкурса «Русская премия» (2006)

«Дорогая Олеся!

Прочёл Вашу “Другую”. Ещё на прошлой неделе, и ещё долго ходил, наполненный послевкусием свежести, отголосками смыслов и образов Вашей прекрасной книги.

*Последняя строка стихотворения «Выход есть» из цикла «Четыре письма».

Признайтесь, ведь Ваша лирическая героиня – это Она, “жар-птица, яблочко молодильное, мёртвая, живая, воскресающая вечно вода”? И как здорово уже в самом начале эта “Другая” аллитерационной анаграммой вторит и подпевает авторской “Рудягиной”. И эти очи на обложке, которые так вглядываются – в себя, в мир, в читателя... И ведь употребляя затасканное “глаза – зеркало души”, не все понимают: “зеркало” это “тарковское”, в которое и ты глядишь, и, в тот же момент, глядится и Она, Другая – душа.

И зрелость строк, полных “пространством и временем” чувств и смыслов, исполнена и ритмической, и лексической свободы. И от этого так комфортно, “по-свойски” пребывать в Вашей книге. Внимаешь Другой – как будто подставляешь лицо морскому бризу. И широкий литературный контекст, вдумчивая, задушевная переключка с Пастернаком, Цветаевой, Анной Андреевной, Ивановым. И, сквозь тьмы веков уловленное, сапфическое “Выше стропила, плотники”, сакральное евангельское “Мир Вашему дому” вдруг становятся актуальнейшим “здесь и сейчас”, разрывая виртуальные, металлической цепью вяжущие тенеты И-нета (Мир Входящему).

И каждый образ мастерски точен в своей спелости (или – выстраданности), и за каждым словом – его диктовавшее чувство, но без цветаевского надрывного безудержу, без ахматовской выхолощенной остуды. Ваши чувства – боли, тоски, отчаянья, счастья, благодати, любви – проведены через точило мысли, ОСМЫСЛЕННЫ, и потому – истинное вино поэзии. А “чем же ещё жить в преддверье вселенской давилки”?

Какая же Вы умничка, дорогая Олеся! И Ваша “Другая”!
Спасибо за книгу. Ваш Роман».

О книге Елены ШАТОХИНОЙ «ПРОКЛЯТЫЙ ГОРОД КИШИНЁВ Потерянное поколение русских поэтов в Молдавии. 1970-1990» (СПб., 2014, «НЕСТОР-ИСТОРИЯ».)

Вышедшая в свет в прошлом году в Санкт-Петербурге книга известной кишинёвской писательницы и журналистки Елены Шатохиной «Проклятый город Кишинёв» – спорная, но, безусловно, эпохальная. Можно не соглашаться с её названием и характеристиками некоторых из поэтов, представленных в ней, но, тем не менее, признать, что книга – огромный труд, который не даст кануть в забвение целой плеяде замечательных поэтов советской эпохи, писавших в Молдавии на русском языке.

К слову, это обширное поле для продолжения исследований и осмысления поэтического наследия прошлого. (Гл. ред.)

ЕЛЕНА ДАНЧЕНКО, поэт, переводчик, журналист, член Союза писателей Москвы.

(Отрывок из письма)

«...Недавно мне прислали по Интернету (Лена Черткова и Лена Замура – одновременно) Вашу книгу “Проклятый город Кишинёв” и её продолжение – мемуары поэтов друг о друге и их стихи. Я была знакома, пусть и шапочно, с Евгением Хорватом, Александром Фрадисом, Виктором Панэ, Инной Нестеровской, Артуром Аристокисяном, Борисом Клетиничем, Михаилом Оболовичем, Очень, кстати, удивлялась, читая, тому, что Вы не рассказали в Вашей книге о двух последних, незаурядных поэтах – о Борисе и Михаиле. Бориса я недавно нашла по ФБ (он живет в Канаде и Израиле), и через ФБ нашла Александра Фрадиса. С удивлением узнала, что он живет в Кишинёве... Нашла на ФБ и Артура Аристокисяна...

Книгу прочитала залпом. А мемуары и стихи читаю постепенно. Многие стихи я знала и отлично помню многие, поскольку... входила в этот круг... Но я пишу Вам не потому, что хочу подпрыгнуть и во что бы то ни стало присоединиться, хоть в комментариях, к хору воспоминателей... Так что Ваш пассаж про “остатки нашего поколения”, еще пытающихся что-то сказать – это про меня. И еще одно высказывание врезалось в рассудок: “следы нескольких затерялись за границей, и никто не знает, какой ценой остались живы”. Добавить нечего...

Я хочу сказать о другом. Говоря почти словами Толстого, хочу Вас спросить: как, где, когда Вы ТАК поняли нашу жизнь и наши проблемы? Возможно, мы одного поколения? Но, говорят, Вы не жили в Кишинёве и не знали эту нашу запущенность, одиночество, замкнутость друг на друге, наше житие в банановой республике, о которой до сих пор многие европейцы и слыхом не слыхивали. Как вы умудрились влезть в нашу шкуру, стать – нами?

Всё верно, мы никому не были нужны тогда и там, и никому не стали нужны тут и здесь. Наши «тут и здесь» – это Москва и Питер, и заграница. В Кишиневе у многих, и у меня в том числе, стихотворные публикации не пошли дальше «Молодёжки» и «Вечернего Кишинёва». В Москве те, кто не учился в Литинституте, тоже оказались не нужны. А кто из нас учился? Один Побужанский. Мне ещё повезло, в 1984 году я встретила в газете «Советская Россия», где работала на крошечной должности секретаря отдела, талантливую поэтессу из Твери – Ирину Хролову, которая тогда почти окончила Литинститут. Она-то меня и познакомила с плеядой прекрасных поэтов моего поколения...

P.S Кстати, пушкинское «Проклятый город Кишинёв» я писала на письмах вместо обратного адреса, а письма те были адресованы моему будущему мужу в Москву. И ничего, почта пропускала.

С уважением. Елена Данченко. Нидерланды, Утрехт, 26.04.2015»

О произведениях Натальи НОВОХАТНЕЙ, вошедших в книгу «ПОБЫТЬ В ТИШИНЕ»

(Рассказы, повести, сказки, миниатюры. Кишинёв, 2015, Центральная типография.) Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры РМ.

АЛЕКСАНДРА ЮНКО, поэт, прозаик, переводчик, журналист – о повести «В твоих глазах»:

Ощущение лёгкости, прозрачности, акварельности, но не легковесности или поверхностности, есть определенная рельефность и большая глубина. Это, конечно, маленькая повесть. Да, она членится на мелкие рассказы, но есть нечто объединяющее. И это не только сюжетная канва, доказывающая, что всё – и все – в мире взаимосвязано, но и авторская интонация, и какая-то недовоплощенность каждого героя, и главное – то, что автор любит и жалеет своих героев и потому вполне безжалостна.

Все три мужских типа хороши, хотя и слегка бесплотны, мужчина, на мой вкус, должен быть чуть вещественней. Разный статус: бедный жених, богатый любовник, рукастый муж, разный возраст, разный менталитет. Но женщины ещё лучше, тут уж всё уравновешено. И Соня, и баба Надя, и Аня-Анишоара, и Кити – весь бессмертный пантеон русской классики (кстати, об именах).

Эта вещь как танец с покрывалами: очередной слой спадает, и зритель ждет: во, сейчас, – но нет, вуалей меньше не становится, и напряжение всё возрастает, как в хорошем триллере, а когда всё, наконец, сброшено, все причинные места скромно укрыты распущенными волосами и маленьким золотым цилиндром. Эта иллюзия происходит из-за названия, которое поначалу читается как строго любовное, а потом открывает другие смыслы: кто мы такие? Какими мы видим себя, какими нас видят другие, и это бесконечные отражения в глазах друг друга.

ЕЛЕНА КУШНИР, режиссёр, прозаик, поэт – о повести «Дочь моя, сестра моя»:

Древние китайцы говорили, что взгляд красавицы – словно осенние воды. Его легко почувствовать... И в данном случае тоже. Длинный взгляд, такой длинный, что даже видит будущее – это, блин, портрет. Длинные руки и ноги сюда тоже подходят. Короче, не знаю, либо Наташа это стырила у жизни, либо жизнь у Наташи, но обе молодцы.

И вот странно же, именно этот блок текста, который вокруг длинного взгляда, он очень хорош. Прозрачное дыхание, чем-то напоминает Сэлинджера, но не нарочно и правомерно. Пусть напоминает. Тем более что о другом. А о чём? Помоему, о том, как человек медленно начинает осознавать себя. Свою жизнь. И начинает это делать с ошибки. С какого-то странного спонтанного действия. Неважно какой, но поступок. Всё будет потом. Длинный взгляд.

Вот то, чем, по моему ощущению, живёт рассказ. Не считаю, что я его пере придумала, поскольку все названные точки и линии там есть, их связь в моём пересказе не искажена.

Но, к сожалению, очень многое до этих верхов не дотягивает. И получается как бы два рассказа. Один по уровню восходит к Сэлинджеру, другой – к советскому кино и журналу «Юность». Был такой вариант кинодраматургии, типа Виктории Токаревой.

Описания персонажей упрощены. Даже очень упрощенный человек так не описывает внешность. Либо хуже (и это «хуже» литература превращает в язык, как делает Зоценко и иже с ним), либо просто не описывает, ловит другие детали. В «Дочери» это всё – уютно, десертно и весело, но идет не от персонажа, от автора. Для автора это недостаточно сильно написано, для персонажа – слишком бойко. То же самое относится к сюжету. В главном-то он хорош, зато в деталях...

Ощущения риска в финале тоже не хватает. Из-за истории с Марком (любовная линия) – в том виде, в каком она услышана и передана – всё съезжает в хэппи-энд советского типа. Все у героини будет хорошо, просто она ещё дура.

Потенциал у вещи другой, но он не поддержан текстом. Думаю, это произошло потому, что диалога с вещью, с её главным импульсом было маловато. Всё чувствовалось, но не всё понималось. В результате где-то получилось, где-то нет.

ОЛЕГ ПАНФИЛ, поэт, прозаик, переводчик – о повести «Дочь моя, сестра моя»:

Замечательно перевоплощение автора – рассказ «изнутри» чужой жизни. Меня как раз очень заинтриговал финал, я воспринял его как почти удавшуюся попытку выйти за рамки сюжетных шаблонов – очень интересная область поисков сейчас в искусстве, пока больше удавшаяся в арт-хаусных фильмах, т.е. когда вместо хэппи-энда или наоборот (трагического финала) происходит не просто набившая оскомину «открытая концовка», а выход в совсем другой горизонт – не нарратив, где всё неслучайно и всё работает на «сюжет», который готов заранее, – ровно наоборот, выход на еще более бескрайние возможности и потенциалы судьбы, множество совсем других шансов, – а не колея, канва, куда пытались «упаковать» героиню среда и окружение. И самое классное – в концовке – просто-таки пахнет другими силами судьбы, другими, чем на «Бродвее», и мне кажется, что это и входило в замысел автора.

Потенциал этого рассказа очень сильный, и – без обид, Наташа! – буквально несколько намеков автора на то, что все ходы в рассказе не случайны, и рассказ станет шедевральный. Возможно, я не прав, и навязываю свое видение, сори, если что. Сама ткань повествования требует в таком рассказе предельной виртуозности – героиня ходит по такой тонкой корочке над безднами сознательного и бессознательного, что в принципе, неважно, например, Марк искренне любит ее или он просто ...барь-перехватчик, (пardon за мой французский) – для самой героини на самом деле не важно, важен зов судьбы, которому она всё-таки следует безупречно.

Я ТВОЙ ТОНКИЙ КОЛОСОК

АЛЕКСАНДР ОГУШЕВИЧ

«ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК» в КИШИНЁВЕ

Забывтая страница русского Серебряного века Бессарабии

Этот очерк-исследование Александр Огушевич отдал главному редактору «Русского поля» незадолго до своей кончины. Автору было важно, чтобы историю открытия неизвестной страницы литературной жизни родного Кишинёва напечатал именно наш журнал. Свою жизнь Александр посвятил единственной страсти – любви к литературе. Ни собственной семьи, ни материального благополучия в его судьбе не случилось. Только преданная мама и она, эта любовь, которой он служил исто-во, в меру своих сил и таланта. Да ещё – мучительный уход, принятый им достойно. Трудно было предположить в тщедушном теле Александра такую силу духа. Немногие друзья, свидетели последних дней Саши, были потрясены его стойкостью, кротостью и светом... А близким по духу людям Александр Огушевич оставил посмертный подарок – файл с книгой, с ксерокопиями публикаций и фотографиями адресатов с надписями о запечатлённых событиях. Чтобы помнили.

Выполняем его завещание.*

Читателю предлагается экскурс в относительно недавнюю историю литературы нашего края. Как известно, в прошлом веке более двадцати лет Бессарабия пребывала под властью Румынии. Нас интересует весьма узкая сфера – периодическая печать той поры. Или ещё конкретнее – дерзкий интеллектуальный проект, имевший место в нашем городе, – литературно-художественный журнал «Золотой Петушок».

В советской прессе не упоминались русские литераторы-эмигранты, творившие в Бессарабии, или приезжавшие сюда на гастроли. Лишь в конце 80-х годов двадцатого века увидели свет некоторые материалы о данном периоде, но в целом это пока совершенно не исследованная сфера культурной жизни эмигрантского зарубежья, которая, бесспорно, была частью русской культуры.

Центральная фигура очерка – русская эмиграция. В советской историографии она именовалась белой. Русская культура, даже попав на чужую почву, продолжала себя. Эмигранты, особенно первой волны, ощущали себя хранителями и

*Очерк публикуется в сокращении.

продолжателями русских литературных традиций. «Мы не в изгнании, мы в послании», – говорили они. Приводимая ниже цитата свидетельствует, какой насыщенной была жизнь русских эмигрантов за кордонами родного Отечества.

«Эмигранты предпринимали значительную издательскую деятельность, особенно в области периодики. Так, в 1925-м за границей были зарегистрированы 364 периодические издания на русском языке. В 1918-32 годах увидели свет 1005 наименований русских эмигрантских журналов. Эсеры Н.Д. Авксентьев, И. И. Бунаков, М. В. Вишняк, А. И. Гуковский, В. В. Руднев выпускали общественно-политический и литературный журнал «Современные записки» (1920-40). В этом журнале печатались разные авторы: И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, А. М. Ремизов, Д. С. Мережковский, В. Ф. Ходасевич, Н. А. Бердяев и многие другие. Одни из них уходили в мистику, другие обращались к легендам, мечтам, далёкому прошлому. Даже пользующиеся мировой известностью мастера: И. А. Бунин, С. В. Рахманинов, Ф. И. Шаляпин, пропагандируя своим творчеством русскую культуру за рубежом, содействуя её славе, пережили своего рода трагедию, будучи лишены родной питательной почвы».¹

За этим количеством изданий прослеживается полная уверенность в том, что новая власть в лице большевиков пришла ненадолго, что скоро всё вернётся в былое русло. Дыхание родных просторов ещё оведало лица русских эмигрантов и немногие понимали, что большинству из них уже никогда не оказаться в России, и что тоска по оставленной родине будет расти в их душах в геометрической прогрессии.

«Бессарабское Слово» в Кишинёве во время гражданской войны в России и в более поздние годы, вплоть до предвоенных 40-х годов XX века, было одним из таких эмигрантских русских изданий. Мы не станем исследовать политическую канву газеты, обратим свой взор на тех из её сотрудников, кто решился на издание здесь литературного журнала «Золотой Петушок». Было ли это чистейшей воды прожектёрством? Решать не нам, мы лишь попытаемся хоть в малой мере вернуть из небытия этих людей.

Если читателю, равнодушному к истории России, попадутся строки тех, кто восторженно отзывался о своей эмиграции, о своём безбедном существовании, верить таким бодрым свидетельствам белоэмигрантов едва ли есть смысл. В тех свидетельствах не будет главного – неистребимой ностальгии по Отчизне, по оставленной ими России. Когда и оставаться нельзя было (запись в дневнике Веры Николаевны Муромцевой, супруги Ивана Бунина от 14 октября 1919 г.: «Известия о Махно: взяты Бердянск, Мелитополь и Александровск. Вырезывается вся интеллигенция»), но и позорно бежать даже в мыслях не было. Реплика Бунина на сей счёт: «Я не хочу стать эмигрантом. Для меня в этом много унижительного. Я слишком русский, чтобы бежать со своей земли».

Но суровые обстоятельства жизни заставили. Кто мог и хотел – эмигрировал, кто не пожелал уехать, тот сгинул в огне революции или приспособился к новым социальным порядкам. Правда о русской эмиграции тех лет была в том, что истинные патриоты своей Родины скучали по ней безмерно. И всякая весточка, при-

¹ Л. К. Шкаренков. Москва. Советская историческая энциклопедия. М.: «Советская энциклопедия» под ред. Е. М. Жукова.

ходившая из России (заметим, уже советской), всё равно радовала. Выходило так, что в своей любви к России они, сами того не ведая, становились истинными «государственниками»: всё, что хорошо для России, было хорошо и для них. Такая вот парадоксальная позиция.

И хоть описываемые события отстоят от нас не так далеко, поражает отрывочность многих страниц жизни, например, Игоря Северянина. Так, в биографии поэта, составленной Алексеем Мясниковым, мы не находим ни слова о бессарабском периоде его жизни. Составитель лишь обмолвился: «В 1930–1934 годах состоялось несколько гастролей по Европе, имевших шумный успех, но издателей для книг найти не удавалось».

Или такой пример. В книге Валентина Лаврова «Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953)» отсутствуют два года – 1934 и 1935. Как раз в это время Бунин активно переписывался с Игорем Северяниным, Леонидом Евицким и Владимиром Недзельским, по поводу своего участия в «Золотом Петушке»...

В переписке организаторы журнала обсуждали, в том числе и с Иваном Буниным, кандидатов и их произведения для следующих номеров журнала. Имя Владимира Набокова также упоминалось, но, по всей видимости, было отклонено Буниным, хотя первый на момент издания «Золотого Петушка» уже был известным писателем. Однако Бунин весьма странно охарактеризовал Набокова, и это, по-видимому, закрывало молодому писателю путь на страницы «Золотого Петушка». Он так отозвался об авторе «Лолиты»: «*Пожалуй, это самый ловкий писатель во всей необъятной русской литературе, но – это рыжий в цирке. А я, грешным делом, люблю талантливость даже у клоунов*».²

Верно, среди авторов нашего журнала Набокова нет. Но и Набоков не промолчал. Мягко, как это и пристало интеллигенту, «ущипнул» Бунина в следующих строках: «*Книги Бунина я любил в отрочестве, а позже предпочитал его удивительные струящиеся стихи той парчовой прозе, которой он был знаменит*».³

В числе тех, кого пригласили к сотрудничеству с «Золотым Петушком», оказался и русский поэт, драматург, прозаик и журналист Александр Фёдоров.* Письмо из Кишинёва с приглашением участвовать в журнале отправил ему Леонид Евицкий 20-го октября 1933 года, в котором излагается концепция и тематика издания. Как видно из письма, в основу художественного стержня литературного журнала положена «ещё не изжитая Пушкинская традиция». В чём она выражается? Главенствуют принципы преобладания художественного слова и художественного образа над публицистичностью, материалами злободневными, отражающими проблемы дня. Итак, читаем письмо:

² Валентин Лавров. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920-1953). Роман-хроника. Москва, «Молодая гвардия», 1989. С. 47.

³ С. 290, там же.

* А. Фёдоров в 1930 г. проживал в Софии (Болгария).

«Многоуважаемый Александр Митрофанович.

В конце ноября т. г. в Кишинёве начинает выходить литературно-художественный журнал «Золотой Петушок» при участии местных и эмигрантских сил. Журнал беспартийный и неполитический, но всё же находящийся в непримиримой оппозиции по отношению к крайним течениям политической мысли. Как можно видеть из самого названия журнала, редакция считает, что источник здорового художественного творчества по-прежнему находится в неизжитой Пушкинской традиции. Это, несомненно, с достаточной ясностью очерчивает круг симпатий и антипатий «Золотого Петушка», и поэтому редакция журнала надеется, что Вы найдёте возможность принять в нём участие. В случае Вашего согласия, прошу Вас сообщить о материальных условиях Вашей работы. Издание наше местное, провинциальное и располагает ограниченными средствами. Первый номер выходит 21 ноября 1933 года, и было бы очень желательно, чтобы Ваша вещь появилась в первом номере. Поэтому, будьте добры, поторопитесь с ответом. Желательно, чтобы вещь не превышала 400-450 строк газеты «Возрождение» или «Последних Новостей». В каждом номере журнала проектируется помещение 2-3 портретов современных писателей с краткой биографией и творческими сведениями. Если Вы ничего не имеете против помещения Вашего портрета с биографическими данными, сообразованно прислать таковые возможно скорее.

Примите уверения в совершенном почтении.

Редактор Леонид Евицкий».

Леонид Евицкий

Далее к письму следует приписка Игоря Северянина:

«Дорогой Александр Митрофанович, поддержите серьёзное и хорошее русское дело».

Здесь нельзя не отметить такую деталь. В предисловии журнала выделено шрифтом: **«Все произведения, помещённые в настоящем номере, печатаются с рукописей, присланных нам авторами».** Другими словами, литераторы высылали в новый журнал свои ещё нигде не опубликованные произведения. Надо ли говорить, как в таком случае возрастает значение этого журнала, его художественная ценность.

Дорогой Александр Митрофанович,
поддержите серьёзное и хорошее русское дело.
Игорь Северянин

ГЛАВА 1.

Издание «Золотого Петушка» пришлось на последние годы Серебряного века русской литературы, оказавшего влияние и на европейскую культуру, настолько мощным, содержательным, новаторским было это явление для своего времени. Ничего значительнее этого культурного проекта русских эмигрантов в Бессарабии больше не случилось.

Безусловно, интересно, какими были материалы, опубликованные во всех трёх номерах «Золотого Петушка», но привлекают не столько они, сколько имена

участников этого почти исчезнувшего из поля зрения наших современников литературного альманаха.

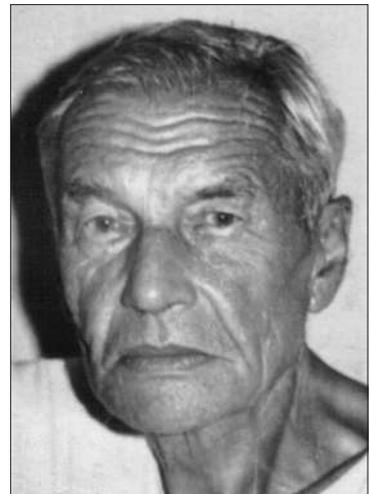
К сожалению, до наших дней о журнале дошли весьма скудные и разрозненные сведения, хотя происходило всё это в нашем городе не так уж и давно. Но, если помнить, что в этот промежуток случилась Вторая мировая, то можно понять, отчего так бедна эта информация. Война разметала не только документы той поры, но и людей; тех, кто хранил в памяти, в семейном архиве документальные свидетельства и всё связанное с журналом русских эмигрантов, оказавшихся в Бессарабии.

На обложке первого номера «Золотого Петушка» значится, что вышел он в свет в январе 1934 года. Однако в почтовой открытке Игоря Северянина из замка

Христовец в Словении от 19 октября 1933 года к его кишинёвскому знакомому по литературному кругу Семёну Стодольскому поэт просит: «*Напишите, выходит ли «Золотой Петушок», и сколько номеров вышло*». Значит, издание журнала предполагалось намного раньше, но увидел свет первый номер лишь в январе 1934-го. Причиной тому было сложное финансовое обеспечение нового издания русских эмигрантов, бежавших от большевиков в Бессарабию? Думается, имелась и другая вероятность задержки первого номера. В декабре 1933 года в Стокгольме состоялось вручение Нобелевской премии в области литературы Ивану Бунину. Редакция «Золотого Петушка», возможно, намеренно тянула с выходом, чтобы поздравить в первом же январском номере своего земляка с таким огромным творческим достижением: всероссийская известность Бунина переросла во всемирную славу.

В своих воспоминаниях сын Владимира Осиповича Недзельского Сергей утверждал, что редактором журнала был именно его отец. Но на обложке обозначен Леонид Евицкий. Интересно, почему редактор доверил именно Недзельскому приветствие Ивану Бунину по случаю присуждения писателю Нобелевской премии, ведь случайному автору такое ответственное дело не доверишь? Выходит, Евицкий достаточно хорошо и давно знал Владимира Недзельского?

Верно, в Кишинёв группа русских эмигрантов-литераторов прибыла из Одессы, где у них сложился свой литературный круг, там они неоднократно выступали перед интеллигенцией города, часто встречались. По воспоминаниям, этот одесский

Сергей Недзельский

литературный салон возглавляла Елена Боскович – супруга Владимира Осиповича Недзельского. Она происходила из знатного рода обрусевших сербов, воспитана была на русской культуре.

Вопрос, кто же был редактором журнала, не снимается, и вот почему. В своей статье «А. Пушкин и И. Северянин» Ирина Иванченко в эстонской газете («Молодёжь Эстонии» от 7.06.2002 г.) пишет:

«В Кишиневе Игорь Васильевич познакомился с редактором журнала «Наша речь» Семеном Ильичом Стодульским, с которым они начали издавать журнал с пушкинским названием «Золотой Петушок».

Более того, в ответе мне Олег Коростелёв из Парижа («Эмигрантика.гу») называет В. Недзельского *соредактором*, совместно с Л. Евицким. Видимо, пустив шапку по кругу, были собраны финансы на издание трёх номеров, а редактор «Нашей речи» Семён Стодульский пошёл дальше. Скорее всего, именно он предоставил Северянину бумагу из своих запасов, на которой и был напечатан журнал. К такому выводу подводит логика событий, точнее, их реконструкция. Но прямых свидетельств истории рождения «Золотого Петушка», увы, не сохранилось.

В последние годы жизни, Сергей Недзельский, сын Владимира Осиповича Недзельского, служил вахтёром в одной из строительных баз Кишинёва. Не найдя понимания в семье в вопросе сохранности архива отца, он неоднократно пытался подружиться с Викторией Накольцовой, молодой библиотечкарьершей, только начавшей работать в этой организации, лучшей подругой которой в те годы была Людмила Кишэнэуцкая. Это потом одна на всю жизнь стала совершенным докой в библиотечном деле, а другая психологом и поэтессой. Это потом подруги поняли, *кого и что* они прозвали. Мне в середине 90-х годов они не раз с сожалением об этом рассказывали и сокрушённо вздыхали... Вахтёра на складе тогда девушки серьёзно не воспринимали и отмахивались от его попыток поведать им о встречах его отца с Буниным, о журнале «Золотой Петушок», к которому тот имел прямое отношение, о литературном прошлом своего именитого отца. В шутку барышни прозвали его Графом. А прояви Виктория хоть малейший интерес к «приставаниям» Графа, кто знает, быть может, архив его отца Владимира Недзельского оказался бы в её руках и сохранился для потомков. Но история не терпит солагательного склонения. Всё произошло так, как произошло. Просто «Золотому Петушку» решительно не везло в том, чтобы сохраниться в памяти народной.

Судя по всему, и у самого Графа были литературные способности, но жизнь увела в сторону, не дав им развиться. Из письма его матери Елены Боскович-Недзельской от 23 октября 1937 года узнаём, как поразил её сын своим рассказом. Вот строки из этого письма.

«Приезжает как-то Серёжа в город и привозит маленький рассказ.

Редко завидую. Но тут, каюсь, позавидовала. Чувствую, что так не умею. Очень прост и своеобразен язык и всё видишь. Мы с Владимиром Осиповичем прослезилась от восторга».

В момент издания «Золотого Петушка» Сергею Недзельскому было лет 10. Но мальчик, видимо, впитал многое, что окружало его в интеллектуальной среде взрослых, запомнил любопытные детали, однако, ни его жена впоследствии, ни его две дочери, не проявили интереса к наследию по отцовской линии. И портфель с самыми дорогими для отца документами, где, несомненно, были письма

Ивана Бунина, Игоря Северянина, Константина Бальмонта, Александра Ремизова, Владимира Ходасевича и других известных писателей России, исчез бесследно. Кстати, его он постоянно носил с собою, не оставлял дома. Однажды, как рассказала мне Виктория, Графу нужно было на несколько дней куда-то уехать из Кишинёва, и он попросил её взять на хранение этот заветный портфель. Виктория призналась мне, что отказала Графу в этой пустяшной просьбе. А как-то в разговоре вспомнила, что однажды у неё в руках оказалась тетрадь со стихами Сергея Недзельского, и «они были очень даже приличные по художественному уровню», но она не догадалась переписать хотя бы одно из них. Ну что тут скажешь... Вот такие непростительные промахи, такие повороты судьбы, которая давала шанс сохранить что-то важное для будущего, для истории русской литературы в нашем крае, а она этот шанс проигнорировала.

После кончины Сергея Недзельского в одну из вёсен его дочери решили навести порядок в доме: старшая собиралась замуж. На чердаке тоже убирали. Там ими «были найдены какие-то папины бумаги, старые газеты, письма, фотоснимки», – как рассказывала Ксения, младшая дочь Графа. Недолго думая, торопясь навести чистоту под крышей дома своего, они сожгли бумаги отца...

К слову, позже я не раз с надеждой переспрашивал у Ксении Недзельской:

– Может, хоть что-нибудь сохранилось?..

– Нет, – отвечала дочь Графа, – в тот день все бумаги мы сожгли во дворе нашего родового дома.

Однако вернёмся в первую половину прошлого столетия. Основной задачей литераторов Серебряного века было привлечь широкие массы к высокому искусству. По-видимому, этими же критериями доступности простолюдин к элитарным текстам руководствовались и участники проекта «Золотого Петушка». Велимир Хлебников, Александр Ремизов, Константин Бальмонт доверили редакции журнала свои неопубликованные тексты, понимая, какая в этом случае будет польза для всего русскоязычного населения в Бессарабии, Румынии, да и в Балканских странах в целом, где в ту пору было немало русских эмигрантов. На качество поэзии Бальмонта той поры, к примеру, обратил внимание Иннокентий Аненский. Он писал: «Лирика *Бальмонта заставила русского читателя думать о языке как об искусстве*».

Другими словами, авторы «Золотого Петушка», каждый на своём уровне, предложили русскому эмигрантскому зарубежью произведения, соотнесённые с вызовами времени, не уронив планку высокого литературного мастерства. Здесь вполне уместно вновь вспомнить имя **Семёна Стодильского**.

С момента присоединения в 1812 году Бессарабии к России, среди местных жителей и в, тогда ещё не образовавшейся в единое государство Румынии, велась полемика на предмет возможности использования русского языка во всех сферах жизни бессарабского общества. Наиболее преданных идее преобладания русского языка в этом крае румынская полиция именовала «*пламенными панрусистами*», тогда как противников также доставало. Почему именно литератор Стодильский возглавил местное отделение русофильского общества? Вероятно, он был уверен, что русская культура может значительно обогатить, поднять интеллектуальный уровень местного общества. Попутно замечу: как свидетельствуют документы, значительную помощь русскому движению в Бессарабии оказывал гене-

рал белой гвардии Е. Леонтович, предлагая свои личные пожертвования. В 1936 году генерал эмигрировал в США. Оказавшись без материальной поддержки, многие русскоязычные монархические организации прекратили свою деятельность, что способствовало скорейшей румынизации населения Бессарабии королевской Румынией.

Справился ли Семён Стодульский с возложенными на него обязанностями по руководству обществом, нам неизвестно. Надо полагать, что да, ведь он был человеком образованным, тонкой натурой, недаром именно с ним сблизился Игорь Северянин. На волне противостояния двух непримиримых тенденций – окончательной румынизации края и частичной русификации Бессарабии, «в середине 20-х годов в Кишинёве возникло также «Общество Гроба Господня», руководимое им же, литератором Стодульским, и «Союз православных клириков Бессарабии», возглавляемый священником-молдаванином Семёном Гучужным, другие организации верующих и духовенства».⁴

ГЛАВА 2.

Однако продолжим наше литературное исследование. Прошли годы, и в прессе Молдовы промелькнуло упоминание о «Золотом Петушке». Вот эта информация. Выдержка из дайджеста журналиста Ильи Марьяша («Коммерсант Молдовы», N 45 за 1995 г.). Архивную пыль сметает Д. Безродный, подготовивший публикацию о Мазаракиевской церкви из... литературно-художественного журнала «Золотой Петушок»! Из заметки следовало, что несколько номеров журнала вышло в свет в 1934 году. «Некоторые считают, что идею такого издания подсказал местным литераторам Игорь Северянин. «Золотой Петушок» – раритет, которого нет ни в бывшей «Ленинке», ни в Молдове, а есть, по нашим данным, лишь в хранилище Госбиблиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.»

Обрадованный появлению «живого» имени автор этих строк кинулся через справочную телефонной службы разыскивать домашний телефон Дмитрия Безродного. Увы, здесь меня ждало разочарование. Оказывается, на момент 1998 года наш краевед уже проживал в Америке...

Неужели нигде в городе не сохранился журнал? Я не поленился и в марте 1998 года отправился в Национальную библиотеку Молдовы, где, к своему изумлению и большой радости, выяснил, что в хранилищах главной нашей библиотеки есть первый номер «Золотого Петушка»! Более того, с разрешения директора библиотеки Алексея Рэу, автор этих строк сделал ксерокопию журнала. Страниц там немного – 31. (С. 28-29 отведены под рекламу). Формат – как советский журнал «Огонёк». Для любопытствующих сообщаю инвентарный номер хранения **431539**.

Бумага, на которой напечатан журнал, как говорится, могла быть и лучше...

Но сам факт – я собственными глазами вижу то, что так долго искал, – несказанно вдохновил меня. Ведь я разглядывал номер, который, безусловно, держали в руках не только соредакторы альманаха Л. Евицкий и В. Недзельский, но, быть может, и Игорь Северянин, Семён Стодульский и все те, кто был причастен к это-

⁴ Никита Стратулат. Православная Церковь в Молдавии в контексте истории молдавско-румынских межцерковных отношений в XX веке. // Диссертация. С. 80. Русская православная церковь. Санкт-Петербургская Православная духовная академия. Кафедра церковно-исторических дисциплин. 2010 г.

му событию... Волнение переполняло моё сердце. Это тот самый «Золотой Петушок», который бесследно исчез на несколько десятилетий и, наконец, найден!

В мае 2012 года я снова посетил кабинет Алексея Рзу и получил разрешение полистать и что-то выписать из «Золотого Петушка». И опять, как много лет назад, я с благоговейным трепетом перелистывал немногочисленные страницы этого редкого для нашей страны литературного издания.

Всё это время я не оставлял попыток хоть что-то узнать о судьбе Владимира Недзельского. Годы шли, мчались, летели, но «Золотой Петушок» всё не давал мне покоя. Весной 2012 года сделал запрос в Государственный архив:

«Буду рад, если ваша уважаемая организация окажет мне помощь в поиске сведений о некоторых деятелях культуры нашего края: пишу очерк, посвященный изданию в Кишинёве литературного журнала «Золотой Петушок».

Имеется ли в Архиве хоть один номер этого журнала?

Интересует также информация о жителях Кишинёва периода 1933–1934 годов XX века. О Владимире Недзельском, о Леониде Евицком, редакторе первого номера «Золотого Петушка», о Елене Боскович, супруге Недзельского. Располагает ли архив журналистскими и литературными публикациями Л. Евицкого, В. Недзельского?

Через некоторое время из Нацархива ответили на румынском языке, естественно. Суть перевода: Госархив не располагает данными по запрашиваемым персонам и у него нет в наличии «Золотого Петушка».

В таких случаях говорят: отрицательный результат – тоже результат.

Какими ещё путями раздобыть хоть крохи информации об этих личностях? В конце концов, они жили среди людей! Быть может, следует искать места их проживания и опрашивать старожилов, вдруг у них сохранились снимки, сам журнал? Эти мои поиски тоже, к сожалению, не увенчались успехом.

ГЛАВА 3.

Вновь затеплилась надежда что-то «раскопать» о «Золотом Петушке» во Всемирной паутине. Как оказалось, это был верный шаг. Интернет вывел на уже упомянутое мной парижское представительство русских эмигрантов «Эмигрантика.ру» и их замечательный труд «Сводный каталог периодики русского зарубежья», в котором в самом конце упомянут и наш «Золотой Петушок». Я воспрянул духом и написал в Париж. На первый запрос мне не пожелали ответить, но на второе, более расширенное своё обращение, к счастью, получил из столицы Франции весьма подробную информацию. Вот каким был ответ из Парижа.

«Александр, добрый день!

О журнале «Золотой Петушок» мне известно немного. В отечественных хранилищах он представлен не широко. Комплект есть только в библиотеке РГАЛИ, один номер в научной библиотеке ГАРФ, еще есть ксерокс в РГБ. Планировался он как «литературно-художественный иллюстрированный ежемесячный журнал», в анонсе гордо заявлялось, что будет выходить «большими ежемесячными выпусками с художественными иллюстрациями на меловой бумаге при участии лучших местных и зарубежных литературных сил. В

каждом номере – рассказы, очерки, стихи, критические статьи; обзоры художественной, музыкальной и театральной жизни; художественные портреты современных писателей, поэтов, художников и артистов. Для каждого номера специальная художественная обложка в красках, работы известных художников. Все произведения, помещаемые в журнале, печатаются впервые с рукописей, присланных редакции авторами».

Однако на деле вышел лишь первый, а затем сдвоенный второй-третий номер, на чём издание и прекратилось (как, впрочем, подавляющее большинство других эмигрантских изданий). Но среди авторов, помимо основателей-соредакторов (Л. Г. Евицкий, В. О. Недзельский), были известные литераторы:

К. Д. Бальмонт, И. А. Бунин, И. Н. Голенищев-Кутузов, Г. Н. Кузнецова, И. С. Лукаш, А. М. Ремизов, И. Северянин, Л. Н. Столица, Е. Л. Таубер, А. М. Фёдоров, В. Ф. Ходасевич, а также румыны J. Minoulesco, C. Petresco. Журнал упоминался в нескольких справочниках по эмиграции.

Чуть более подробно о нем речь шла в работах Михаила Хазина: «Пушкинские мотивы: Люди, книги, судьбы», «Скиталец тот, кто всех светлей...».

Больше я ничего об этом журнале не знаю. Специалиста, который занялся бы эмигрантской периодикой Румынии, Балкан и некоторых других не самых популярных среди исследователей регионов, я долго искал, но найти так и не смог.

Владимир Осипович Недзельский был другом семьи Буниных в одесский период (имя его встречается в переписке и дневниках Буниных). Сохранились его и жены **Елены Боскович** письма Буниным, ныне они в **Русском архиве г. Лидса (UK)** (РАЛ MS. 1066/4012–4022). Более подробную информацию о его жизни в эмиграции резоннее искать в архивах тех мест, где он жил (про его несохранившийся личный архив, где, вероятно, хранились и письма Бунина, Вы написали – к сожалению, это нередкий случай, наследники часто распоряжаются архивами не слишком знаменитых предков именно таким образом). Про одесский период хорошо бы поинтересоваться у одесских краеведов, они в последнее время стали публиковать кое-что по тому периоду, выпускать краеведческие издания, возможно, там удастся найти что-то и о биографии Недзельского (в мемуарах, дневниках, переписке и других документах). Работа над «Сводным каталогом» продолжается.»

Олег Коростелёв, Париж. 26.04.2012»

Номера хранения писем Владимира Недзельского Буниным стоит запомнить, ибо это даёт надежду когда-нибудь до них дотянуться. Если не автору этих строк, то уж какому-то другому любознательному любителю истории литературы.

Итак, появилась ещё одна тропинка к «Золотому Петушку». Как-то не верится, что уважаемые мэтры русской литературы от нечего делать решились на издание журнала. Была, очевидно, какая-то иная важная задача. Из найденных документальных свидетельств она пока не просматривается. Конечно, можно предположить, что «Петушок» родился от того, что стремление писателя пробиться к читателю неистребимо – живёт ли он на чужбине или радуется просторам Отчизны. И это наверняка ключевая мотивация. Но какие были ещё?

Пока не удалось выяснить биографические данные авторов первого номера «Золотого Петушка» **Ф. К. Инкулец** (очерк о Мазаракиевской церкви), **Алле Разу** (стихи), румынского литератора **С. Petresco**. Но зато найдены, краткие био-

графические сведения о Екатерине Таубер, Евгении Кискевиче, Думитру Ангеле, Любви Столица, Иване Лукаше, Илье Голенищеве-Кутузове, Галине Кузнецовой, Семёне Стодульском, Ионе Минулеску.

Евгений Кискевич – поэт, переводчик (1888–1945). Молодость писателя Бориса Зайцева прошла в России, зрелые годы – в Париже. Екатерина Таубер – поэтесса, прозаик, критик. Илья Голенищев-Кутузов – русский, советский филолог, поэт, переводчик, специалист по романской и славянской филологии. Критик Драгомиреску писал о Думитре Ангеле: «Это поэт цветов, любви и моря. Отличается тонкой чувственностью, ослепительной фантазией и музыкальностью».

Поэт и прозаик Ион Минулеску был хорошо известен в Бухаресте.

Далее делаю запрос в одесский Литературный музей. Интересуюсь литературным салоном 30-х годов прошлого века в Одессе, членами которого были журналист **Владимир Недзельский**, а также его супруга **Елена Боскович**. Возможно, его посещали Л. Евицкий, Иван Бунин, Алла Разу, Семён Стодульский, Иван Лукаш, Евгений Кискевич, Любовь Столица?

Как назывался это литературный салон? Как долго существовал?

Кто его возглавлял? Сохранились ли какие-то свидетельства о деятельности литсалона в прессе? Располагает ли одесский музей фотографиями этих людей?

Вышеупомянутые господа приехали в Кишинёв из Одессы. Интересно, что побудило их перебраться в Бессарабию?

Увы, Одесса молчит. Но что-то интересное и важное со временем, возможно, всплывёт. Наберёмся терпения, открытия впереди.

ГЛАВА 4.

Итак, мы выяснили, что в «Русском архиве» города Лидс хранятся письма

В. Недзельского и Е. Боскович к Буниным. Теперь осталась самая малость – «выцыганить» из вышеупомянутого английского архива хоть некоторые копии этих писем. Кишинёвский период для четы Недзельских, как оказалось, был более успешным, чем одесский.

Кстати, из документальных материалов, которыми располагаю, так и невозможно ответить на вопрос о причине переезда большей части членов литературного салона из Одессы в Кишинёв. А ведь это была вовсе не обычная смена географического места проживания. На тот момент Одесса пребывала в составе Советского Союза, а Кишинёв принадлежал королевской Румынии. Одесситы радовались жизни в единой социалистической формации, а в Кишинёве русским эмигрантам пришлось окунуться в суровую капиталистическую действительность. Интеллигенция здесь большей частью бедствовала. И так было повсюду, включая вожделенный для многих Париж. Что же всё-таки подвигло русских эмигрантов-литераторов отказаться от советской действительности, ведь они отдавали себе отчёт, что на что меняют? Похоже, участники одесского литсалона, не сумев в полной мере реализовать там свой творческий потенциал, убыли за кордон. Здесь жилось им непросто, но зато была полная свобода самовыражения, что, как мы понимаем, и являлось главным для этих людей. Правда, изучая содержание первого номера журнала, я не обнаружил ни строчки, которая призывала бы к свержению советского строя. Обычные литературные тексты. Увлечённые переустройством мира большевики (в том числе и в Одессе) были заняты более важ-

ными делами, им было не до литературы, не до эстетических запросов бывших привилегированных. Так что вряд ли стоило опасаться закрытия салона.

Во всяком случае, понятно, в какой исторический отрезок времени выпало жить русским эмигрантам, когда появился в Кишинёве «Золотой Петушок». Из текстов первого номера журнала ещё никак не проглядывает грозная предвоенная пора. А ведь это была середина 30-х, Гитлер пришёл к власти в Германии, и в Европе уже пахло порохом. На фоне подготовки фашистов к началу кровопролитной войны русские эмигранты Бессарабии решились на издание светского литературного журнала. Надо признать: время для художественного альманаха не самое удачное. Можно подумать, что большая литература и большая политика совсем не пересекались...

Особый интерес в таком случае вызывает переписка Ивана Бунина с четой Недзельских – Владимиром Осиповичем и Еленой Боскович!

В начале лета 2012-го отправляю своё электронное письмо в Англию, в архивный фонд Ивана Бунина в городе Лидсе. Вот главный фрагмент из него:

«Уважаемый господин Дэвис, умоляю, если есть возможность, выберите из писем указанных личностей те, что касаются кишинёвского периода, когда Игорь Северянин, Владимир Недзельский, Семён Стодольский, Леонид Евицкий, затеяли проект по изданию «Золотого Петушка». Не откажите в горячей просьбе!».

Проходит какое-то время, и Ричард Дэвис откликается четырьмя файлами с оригиналами писем Елены Боскович Буниным. В письме от 23.10.1937 года читаю такие строки:

*«Дорогие Вера Николаевна и Иван Алексеевич!
Четыре года прошло с той поры, как выслала Вам
несколько писем и два номера «Золотого Петушка»
(третьего номера не было)...»*

Слова, написанные рукой Е. Боскович в круглых скобках, просто огородили автора этих строк. Загадок у «Золотого Петушка» достаёт, теперь вот добавилась ещё одна. Оказывается, третьего номера не было. Но был сдвоенный второй, в предисловии которого выпускающие, скорее всего, предупредили читателя, что на этот раз представлены материалы двух номеров. Вот это и создаёт путаницу.

Иван Бунин

ГЛАВА 5.

Надо признать, «Золотой Петушок» создавался на имени нобелевского лауреата знаменитого писателя Ивана Бунина. Необходимость русских эмигрантов как-то себя обозначить, где бы они ни жили, это также немаловажное обстоятельство, но Бунин и всё, что было связано с этим именем в ту пору, было главенствующим. Нам трудно понять и судить, почему писатель не остался в революционной России, ведь многие деятели культуры прижились в новом времени...

Коль был он, так или иначе, причастен к истории литературы нашего города, как не поразмышлять об этой особой величине в русской литературе.

Бунин считал себя больше поэтом, нежели прозаиком и это было его нечасто выставляемой правдой. Мы не знаем, какие обстоятельства жизни отвернули его от поэзии и сделали прозаиком, но в беседах с близкими, он неоднократно просил считать себя именно поэтом. И, тем более это странно, ведь за его плечами уже было немало признанных мировым сообществом прозаических текстов. Критик Б. Нарциссов описывает свой разговор с Буниным в 1938 году: «На мой первый вопрос: *«Кем Вы себя считаете: прозаиком или поэтом?»* ответ был *«Поэтом»*. И это после присуждения премии за прозу!»

Находились критики, которые «клевали» Бунина за якобы несовершенные поэтические строки. Но большинство литературоведов были единодушны: признание его огромного таланта, значительности его вклада и заслуг в развитие русской прозы и поэзии не требует доказательств.

Едва ли не правдивее всех в оценке личности писателя Константин Паустовский, утверждавший в своей «Золотой розе»: «Бунин прожил сложную, иногда противоречивую жизнь. Он много видел, знал, много любил и ненавидел, много трудился, не раз ошибался, но всю жизнь величайшей, нежнейшей неизменной его любовью была родная страна, Россия».

Классовый характер подхода к осмыслению творчества Бунина выразил Александр Твардовский:

*«Эмиграция стала поистине трагическим рубежом в биографии Бунина. За этим рубежом произошла не только довременная и неизбежная убыль его творческой силы, но и само его литературное имя понесло известный моральный ущерб и подёрнулось ряской забвения, хотя жил он ещё долго и писал много».*⁵

По просьбе почитателей его таланта Иван Алексеевич в 1952 году написал воспоминания «От автора», в котором лаконично пересказал основные вехи своего творческого пути. В этом крохотном автобиографическом документе, конечно, не могли найти отражение мелкие подробности. Естественно, в нём ни словом писатель не обмолвился о «Золотом Петушке». Только вот такие слова, соответствующие этому периоду его жизни: *«В эмиграции мною написано десять новых книг»*.

ГЛАВА 6.

Благодаря значимости имени Северянина, по просьбе малоизвестных в Европе кишинёвских журналистов В. Недзельского и Л. Евицкого, свои произведения прислали многие именитые русские писатели. Просматривая письма той поры, я не раз убеждался, как трудно было авторам доверить свои произведения какому-то новому неизвестному журналу. Авторитет Северянина, его заверения, что всё получится, повернули ситуацию в лучшую сторону. Но прежде всё-таки завязывалась интенсивная переписка. Порою, авторы были более чем дотошны, но в итоге проект отстояли, и литераторы стали присылать в «Золотой Петушок» свои рукописи.

Кстати, не мешает напомнить, что не всё так безоблачно складывалось у Игоря Северянина в его прежние годы пребывания за границей. В Кишинёв поэт приехал с ещё не зажившей раной, нанесённой ему, и кем – дамой! Дарование его,

⁵ – Вступительная статья А. Т. Твардовского. // И. А. Бунин. Собрание сочинений. / Под ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М., «Художественная литература», 1965 г. С. 7.

подверглось осмеянию, намеренному и злому. Так, в 1925 году в Праге Зинаида Гиппиус издала книгу воспоминаний «Живые лица». В ней она карикатурно, с сарказмом изображает Игоря Северянина. Прочтём же эти строки и комментарий к ним литературоведа М. Шаповалова,⁶ которые многое объясняют, отчего и за границей Северянину непросто было утверждаться как поэту.

«Воспоминания дают богатый материал к характеристике самой Гиппиус. Живыми выходят у неё лица, к которым она, так или иначе, благоволит: Блок, Розанов, Сологуб с Чеботаревской. Те же, кто Гиппиус не по нраву, выходят из-под её пера карикатурами.

Она пишет: *«У очень многих людей есть «обезьяны»... Не грубая схожесть. На больших глубинах ее истоки... Брюсовская обезьяна народилась в виде Игоря Северянина... Черт даже перестарался, слишком их сблизил, слишком похоже вылепил обличительную фигурку. Сделал ее тоже «поэтом»... Что у Брюсова запрятано, умно и тщательно заперто за семью замками, то Игорь Северянин во все стороны как раз и расшлёпывает... Главное же, центральное брюсовское, страсть, душу его сжигавшую, Игорь Северянин не преминул вынести на свет Божий и определить так наивно-точно, что лучше и выдумать нельзя.*

Я гений Игорь Северянин,
Своей победой упоён:
Я повсеместно оэкранен,
Я повсесердно утверждён...

Брюсовское «воздыхание» всей жизни преломилось в игоревское «достижение»... Для «упоённого своей победой» нет разницы, победой воображаемой или действительной он упоён».

И так далее, и тому подобное. Написано талантливо, зло и совершенно несправедливо. Ярлык «Северянин – брюсовская обезьяна» не имеет под собой реальной основы. Во-первых, различны масштабы дарований обоих поэтов, их значимость в литературе.

Во-вторых, далеки друг от друга их авторские устремления. Это очевидно. Параллель Гиппиус насильственная, цель ее – очернить и Брюсова, и Северянина.

Брюсов нетерпим Зинаидой Гиппиус, потому что принял революцию, работал с большевиками, он – «красный». Северянин, если и не «красный», то «розовый»: он высмеял в стихах А. Ф. Керенского, с которым Гиппиус и Д. Мережковский были близки, выступил вместе с Маяковским и А. Н. Толстым в Берлине на советском вечере. Если учесть, что в среде парижских литераторов Зинаида Гиппиус играла роль арбитра художественного вкуса, становится понятным замалчивание книг Игоря Северянина эмигрантской критикой.

Чтобы утвердиться на парижском Олимпе русских писателей-эмигрантов, нужно было понравиться критикам, их оценки имели важнейшее значение. За игнорированием книг поэта стояли не только финансовый недостаток, но и крах судьбы на чужбине, вдали от родины.

Но Гиппиус просчиталась. Строки о своём божественном даровании поэт писал, безусловно, смеясь над самим собой, тонко подтрунивал он и над теми, кто,

⁶ Шаповалов М. А. Король поэтов: Игорь Северянин. www.booksite.ru/fulltext/sap/4.htm

обезумев (особенно поклонницы), боготворил каждую его строку, порой не особенно вникая в суть, не осмысливая её критически. Это и отразил Игорь Северянин в злосчастном четверостишии. Дальнейший творческий путь, вышедшие из-под его пера произведения полны настоящей сердечной поэзии, в которой уже не так просто разглядеть прежнего лёгкого и летящего Игоря Северянина. Ещё, быть может, по этой причине поэт так рьяно взялся за реализацию литературного проекта бессарабских журналистов, понимая, что таким образом как бы ответит на недобрый выпад Гиппиус.

Почему Игорь Северянин в поисках средств для своей семьи решил на поездку именно в Кишинёв, неизвестно. Возможно, потому что природа поэта, хоть и согласует себя с основными законами социума, но по сути своей парадоксальна, порой хаотична. Вот, что пишет всё тот же М. Шаповалов:

«С целью заработков решили побывать в Бессарабии. Новый 1933 год не принес ничего утешительного. «Адриатика» перестала расходоваться. Денег не было. Долги всё росли. Питались одной картошкой с солёной салакой, запивая кипятком. Часто сидели без хлеба. Вдобавок к обоим стали приставать болезни на почве недоедания и дурных предчувствий. И всё же: «Смелым Бог владеет!» С большим трудом набрали в Таллине в долг денег на дорогу и покинули Тойла первого марта. В Кишиневе шел дождь со снегом, свирепствовал грипп. В большом зале городского управления Игорь Северянин выступил с концертом. «Вечер начался вступительным словом Юрия Калугина, вкратце охарактеризовавшего творчество Игоря Северянина и приветствовавшего его от имени Союза бессарабских журналистов-профессионалов... Поэт читал новые стихи, главным образом из последнего сборника «Классические розы»... В конце по просьбе публики Северянин прочитал несколько старых своих поэм из «Громокипящего кубка» и «Златолыры» («Бессарабское слово» от 20.03.1933).

Хороший прием при полном зале заставил Северянина сделать продолжительную остановку в Кишиневе и выступить еще дважды: в театре «Экспресс» и вновь в зале городского управления. Некоторый доход приносила продажа книг перед выступлениями и через дам-благотворительниц. В поздравительной открытке сыну Игорь Северянин писал: «Христос Воскресе! Тебя, бабушку, тетю, Элли и Нору поздравляем с Праздником Святой Пасхи. 75 книжек получили и письмо. Спасибо. Теперь пришлите по тому же адресу «Колокола собора чувств» и «Роса оранжевого часа». Лежат в кабинете на полке, заклеенные в бумагу, готовые для отправки...» (15 апреля 1933 года, Кишинев).

Увы, бумажник, полный банкнотами, – не стал достоянием поэта. Цены на билеты были низкие, часть заработка ушла на поездки в Бухарест и Аккерман. Перспективы оставались смутными. В Кишинев вторично приехали 5 января 1934 года. Большие надежды возлагал Северянин на только что выпущенный на деньги Л.Г. Евицкого журнал «Золотой Петушок», в издании которого он принял активное участие вместе с литератором Семёном Стодольским. По просьбе Северянина в журнал прислали свои произведения Константин Бальмонт, Иван Лукаш, Алексей Ремизов. Однако журнал прогорел. Издатель не смог даже расчитаться с авторами.

Среди причин, по которым «Золотому Петушку» не удалось «взлететь» на должную высоту (вышли № 1 и № 2-3), главная та, что он не смог конкурировать с лучшими эмигрантскими журналами Парижа. Да и время не способствовало распространению нового издания».

Шаповалов или не знает (т.к. не держал в руках первый номер «Золотого Петушка»), или намеренно ограничивает число авторов, приславших в журнал свои сочинения. Их было, как нам уже известно, на порядок больше.

Но вернёмся к переписке Недзельских – Владимира Осиповича и Елены Боскович с четой Буниных. *Стилистика и грамматика писем сохранены.*

“Strada Bratianu, 56^a. 21 ноября 1933 г.

Дорогие лауреаты!

Бог видит, как мы рады за Вас, как счастливы и горды!

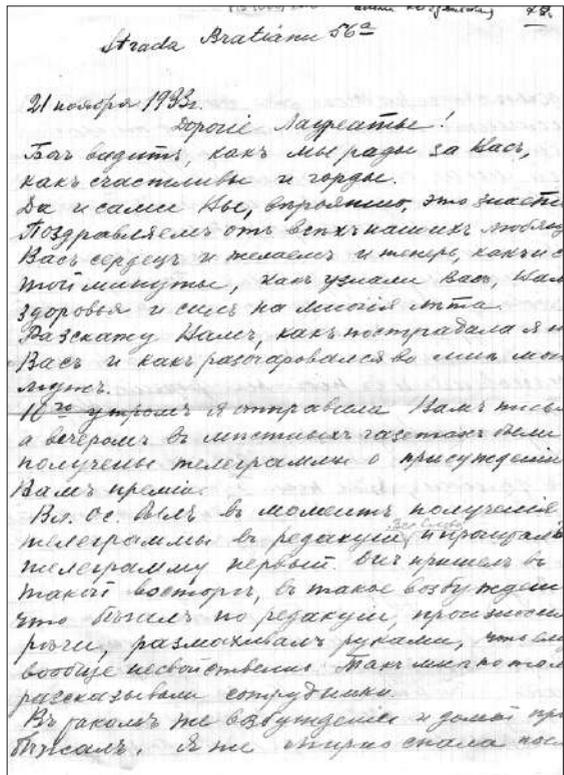
Да и сами Вы, вероятно, это знаете. Поздравляем от всех наших любящих Вас сердец и желаем и теперь, как и с той минуты, как узнали Вас, Вам здоровья и сил на многие лета. Расскажу Вам, как пострадала я из-за Вас, как разочаровался во мне мой муж. 10-го утром отправила Вам письмо, а вечером во множестве газет были получены телеграммы о присуждении Вам премии.

Владимир Осипович был в момент получения телеграммы в редакции «Бессарабское Слово» и прочитал телеграмму первый. Он пришёл в такой восторг, в такое возбуждение, что бегал по редакции, произносил речи, размахивал руками, что ему вообще не свойственно. Так потом рассказывали сотрудники.

В таком возбуждении и домой примчался. Я же мирно спала после своего рабочего дня и в первый момент ничего не поняла, а только испугалась его волнения (хорошими вестями мы не очень избалованы).

Нужно было два, три мгновения, чтобы испуг сменился радостью. Но за эти несколько мгновений он во мне разочаровался. Потому что человеку свойственно желать и требовать, чтобы другой его восторг и волнение принял тоже точно и в те же мгновения и в той же форме. А, если это не так, то он не меньше, как дурак и подлец. Он сказал мне с горечью: «Я думал, что ты Бунина больше любишь и что вообще способна понять, что значит присуждение премии для всех нас». Видите – дурак и подлец. Но я думаю, и не без основания, что глупым в тот момент выглядел он.

Вчера союз журналистов устроил чествование Бунина и Владимир Осипович читал доклад о творчестве Ивана Алексеевича. Не боясь быть нескромной

должна сказать, что прочёл Владимир Осипович превосходно и чудесно прочёл многие стихотворения, так, что заткнул за пояс актёров, выступавших после него. Ваши стихи не для актёрского чтения. Вечер был очень удачный.

Все эти дни, многие знающие о нашем знакомстве с Вами поздравляют нас, как обыкновенно поздравляют родственников с именинником. Мы радостно принимаем поздравления и сами выглядим именинниками.

Но я знаю, что шапка Мономаха тяжела и всё думаю о том, как устали Вы в эти дни суеты и общего желания выразить Вам свои чувства, как трудно засыпать по ночам и молюсь перед сном о ниспослании Вам сна, укрепляющего и покойного.

Пожалуйста, передайте Галине Николаевне наш привет, её рассказ нам очень понравился, мы её, конечно, давно знаем.

Чудесную статью написал в «Возрождение» о нас Зайцев и очень я благодарна, что рассказал о жизни в Грассе. Читала, признаюсь, без чувства зависти, вспоминая те счастливые дни, когда мы были с Вами. Представляю себе, как счастлива и горда Вера Николаевна.

Ваши портреты всегда у нас перед глазами. Портрет в шлеме доставлял особенное удовольствие, особенно обрадовал. Ведь 13-ый год – год нашего знакомства.

Вера Николаевна, милая! Когда немножко успокоитесь и удосужитесь написать пусть два слова (знаю, что многим и многим отвечать надо) – очень обрадуете.

Да хранит Вас Христос на нашу общую радость.

Целую, Елена Недзельская.

P.S. Когда кончала письмо пришёл Леонид Григорьевич Евицкий и просит присоединить поздравления от нашей маленькой редакции “Золотого Петушка” и поблагодарить за присланный рассказ – наш главный козырь первого номера, который посвящен Ивану Алексеевичу».

* * *

«Chsinau, strada Regele Ferdinand I № 109a.

23 октября 1937 года

Дорогие Вера Николаевна и Иван Алексеевич!

Четыре года прошло с той поры, как выслала Вам несколько писем и два номера «Золотого Петушка» (третьего номера не было) и нет от Вас ни звука. Всё, думала я: не нужно их беспокоить, слишком много пережили они радостных волнений, утомление было огромное, пусть отдохнут, наладят жизнь снова.

Мы очень виноваты перед Вами – поручились за нашего издателя, и Вы прислали рассказ и не свой только, а и Галины Николаевны Кузнецовой⁷, а издатель своих обязательств не выполнил. Мы здесь все пострадали – он не только не оплатил никому, но ещё и не вернул взятые для снимка Ваш портрет в шляпе и офорт, мне подаренный художником. Мерзавец – простить этого ему не могу. Теперь ещё выяснилось, что он и Александру Митрофановичу ни одного номера не дал.

⁷ Поэтесса Галина Кузнецова, много лет жила в доме Буниных, автор воспоминаний «Грасский дневник».

Она писала, что не любит и не читает современных писателей. И вот Серёжа, уезжая с женой в Италию, выпросил у меня «Розу Иерихона», чтобы познакомиться grand tante с нынешним, нами самым любимым писателем.¹⁰ Я дала книгу очень неохотно, не смогла Серёже отказать, да к тому же он обещался купить мне другой экземпляр и вернуть (в продаже не оказалось). Теперь баронесса Татьяна Юрьевна пишет, что столько читала Бунина, особенно в бессонные ночи, что многое знает наизусть и читает себе вслух, чтобы не забыть русский язык. «Почти каждую ночь читаю вслух Бунина, а потом Евангелие». Теперь я не жалею, что отдала мою любимую книгу. Могу достать здесь. Старуха живёт совершенно одна со старой служанкой. В Одерцо ни одного русского.

Продолжаю о своих.

Серёжа с женой в деревне занимаются хозяйством (имение на Днепре, я там недавно гостила и часто гощу, но привыкнуть к местоположению не могу. Волнуюсь.) Они разводят породистых свиней. Ездил знакомиться с постановкой дела на месте в образцовых хозяйствах – увлечение свиньями огромное.

Иришка окончила гимназию и рисовальную школу, училась у очень хорошего преподавателя. Талантлива не по нашим средствам и возможностям. Ей нужно на большой простор. Работать и работать. Иришкины способности самое моё большое место. Серёжа пока ещё настолько в начале благополучия, что вытаскивать её не может. Надеюсь, что судьба, случай, Господь Бог помогут ей выйти на дорогу. Сама она с характером, может быть пробьётся. Она довольно крупная, но меньше меня, бывает и очень хорошенькой и совсем некрасивой, улыбка и зубы у нея только всегда хороши. Вообще же успех имеет. Если б не девичий стыд, я бы сказала, что всех моих детей, Серёжу, Наталью, Иришку и Лизу, я бы Вам показала с наслаждением и гордостью, и даже не боялась бы, что Вы вспомните о кукушке из басни.

Теперь я сама. Еще видна в моём лице прежняя Елена Недзельская, черты те же, профиль прежний, морщин почти нет, овал лица прямо-таки превосходный, но уже вижу в зеркале мгновениями, но до жути определённо ту старуху, какой я буду через 10-12 лет. Где-то старость порхает, порхает, да и выглянет. Досадно, огорчает, хоть и знаю, и смиренно помню, что «бремя и сна приходит час определённый».

Я уже четырёхлетняя бабушка, а между тем, еще совсем недавно вела меня моя бабушка, держа за руку, пробираясь к выходу из Собора в Одессе, и услышала я поразившее мой слух обо мне сказанное слово:

– Дайте дорогу дитяти.

Было у меня в эти годы два желания, помимо нашего общего, сама выбираю: увидеть море и Вас.

Два года назад, привёл Бог, смогла поехать к морю. Может быть, пойдёт ещё и вторую радость. Часто снится, что издали Вы с Верой Николаевной не узнаете моего голоса, я подхожу, Вы и меня не узнаете. Просыпаюсь в слезах. Ваши голоса узнала бы среди тысячи.

Если б рассказала Вам, сколько вспоминаем вольно или невольно и, как часто думаю о Вас, как часто думаю о Вас – Вы не поверили бы.

Но мысли мои полны щемящей боли. И из-за общего нашего горя, от всего моего и о Вас. Гордости, восторга и печали.

¹⁰ Речь идёт о романе Ивана Бунина.

Увидеться с Вами! Это так страшно, это такое потрясение!

От того и написать после долгого перерыва так трудно, много и долго собиралась. Я всё боюсь мысли увидеть Вас на экране или услышать голос по радио. Ведь не побежишь, не догонишь, не крикнешь. Мелькнёт, прозвучит, ужасное волнение.

По-прежнему и еще больше люблю Вас восторженно и благоволю. И люблю радуюсь, когда читаю, что Вы вернулись из Швейцарии, или находитесь в Югославии. Какое счастье, что Вы имеете возможность путешествовать, видеть новые места, которые одни только могут отвлекать от своих сокровенных мыслей.

Никакая мудрость, никакая слава или любимая внучка от себя не уведут, а новые места уводят.

Вера Николаевна, дорогая и милая! Обращаюсь к Вам еще и отдельно с прелевеликой просьбой откликнуться на моё письмо. Перечитывала вчера Ваши письма. Вы как-то удивительно умеете уничтожить расстояние и время. Я почувствовала Вас близко и до тоски захотела поговорить с Вами. Скажите, Муромцев, который в Париже – Ваш брат? И ещё о Муромцевой где-то упоминалось. Кто это?

Перечла письмо. Многое как будто ни с того, ни с сего. Как будто. И прохвасталась не в меру. Конечно, мои дети, как и все люди, бывают повёрнуты и другими сторонами. Но сегодня повернулись так, что я счастлива ими. Расхвасталась и правнучкой Грузинской Царевны. А, между тем, эта праправнучка грузинской царевны, заигравшись, до сих пор «делишки в штанишки» делает и бывает упрямой, как два ослёнка. И у детей моих много недостатков. Но сегодня, когда пишу, помню главное, общее. А помня общее, благодарю Творца, и похвастаюсь не в меру. Примите, как должно. Обнимаю Вас обоих от всего сердца. Поверьте, что оно умеет любить. Мои все глубоко чтут Ивана Алексеевича и помнят и любят Веру Николаевну.

Жду ответа. Елена Недзельская.

Как низко кланяется Вам Владимир Осипович, и говорить нечего».

Виктория и Людмила не раз говорили мне, что старшую дочь «Графа» звали Катей. Вдруг неожиданно обнаруживаю упоминание о некоей Екатерине Недзельской на страницах местной прессы (статья Карины Бушилэ «Компьютер или книга? Что выбирает современный школьник?», газета «Столица», 18.04.2012).

Она директор библиотеки имени Адама Мицкевича. И подумалось тогда мне, что это та самая дочь, которая так неосторожно распорядилась семейными реликвиями, теперь работает библиотекарем. Решил немедленно посетить госпожу Недзельскую и задать ей несколько вопросов.

В какой-то день мая, в самый ливень, побрёл в польскую библиотеку на Телецентре, где директором служит Екатерина Недзельская. И случилось неожиданное: глядя на фото Графа, она говорит мне: «Я не знаю этого человека!». Я не ожидал такого поворота событий, ведь в 1996 году с её младшей сестрой Ксенией я беседовал! Концы с концами у меня не сходились.

Екатерина заявила, что понятия не имеет, кто такой Сергей Недзельский, не слышала ни о Владимире Осиповиче, ни о Елене Боскович. Рассказала, что её предки бежали из Западной Польши в южные края – сначала Малороссию, а позже, в поисках лучшей доли, попали в Бессарабию. Её дед и отец были потомственными железнодорожниками. ...В общем, думал тогда я, «выстрел в моло-

ко», как сказали бы спортивные стрелки. Кстати, Екатерина сообщила, что в Кишинёве проживают три семьи с такой фамилией, одна из Недзельских Людмила, руководит гостиницей «Турист» на проспекте Ренаштерий. Я не пошел тогда к той Недзельской, т.к. посчитал это дело лишним, ведь меня интересовала именно Екатерина. А оказывается, старшую дочь Графа звали не Екатериной, а Елизаветой. И только по прочтении писем Елены Боскович-Недзельской всё встало на свои места.

Увы, директор библиотеки им. Леха Качиньского – Екатерина Недзельская и Людмила Гурьевна Недзельская, бывший директор гостиницы «Турист», оказались «не те». Где ныне третья семья Недзельских, проживает ли до сих пор в столице Молдовы? Этот вопрос остался открытым.

Мне никак не удаётся обнаружить биографию сотрудников редакции «Золотого Петушка» – Владимира Недзельского, Елены Недзельской-Боскович, Леонида Евицкого, а также Семёна Стодильского. Нет фотографий.

ГЛАВА 7.

Поиск продолжается. Имя Михаила Хазина уже встречалось на страницах очерка. Проживая прежде в Молдавской ССР (ныне он живёт за рубежом), известный писатель в своём творчестве не раз возвращался к имени Пушкина в пору пребывания поэта в Бессарабии. Ему-то летом 2012 года решаюсь отправить коротенькое электронное письмо, вот фрагмент из него:

«В своей книге «Твоей молвой наполнен сей предел...» на страницах 237-251 Вы предоставляете слово Семёну Стодильскому. Даже в Интернете не могу найти его биографии и портрета, чем он занимался в те годы, когда готовился к выпуску «Золотой Петушок»? В главе «Скиталец тот, кто всех светлей...» Вы пишете, что Стодильский заходил к Вам в редакцию. Может, Вы случайно сфотографировались с ним? Если такой снимок у Вас есть, был бы рад его получить. Может, Вы располагаете биографиями Елены Боскович-Недзельской, Леонида Евицкого, Евгения Кискевича, Аллы Разу и их фотографиями? Буду искренне признателен за помощь». К сожалению, ответа не последовало.

До сих пор неясно, кого опубликовали в следующем сдвоенном номере. Можно предположить, что это были А. Ремизов, В. Ходасевич, а также румынские писатели J. Minoulesco и C. Petresco, о чем сообщает Олег Коростелёв, сотрудник парижского литературного фонда русской эмиграции.

Итак, мы получаем ещё одну загадку редкого литературного издания Молдовы. Из парижско-кишинёвской переписки Бунина с редакторами «Золотого Петушка» В. Недзельским и Л. Евицким это не проясняется. В известных нам письмах другие авторы не упоминаются. Безусловно, с ними велась интенсивная переписка, но эти документальные свидетельства духовной жизни писателей-эмигрантов русского Серебряного века в Бессарабии сгнили во времени.

Большая культура не делает отсылок на национальную принадлежность, в «Золотом Петушке» опубликовались как русские корифеи, так и бессарабские авторы (Ф. Инкулец, Ала Разу), нашлось место на страницах литературного альманаха и для румынских литераторов. Свой рассказ «Третий класс» предоставил для печати Иван Бунин, Константин Бальмонт выступил со стихотворением «Дух

жизни», Игорь Северянин посвятил стихотворение нобелевскому лауреату – «Бунин», Иван Лукаш прислал рассказ «Отец».

В числе авторов значится румынский писатель Ион-Александру Братеску Войнешть. Как свидетельствует краткая биография в Википедии, он писал в основном для детей. Однако в «Золотом Петушке» выступил с рассказом «Соловей» в переводе Марии Шмидт. (К слову, кем была Мария Шмидт – профессиональным переводчиком или любителем-полиглотом, выяснить не удалось). Качество рассказа, стиль свидетельствуют о том, что автор был мастером слова. Редакция посчитала возможным опубликовать стихотворение и Дмитрия Ангела «Волшебный стакан» («На дне стакана с чаем следя игру огней...»), хотя автор ушел из жизни ещё в 1914 году.

Стихотворением «*Как хорошо, когда окно раскрыто!*...» представила своё творчество Алла Разу. Фамилия эта однозначно румынская, автор, скорее всего, из Бессарабии. Стихотворение подкупает своей пронзительностью и ощущением этого самого открытого окна. И ты всем существом ощущаешь простор, воздух и свежесть там, за распахнутым окном.

К слову, Владимир Недзельский в первом номере журнала выступил как критик с аналитической статьёй «Театр и искусство в Кишинёве». Елена Боскович обнародовала заметки «Из воспоминаний». Попал в «Золотой Петушок» и рассказ Галины Кузнецовой «Городок», предложенный Буниным.

Обложка оформлена по рисунку Е. Ивановской. К очерку Ф. Инкулеца предлагался офорт Ш. Когана. Используются иллюстрации и других художников – Н. Брагалия, С. Мануилова, М. Старчевской. Тираж не указывался. Стоил «Золотой Петушок» 22 тогдашних румынских лея.

Владимир Осипович Недзельский был не только журналистом, но и писателем (о чём мы узнаём из письма его супруги): за 12 лет он опубликовал в Бессарабии пять романов, и это помимо обширной общественной деятельности! Однако в Национальной библиотеке, к сожалению, нет этих произведений, как меня заверили в отделе редкой книги.

Меньше всего известно о Леониде Евицком, однако опубликованное в первом номере «Золотого Петушка» его стихотворение «*Отчего Вы, милая, ничего не пишете?*...» свидетельствует: он был отнюдь не лишён поэтического мастерства. Самой загадочной персоной остаётся Семён Стодильский. Кем же он на самом деле был, какое место занимал в общественной жизни русских эмигрантов Бессарабии? Его имя проскользнуло и в монографии церковного толка, где Стодильский упомянут, как... **член общественного совета борьбы за чистоту применения русского языка в Бессарабии.**

В очередной раз перечитывая послания из Франции и Англии, в одном из писем от Коростелёва обнаруживаю ранее пропущенную деталь. И срочно шлю письмо в Париж.

«Уважаемый господин Коростелёв, в одном из своих писем Вы упоминаете ряд авторов, среди которых оказываются те, кто не публиковался в первом номере журнала – Ремизов, Ходасевич, С. Petrescu и другие. Похоже, у вас есть список авторов и их произведений, опубликованных в следующем сдвоенном номере “Золотого Петушка”, а, возможно, и сами эти номера.

Убедительно прошу прислать мне информацию на сей счет. Буду крайне признателен. Кишинёв, 8 августа 2012 г.»

Поиск действующих лиц очерка расширю просмотром «Энциклопедии Либрусека» – Литературного Зарубежья России. Первая волна эмиграции» (основатель сайта Константин Душенко). Нахожу однофамильцев Зайцевых. Критическая заметка К. Зайцева о творчестве Ивана Лукаша приведена в очерке под названием «Пожар Москвы» Ив. Лукаша».

«Энциклопедия Либрусека» указывает нам на основные моменты деятельности Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972), прозаик, публицист, переводчик, литературовед, драматург, мемуарист. Есть в списке и Ремизов Алексей Михайлович [псевд.: Василий Куковников, Семён Судак и др.] (1877–1957), прозаик, драматург, литературный критик, публицист, переводчик, мемуарист. Упомянута Екатерина Леонидовна Таубер (1903–1987) – поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, мемуаристка. Список впечатляет, но он, конечно, далеко не полон: первая волна русской эмиграции вынесла за кордон 4 миллиона самых образованных россиян, по существу, – цвет нации. Немногие из них решились вернуться на родину. Уже в СССР одни сгинули в кошмарном 37-м, другие – во время Великой Отечественной, редко кому удалось дожить до преклонных лет.

(Окончание в следующем номере)

Александр ОГУШЕВИЧ – литератор, энтузиаст. Родился в 1956 году. Печатался в республиканских газетах «Независимая Молдова», «Деловая газета», «Столица», «Молодёжь Молдовы», «Кишинёвский обозреватель»; журналах: «Колумна», «Молдова и мир», «Русский альбом» и др. Автор книг «*Insomnia înviogării*» («Бессонница бодрствования») (лирика), «Ни больше и ни меньше об одной жизни» (проза), «*Homo, fuge!*» («Человек, беги в мои объятия!») (пьесы в стихах, изданные на грант фонда SOROS-Moldova). Руководитель литературно-художественного клуба «Caritas» («Милосердие»), председатель Творческого объединения «Колорит». Умер от рака горла 27 октября 2012 года.

Журнал «Русское поле» продолжает знакомить читателей с Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Насколько успешно она реализуется?

На вопросы корреспондента «РП» отвечает представитель Федеральной миграционной службы России в Республике Молдова Тамара РОЩИНА.

– Тамара Георгиевна, наши сограждане, как известно, проявляют немалый интерес к российской Госпрограмме по переселению. И, конечно же, потенциальные переселенцы хотели бы знать не только основные её положения, но и важные детали. Претерпевает ли она изменения, расширяется ли география?

– И это желание вполне понятно. Что и говорить, переезд в другую страну на постоянное место жительства – кардинальный поворот в судьбе человека или целой семьи. Это очень серьёзное и важное решение. Мы готовы оказать любую помощь.

В настоящее время в реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, принимают участие 59 регионов России. Недавно в неё включились Ленинградская область и Удмуртская Республика.

В ближайшее время ещё ряд регионов должны представить проекты своих программ переселения.

Что особенно выигранно и выгодно для людей, решившихся на переезд в Россию, на перемену постоянного места жительства? Участникам программы переселения и членам их семей компенсируются расходы на переезд к будущему месту проживания, провоз багажа, оформление правового статуса в России, выплачиваются подъёмные пособия. Переселенцы освобождаются от уплаты таможенных платежей при ввозе в Россию личного имущества, в том числе одного автомобиля на семью.

Что ещё чрезвычайно важно – участники Государственной программы переселения, а также члены их семьи, имеют право на получение гражданства Российской Федерации в упрощённом порядке.

Во многих региональных программах переселения предусмотрены дополнительные меры социальной поддержки соотечественников: в отдельных регионах компенсируют часть стоимости аренды жилья, прохождение медицинской комиссии, признания в Российской Федерации документов об образовании, выплачивают единовременное денежное пособие, предоставляют другие преференции.

– Любопытно, сколько же граждан Молдовы, воспользовавшись Государственной программой, выехали на постоянное место жительства в Россию?

– За весь период действия Госпрограммы с 2007 года в Российскую Федерацию переехало более 35 тысяч граждан Молдовы. И должна сказать, что интерес к Госпрограмме среди граждан Молдовы, действительно, не ослабевает. Хотелось бы подчеркнуть, что в последние годы динамика переселения существенно возросла, чему способствует непростая социально-экономическая ситуация в Молдове. Только в этом году с заявлениями об участии в Госпрограмме обратилось около 6 тысяч человек (с членами семьи – 15,5 тыс. чел.), выехали на территорию России 4 тысячи человек (с членами семьи – более 11 тыс. чел.).

– Как же приживаются наши соотечественники на исторической родине, остаются ли в выбранных регионах или продолжают переезжать с места на место? Какова статистика?

– Как показала практика, граждане Молдовы достаточно легко адаптируются в российских регионах, находят работу, приобретают жильё. Конечно, нельзя сказать, что все остаются жить в выбранных регионах. Существует множество причин, как социально-экономических, климатических, так и личного характера, по которым люди переезжают в другие области России. С начала реализации Госпрограммы прошло около 10 лет, и отследить все перемещения новых граждан России не представляется возможным. Однако очень многие обращающиеся к нам с заявлением об участии в Госпрограмме в определенные регионы, указывают на наличие родственников, знакомых, друзей, которые ранее, в рамках Госпрограммы, переехали в эти регионы, обустроились и выезжать не планируют.

– Сибирь – символ суровости, трескучих морозов, бескрайних снегов и тайги. Чем, на Ваш взгляд, может быть привлекателен Сибирский федеральный округ для наших южан?

– Не стоит забывать, что Сибирь – огромный географический регион, занимающий 1/3 территории Российской Федерации, с различными климатическими и природными условиями. Здесь сосредоточена основная часть природных ресурсов России, включая полезные ископаемые, водные и рекреационные ресурсы. Сибирь имеет высокий потенциал в топливно-энергетическом комплексе, чёрной и цветной металлургии, пищевой, химической, лесной и деревоперерабатывающей промышленности.

Наконец, в Сибири есть города-миллионники: Новосибирск (третий по численности город России), Омск, Красноярск.

Любой из этих городов можно выбрать для переселения. Новосибирск – крупнейший научный центр. В рамках Госпрограммы можно переселиться в такие крупные города, как Барнаул, Новокузнецк, Кемерово. Здесь каждый может найти применение своим профессиональным навыкам и способностям, получить профессиональное образование. Если у человека востребованная на рынке труда специальность, профессиональное образование, он всегда сможет найти применение своим знаниям, опыту в одном из регионов Сибирского федерального округа.

– Благодарим Вас за беседу, Тамара Георгиевна, за предоставленную важную информацию. И желаем успешной реализации российской программы переселения.

РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ

Официальный сайт: <http://egov-buryatia.ru>

Бурятия отнесена к территориям приоритетного заселения.

В региональную программу Республики Бурятия включены 23 территории вселения – город Улан-Удэ, город Северобайкальск и следующие районы: Баргузинский, Бичурский, Баунтовский, Джидинский, Еравнинский, Заиграевский, Закаменский, Иволгинский, Кабанский, Кижингийский,

Курумканский, Кяхтинский, Муйский, Мухоршибирский, Окинский, Прибайкальский, Северо-Байкальский, Селенгинский, Тарбагатайский, Тункинский, Хоринский.

Республика Бурятия расположена в южной части Восточной Сибири, южнее и восточнее озера Байкал. Столица – город Улан-Удэ. На юге Бурятия граничит с Монгольской Народной Республикой, на юго-западе – с Республикой Тыва, на северо-западе – с Иркутской областью, на востоке – с Читинской областью. От Москвы республика удалена на пять часовых поясов. Расстояние по железной дороге от Улан-Удэ до Москвы – 5519 км, а до Тихого океана – 3500 км.

Бурятия занимает выгодное географическое положение. По её территории проходят две железнодорожные магистрали: Транссибирская и

Байкало-Амурская, соединяющие центральные части России с районами Дальнего Востока и странами Юго-Восточной Азии.

Для территории Республики Бурятия характерен резко континентальный климат с большими годовыми и суточными колебаниями температуры воздуха, с неравномерным распределением атмосферных осадков по сезонам года.

Республика Бурятия богата природными, историческими и архитектурными достопримечательностями. Это горная страна.

Бурятия располагается на берегу священного озера Байкал, объявленного ЮНЕСКО участком мирового природного наследия. Десятки международных экспедиций, работавших на Байкале в последние годы, пришли к единому мнению: он остаётся наиболее чистым и глубоким водоёмом на планете – 22% мировых запасов пресной воды содержится в Байкале. Со всех сторон озеро окружено горами, тайгой из кедра, сосны, лиственницы, берёзы и осины с богатыми ягодниками и многочисленными таёжными обитателями.

Ведущая сфера экономики Республики Бурятия – промышленность. Её основные отрасли – топливно-энергетический комплекс, машиностроение и металлообработка, лесная и деревообрабатывающая промышленность, цветная металлургия, а также пищевая и лёгкая промышленность, производство вертолётов и запасных частей к авиационной технике, золотодобывающая отрасль, производство электрической и тепловой энергии, производство деловой древесины, пиломатериалов, целлюлозы, бумаги, выпуск цемента, строительной извести, сборных железобетонных конструкций, кирпича.

Программа переселения соотечественников в Республику Бурятия предусматривает предоставление медицинской помощи её участникам и членам их семей в медицинских учреждениях республики до оформления гражданства Российской Федерации и получения полиса обязательного медицинского страхования.

Кроме того, участнику Государственной программы и членам его семьи предусмотрены следующие меры социальной поддержки: в области образования – по предоставлению мест в детских дошкольных образовательных учреждениях и оказанию услуг в получении соответствующего уровня образования в учреждениях общего и профессионального образования; в области социального обслуживания – по предоставлению мест в учреждениях социального обслуживания населения и оказанию иных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Бурятия о социальном обслуживании граждан; в области занятости населения – содействие в поиске подходящей работы и трудоустройстве. При необходимости оказываются услуги по профессиональной подготовке, переподготовке, повышению квалификации соотечественников.

Участники Государственной программы вправе зарегистрироваться как субъект малого предпринимательства и организовать свой бизнес. Соотечественникам может быть оказана государственная поддержка в соответствии с Республиканской целевой программой государственной поддержки и развития малого предпринимательства в Республике Бурятия и Подпрограммой «Содействия занятости населения» Государственной программы Республики Бурятия «Экономическое развитие и инновационная экономика».

Жилищное обустройство участников Государственной программы происходит в имеющемся жилом фонде на условиях найма или покупки жилья на вторичном рынке за счёт средств переселенца. В муниципальных образованиях формируется банк данных жилья временного и постоянного проживания на условиях социального найма, постоянно осуществляется мониторинг аренды жилья.

Одной из мер социальной поддержки соотечественников, переселившихся в республику, является выделение земельных участков для индивидуального жилищного строительства.

Участнику Государственной программы, переселяющемуся из-за рубежа, предусмотрена дополнительная финансовая поддержка из республиканского бюджета в виде выплат единовременного «подъёмного пособия» и компенсации расходов по найму жилого помещения. С 2015 года размер единовременного «подъёмного пособия» – 2 тысячи рублей, компенсация расходов по найму жилого помещения составляет 1 тысячу рублей в месяц при продолжительности проживания до 3 месяцев.

Республиканское агентство занятости населения

Адрес: 670049, г. Улан-Удэ, ул. Жердева, д.2а

Телефон: (3012) 41-70-65, 41-70-49

Телефон горячей линии: (3012) 41-70-49

Официальный Интернет-сайт: <http://www.burzan.ru>

Адрес электронной почты: azan@depaz.burnet.ru

Skype: zamagentstval

Управление Федеральной миграционной службы по Республике Бурятия

Адрес: 670009, г. Улан-Удэ, ул. Н. Нищенко, д.19

Телефон: (3012) 55-92-65

Телефон горячей линии: (3012) 21-20-04

Официальный Интернет-сайт: <http://www.ufmsrb.ru>

Адрес электронной почты: info@ufmsrb.ru

Skype: zhamdb

РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ

Официальный сайт: <http://www.r-19.ru>

Территорией вселения является вся территория республики.

Республика Хакасия расположена в юго-западной части Восточной Сибири, в пределах Саяно-Алтайской горной системы. Граничит на севере и востоке – с Красноярским краем; на юге и юго-западе – с Республикой Тыва и Алтайским краем; на западе – с Кемеровской областью. Территория Хакасии охватывает в левобережье реки Енисей Минусинскую котловину, а также обрамляющие ее горные хребты Кузнецкого Алатау и Западного Саяна.

В состав республики входят 5 городских округов (г. Абакан, г. Саяногорск,

г. Черногорск, г. Абаза, г. Сорск), 8 муниципальных районов (Алтайский, Аскизский, Бейский, Богградский, Орджоникидзевский, Таштыпский, Усть-Абаканский, Ширинский).

Столица Хакасии – город Абакан. Расстояние от Абакана до Москвы – 4218 км.

Хакасия развивается в основном за счёт промышленного сектора экономики, главной задачей является развитие производства, поэтому в рамках агломерации сформированы пять производственных кластеров (сконцентрированных на одной территории взаимодополняющих предприятий): строительно-индустриальный, агропромышленный, машиностроительный, топливно-энергетический, транспортно-логистический.

В Республике Хакасия разработаны и реализуются программы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Финансирование по содействию жилищному обустройству программы осуществляется за счёт средств участников программы или работодателей.

На этапе временного размещения в местах вселения будет оказано содействие по аренде жилья на вторичном рынке, предоставлению мест в общежитиях, социальных гостиницах, а также предоставлению служебного жилья работодателем.

В республике действует государственное бюджетное учреждение Республики Хакасия «Социальная гостиница», которая является стационарным учреждением вместимостью до 70 койко-мест, предназначенным для временного проживания граждан сроком до 6 месяцев в году, проживающих на территории Республики Хакасия, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Законом Республики Хакасия от 21.11.2011 № 117-ЗРХ «О мерах социальной поддержки медицинских работников с высшим медицинским образованием и лиц, обучающихся на условиях целевой контрактной подготовки для последующего трудоустройства в государственные и муниципальные учреждения здравоохранения в Республике Хакасия» предусмотрено предоставление денежной компенсации за оплату жилых помещений, используемых на условиях найма (г. Абакан – 10 тыс. рублей в месяц, г. Черногорск, Саяногорск – 6 тыс. рублей, районы, г. Сорск, Абаза – 4 тыс. рублей).

Для высококвалифицированных специалистов, особенно востребованных для работы в государственных учреждениях здравоохранения Республики Хакасия, предоставляется служебное жильё.

Участники Государственной программы имеют возможность приобретения земельных участков под индивидуальное жилищное строительство на территории Республики Хакасия в соответствии с действующим законодательством.

Государственный комитет по занятости населения Республики Хакасия

Адрес: 655017, г. Абакан, ул. Хакасская, д.73а

Телефон: (3902) 22-51-04; 22-31-96

Официальный Интернет-сайт: <http://www.zankhakasia.ru>

Адрес электронной почты: zanpochta@r-19.ru

Управление Федеральной миграционной службы по Республике Хакасия

Адрес: г. Абакан, ул. Вяткина, д. 3, каб. 314

Телефон: (3902) 22-71-34, 22-70-63

Официальный Интернет-сайт: <http://www.fms19.ru>
Адрес электронной почты: mail@fms19.ru, oao-rh-ufms@mail.ru
Skype: orig_fms19

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

Официальный сайт: www.altairegion22.ru

Территорией вселения является вся территория Алтайского края.

Алтайский край расположен на юго-востоке Западной Сибири на пересечении важнейших транспортных магистралей, соединяющих Россию с Монголией и Казахстаном, а также Среднюю Азию с Транссибирской железной дорогой.

Территория края составляет 168 тыс. кв. км, что сопоставимо с размерами среднего европейского государства. Наиболее крупные города: Барнаул, Бийск, Рубцовск.

Административный и культурный центр края – город Барнаул – расположен на берегу реки Обь.

Умеренный континентальный климат в Алтайском крае достаточно мягкий относительно других регионов Сибири. Алтайский край обладает уникальным природным потенциалом, что способствует его превращению в интенсивно формирующийся туристско-рекреационный регион. Алтайские горы входят в число пяти природных объектов мирового наследия ЮНЕСКО в Российской Федерации. Для освоения имеющихся рекреационных ресурсов в крае создана особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь».

Край располагает достаточно мощным промышленным потенциалом – свыше 6 тысяч предприятий. Основные виды промышленной продукции: пищевая, машиностроительная, химическая, фармацевтическая; кокс, цемент и другие строительные материалы, древесина, резиновые и пластмассовые изделия. 70 % территории используется для производства сельскохозяйственной продукции. По площади сельскохозяйственных и пашни регион на первом месте среди субъектов Российской Федерации, что обуславливает его аграрную специфику.

В Алтайском крае сравнительно высокий уровень развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры. В структуру воздушного транспорта входят аэропорты городов Барнаула и Бийска. В Барнауле – международный аэропорт имени Г. Титова, имеющий прямое авиатранспортное сообщение с более чем 20-ю российскими и зарубежными городами.

Кроме того, Алтайский край находится в зоне тяготения важнейшего стратегического проекта корпорации ОАО «Газпром» – создания новой трубопроводной транспортной системы «Алтай» для поставки российского газа из Единой системы газоснабжения России на новые перспективные рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего, Китая.

В крае дефицит квалифицированных кадров по отдельным специальностям и профессиям в строительном комплексе, торговле, обрабатывающем производстве, добыче полезных ископаемых, гостиничном бизнесе, сфере здравоохранения, а также на рынке недвижимости.

В целях повышения доступности жилья в рамках долгосрочной целевой программы «Стимулирование развития жилищного строительства в Алтайском крае»

на 2011–2015 годы оказывается содействие в приобретении жилья и улучшении жилищных условий специалистам, работающим в сельской местности, молодым семьям, молодым педагогам.

Вопросы предоставления участникам программы земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, расположенных на территории Алтайского края, регулируются Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве». Земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, для ведения личного подсобного хозяйства предоставляются гражданам, которые зарегистрированы по месту жительства в сельских поселениях. Максимальный размер общей площади земельных участков, которые могут находиться одновременно на праве собственности и (или) ином праве у граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, устанавливается в размере 0,5 гектара.

Управление Алтайского края по труду и занятости населения

Адрес: 656031, г. Барнаул, проспект Строителей, д. 29а

Телефон: (3852) 36-48-04

Телефон горячей линии: (3852) 55-51-10

Официальный Интернет-сайт: <http://www.trud22.ru>

Адрес электронной почты: trud@depalt.alt.ru

Управление Федеральной миграционной службы по Алтайскому краю

Адрес: 656056, г. Барнаул, ул. М.Горького, д.39

Телефон: (3852) 63-12-84, 63-19-36

Телефон горячей линии: (3852) 66-54-11

Официальный Интернет-сайт: <http://www.fms-altay.ru>

Адрес электронной почты: updmak@rambler.ru

Skype: alt.kray.vorobjbit

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ

Официальный сайт: www.зabayкальскийкрай.рф

Забайкальский край отнесён к территориям приоритетного заселения.

Территорией вселения является весь Забайкальский край.

Территория Забайкальского края составляет 431,9 тыс. кв. км, или 2,5% от территории РФ, и занимает по данному показателю 12-е место в Российской Федерации. Забайкальский край расположен в Восточном Забайкалье на юго-востоке Восточной Сибири. На западе и северо-западе край граничит с Республикой Бурятия и Иркутской областью, на северо-востоке и востоке – с Республикой Саха (Якутия) и Амурской областью. На юге и юго-востоке на протяжении полутора тысяч километров пролегает государственная граница с Монголией и Китаем.

Характерная особенность Забайкальского края – значительное количество солнечных дней в году – 284. Город Чита – один из самых солнечных городов России и по этому показателю близок к южным городам Анапа и Сочи.

Забайкалье значительно удалено от западной части страны, в то же время оно близко расположено к российскому Дальнему Востоку и занимает ключевое положение на пути к Тихому океану и странам Юго-Восточной Азии. Транспортная система Забайкальского края представляет один из значимых транспортных узлов не только Сибирского федерального округа, но и Российской Федерации. По территории проходят Транссибирская и Байкало-Амурская железнодорожные магистрали. Расстояние по железной дороге от Читы до Москвы – 6074 км.

В структуре валового регионального продукта наибольшую долю занимают транспорт и связь (23,6%), промышленность (17,8%), оптово-розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (13,2%), строительство (6,3%), сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (5,5%).

Несмотря на наличие вакансий, край нуждается в кадрах – от высококвалифицированных специалистов и управленцев до работников неквалифицированного труда. Высоким остаётся спрос на квалифицированных рабочих и специалистов промышленных организаций, строительства, транспорта, связи, сельского и лесного хозяйства, сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли, бюджетной сферы.

Медицинским работникам, имеющим высшее или среднее медицинское образование, работающим в сельских населённых пунктах, а также молодым специалистам, работающим и проживающим в сельской местности, предоставляются для индивидуального жилищного строительства однократно в собственность бесплатно земельные участки.

Предусмотрено оказание мер социальной поддержки переселенцам на период до получения гражданства: социальная поддержка семей, имеющих детей (пособие на ребёнка, компенсационные выплаты, оздоровление детей и др.); адресная помощь малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам; предоставление льгот по коммунальным услугам; предоставление субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг. Кроме того, предусмотрено оказание дополнительных мер службы занятости населения переселенцам на период до получения гражданства.

Временное жилищное обустройство участников Государственной программы и членов их семей обеспечивается за счёт собственных средств участников Государственной программы. Для временного размещения имеется возможность использования гостиниц, а также – поднайма жилья у частных лиц. Размер компенсации найма жилья составляет 1 000 рублей в месяц на семью на срок не более шести месяцев.

Министерство труда и социальной защиты Забайкальского края

Адрес: 672000, г. Чита. ул. Курнатовского, д. 7

Телефон/факс: (3022) 35-50-85, 35-42-13, 35-72-26

Официальный Интернет-сайт: <http://www.миноц.зabaykalskiykray.rf>

Адрес электронной почты: pochta@mintrud.e-zab.ru

Управление Федеральной миграционной службы по Забайкальскому краю

Адрес: 672000, г. Чита, ул. Ингодинская, д. 72.

Телефон: (3022) 32-58-89, 35-77-90

Официальный Интернет-сайт: <http://www.ufms.chita.ru>

Адрес электронной почты: chita@ufms.megalink.ru

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ

Официальный сайт: www.krskstate.ru

Территорией вселения является вся территория Красноярского края, за исключением территорий, имеющих в соответствии с действующим законодательством особый статус, а также муниципальных районов: Березовского, Шушенского, Таймырского, Долгано-Ненецкого.

Красноярский край – географический центр России, один из её крупнейших регионов. Его площадь составляет более 2,3 млн. кв. км (около 14% территории и второе место в России), численность населения – более 2,8 млн. человек. Административно-территориальный центр Красноярского края – город Красноярск.

Благодаря богатому ресурсному потенциалу Красноярский край является одним из наиболее индустриально развитых регионов России и устойчиво входит в первую десятку субъектов Российской Федерации по объёму валового регионального продукта. Сегодня он составляет более триллиона рублей.

Высок научный и образовательный потенциал: в Красноярске более 20 высших учебных заведений (включая иногородние филиалы), 23 средних специальных учебных заведения, численность студентов более 135 тысяч человек, 6 институтов в составе Красноярского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. В Красноярске создан Сибирский Федеральный университет.

Система профессионального образования на территории Красноярского края представлена всеми уровнями подготовки: начального, среднего и высшего профессионального образования, а также послевузовского (аспирантура и докторантура) и дополнительного профессионального образования (повышение квалификации и переподготовка рабочих и специалистов).

В системе профессионального образования на территории Красноярского края функционируют 66 учебных заведений начального профобразования, 55 учебных заведений среднего профобразования. Осуществляется подготовка по 214 профессиям и специальностям. По программам начального и среднего профобразования обучаются около 66 тысяч молодых людей. В качестве платных образовательных услуг учреждения начального и среднего профобразования ежегодно осуществляют профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации более 30 тысяч человек из числа взрослого населения.

Жилищное обустройство для соотечественников предполагается в два этапа. На этапе временного размещения на территориях вселения оказывается содействие по аренде жилья на вторичном рынке, предоставлению мест в общежитиях, гостиницах. На этапе постоянного размещения предполагается содействие жилищному обустройству в рамках действующих краевых целевых программ, в частности, содействие обеспечению жильем молодых семей, ветеранов, инвалидов, а также содействие приобретению жилья на вторичном рынке. Также возможно ипотечное кредитование строительства (приобретения) жилья. Соотечественники, поступившие на работу в муниципальные учреждения, приобретают право на получение муниципального служебного жилья; поступившие на работу

в краевые унитарные предприятия и учреждения обретают право на получение жилых служебных помещений специализированного жилищного фонда.

Агентство труда и занятости населения Красноярского края

Адрес: 660021, г. Красноярск, ул. Дубровинского, д.110

Телефон: (391) 221-98-27

Официальный Интернет-сайт: <http://www.rabota-enisey.ru>

Адрес электронной почты: work-azn24@mail.ru

Управление Федеральной миграционной службы по Красноярскому краю

Адрес: 660010, г. Красноярск, ул. Вавилова, д.45а

Телефон: (391) 201-41-71

Официальный Интернет-сайт: <http://www.krasufms.ru>

Адрес электронной почты: sootech24@mail.ru

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: www.irkobl.ru

Иркутская область отнесена к территориям приоритетного заселения.

К территории вселения отнесена вся Иркутская область.

Иркутская область расположена в южной части Восточной Сибири, в бассейнах верхнего течения рек Нижней Тунгуски, Ангары и Лены. На юго-востоке Иркутской области находится озеро Байкал. Иркутская область располагается в самом центре материка и граничит с Республикой Саха (Якутия) на северо-востоке, с Забайкальским краем и Республикой Бурятия – на востоке и юге, с Красноярским краем – на западе, с Республикой Тува – на юго-западе.

Разнообразие климатических условий Иркутской области определяется большой протяженностью территории с севера на юг и с запада на восток и расчлененностью рельефа. Климат в Иркутской области резко-континентальный, с малоснежной зимой и теплыми обильными осадками летом.

Иркутская область – это крупный транспортный узел на Транссибирской железнодорожной магистрали.

Область обладает уникальными туристскими ресурсами. Основным объектом туризма является озеро Байкал – участок всемирного природного наследия ЮНЕСКО, главная ценность которого – естественная природная среда.

Это один из наиболее экономически развитых районов на востоке Российской Федерации. Область называют энергетическим и индустриальным центром Восточной Сибири. Территория Иркутской области располагает богатыми природными ресурсами. Здесь имеются запасы каменного угля, железа, золота, слюды, гранита, соли, нефти и газа. Наличие древесины послужило основой для развития лесопромышленного комплекса. Ведущие виды деятельности – производство и распределение электроэнергии, газа и воды, металлургическое и химическое производство, добыча полезных ископаемых, производство машин и оборудования. На основе гидроэнергоресурсов реки Ангары создан крупнейший и са-

мый эффективный в мире каскад ГЭС (Иркутская, Братская и Усть-Илимская), дающий 5% российских гидроэнергоресурсов. Относительно дешёвая электроэнергия повлияла на структуру промышленности Иркутской области – высокий удельный вес в промышленном производстве приходится на алюминиевую промышленность.

Для трудоустройства участников Государственной программы и членов их семей работодателями территории вселения предлагаются вакансии по востребованным профессиям и специальностям. Наиболее востребованными являются вакансии рабочих строительных профессий (каменщики, бетонщики, плотники, штукатуры, маляры), лесной отрасли (заточники, наладчики и станочники деревообрабатывающих станков). Повышенным спросом у работодателей пользуются рабочие высокой квалификации, а также специалисты, выполняющие комплекс взаимосвязанных работ: универсальные электрики, электрогазосварщики, водители сельскохозяйственной техники. Среди профессий служащих у работодателей преобладает спрос на специалистов высокой квалификации, имеющих опыт работы, Это инженеры, бухгалтеры, врачи. Пользуются спросом также медицинские сёстры, воспитатели детских садов, учителя.

Помимо государственных гарантий и социальной поддержки, предусмотренных Государственной программой, региональная программа переселения устанавливает участникам Государственной программы и членам их семей следующие дополнительные меры: оказание медицинской помощи участникам Государственной программы и членам их семей; предоставление дополнительных мер социальной поддержки (адресная материальная помощь, детские пособия и др.); содействие трудоустройству и занятости; организация подготовки специалистов в сфере здравоохранения, в том числе в государственных образовательных организациях среднего профессионального образования.

Решение вопросов жилищного обустройства участников Государственной программы осуществляется на общих основаниях, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Представители уполномоченного органа, ответственные за реализацию Государственной программы на территории Иркутской области (органы местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области), оказывают содействие в жилищном обустройстве, исходя из финансовых возможностей участника Государственной программы.

Участники Государственной программы и члены их семей могут приобрести жильё за счет собственных средств.

Министерство труда и занятости Иркутской области

Адрес: 664011, Иркутск, ул. Желябова, д.8а

Телефон: (3952) 33-46-51

Телефон горячей линии: (3952) 33-62-39

Официальный Интернет-сайт: www.irkzan.ru

Адрес электронной почты: trudresurs@govirk.ru

Управление Федеральной миграционной службы по Иркутской области

Адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Киевская, д. 1

Телефон: (3952) 21-69-82, 21-22-25

Телефон горячей линии: (3952) 48-45-04

Официальный Интернет-сайт: www.ufms.irkutsk.ru

Адрес электронной почты: bez@ufms.irkutsk.ru

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: www.ako.ru

В Кемеровской области приём соотечественников осуществляется на всей территории области.

Кемеровская область расположена на юго-востоке Западной Сибири и находится почти на равном расстоянии от западных и восточных границ Российской Федерации.

Областной центр – город Кемерово. Наиболее крупные города – Кемерово и Новокузнецк, в каждом из них проживает свыше 500 тысяч человек.

Кемеровская область является крупнейшим производственным комплексом страны, обладает уникальными запасами разнообразных минеральных ресурсов, которые способны обеспечить сырьём промышленность на многие годы – месторождения золота, серебра, вольфрама, ртути, молибдена, кобальта, никеля. В отраслевой структуре экономики региона преобладают отрасли традиционной индустрии: угольная промышленность, черная металлургия, химия.

Главным достоянием региона является Кузнецкий каменноугольный бассейн. К основным приоритетам развития региона относятся следующие отрасли: угольная промышленность, добыча полезных ископаемых, металлургическая промышленность, машиностроение, химическая промышленность, развитие транспортной инфраструктуры, сельское хозяйство и производство продуктов питания. Для временного расселения участников Государственной программы и членов их семей имеется возможность использования гостиниц и найма жилья через агентства недвижимости. Для постоянного жилищного обустройства участникам Государственной программы предлагается принять участие в зависимости от уровня материальной обеспеченности в следующих направлениях жилищного обеспечения – предоставление жилья на условиях найма или покупка жилья.

На рынке труда востребованы специалисты в сфере строительства, медицины, продаж, а также рабочий персонал, профильные технические специалисты.

В Кемеровской области осуществляется поддержка малого бизнеса – это предоставление льготных займов, субсидирование половины страхового взноса по договорам страхования на реализацию инвестиционных проектов. Кроме того, предусмотрен кредитно-гарантийный механизм, который предлагает малому бизнесу кредитные ресурсы при недостаточности залогового обеспечения.

Участникам Государственной программы и членам их семей наравне с гражданами Российской Федерации предоставляются гарантированные образовательные услуги: организация курсов повышения квалификации, подготовки, переподготовки в государственных образовательных учреждениях начального профессионального, среднего профессионального образования Кемеровской области.

В соответствии с условиями региональной программы переселения соотечественники имеют возможность получать весь перечень социальных, образовательных, медицинских и других услуг, оказываемых жителям Кемеровской области в рамках действующего федерального и регионального законодательства.

В рамках региональной программы переселения участникам Государственной программы и членам их семей будут предоставлены дополнительные

гарантии в период до приобретения ими гражданства Российской Федерации, а именно: получение единовременного «подъемного пособия» на обустройство на новом месте жительства; компенсацию расходов по договору найма (аренды) жилого помещения; получение услуг по профессиональному обучению (подготовке, переподготовке, повышению квалификации); содействие нострификации дипломов, аттестатов и других документов об образовании; оказание информационной, юридической и финансовой поддержки при организации собственного дела.

Департамент труда и занятости населения Кемеровской области

Адрес: 650060, г. Кемерово, пр. Ленина, д. 141г

Телефон: (3842) 53-98-33. 58-72-83

Официальный Интернет-сайт: <http://www.ufz-kemerovo.ru>

Адрес электронной почты: stepin@ako.ru

Управление Федеральной миграционной службы по Кемеровской области

Адрес: 650099, г. Кемерово, ул. Ноградская, д. 32

Телефон: (3842) 36-04-69, 36-14-51

Телефон горячей линии: (3842) 36-58-45

Официальный Интернет-сайт: www.ufmsko.ru

Адрес электронной почты: nstepanova@ufmsko.ru

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: www.nso.ru

Региональной программой переселения территорией вселения для соотечественников определена вся Новосибирская область. Новосибирская область расположена в юго-восточной части Западно-Сибирской равнины, главным образом в междуречье Оби и Иртыша. Граничит с Казахстаном, Алтайским краем, Кемеровской, Омской и Томской областями. Главные реки – Обь и Омь. Территория Новосибирской области – 178,2 тыс. кв. км. Протяжённость с запада на восток составляет 600 км, с севера на юг – более 400 км.

В сфере промышленного производства наиболее высокими темпами в Новосибирской области развивается производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, производство прочих неметаллических минеральных продуктов, производство транспортных средств и оборудования. Сегодня промышленность Новосибирской области представлена более чем 700 крупными и средними предприятиями, на которых занято более 180 тысяч человек.

Сельскохозяйственным производством занимаются 493 предприятия. В регионе разработаны и реализуются меры государственной поддержки, направленные на повышение финансовой устойчивости сельхозпроизводителей; техническое переоснащение сельскохозяйственного производства; развитие животноводства и растениеводства.

При государственной поддержке в области реализуются 27 крупных инвестиционных проектов, в т. ч. трёх крупных парковых проектов: Промышленно-

логистического парка, Технопарка Новосибирского Академгородка и Биотехнопарка в наукограде Кольцово.

Наиболее востребованы квалифицированные рабочие в обрабатывающих производствах, строительстве и обслуживании: водители автомобиля, слесари (механосборочных работ, ремонтники, сантехники), операторы (станков с числовым программным управлением, связи, персональных компьютеров и электромашин, автоматических линий), машинисты (бульдозера, различных видов кранов, автовышки, компрессорных установок), плотники, маляры, штукатуры, бетонщики, монтажники, электрогазосварщики, продавцы, повара и другие.

Потребность в специалистах и служащих составляет 27,4% от общего числа вакансий. Среди должностей специалистов и служащих наиболее востребованы специалисты в области здравоохранения (врачи разных специализаций, средний медицинский персонал, фармацевты), инженеры (технологи, программисты, проектировщики, строители), специалисты сферы образования (воспитатель, учитель, преподаватель), менеджеры по различным направлениям (в торговле, рекламе, офис-менеджер), агенты по направлениям (торговый, страховой, рекламный, в сфере недвижимости), средний персонал для финансовой и торговой деятельности (бухгалтер, кассир, экономист).

На территории области реализуются программы по стимулированию развития жилищного строительства и обеспечения жильем молодых семей. Многодетным семьям бесплатно предоставляются земельные участки под индивидуальное строительство.

На территории области действует 38 высших учебных заведений и их филиалов. Общая численность обучающихся студентов – порядка 135 тысяч человек, в т. ч. свыше 4500 иностранных граждан. В образовательных учреждениях высшего профессионального образования реализуются программы послевузовского и дополнительного профессионального образования.

В Новосибирской области продолжает развиваться многоуровневая система отбора и поддержки талантливой молодёжи. Оказывается организационная и финансовая поддержка проведения выездных курсов и летних школ, по итогам которых прошли обучение более 100 соотечественников. Область оказывает государственную поддержку студентам из числа соотечественников, обучающихся в вузах Новосибирской области с оплатой стоимости обучения.

**Министерство труда, занятости и трудовых ресурсов
Новосибирской области**

Адрес: 630004, г. Новосибирск, ул. Ленина, д. 28

Телефон: (383) 334-09-21

Официальный Интернет-сайт: <http://www.mintrud.nso.ru>

Адрес электронной почты: irs@mintrud.nso.ru

Управление Федеральной миграционной службы по Новосибирской области

Адрес: 630015, г. Новосибирск, пр. Дзержинского, д.12/2

Телефон: (383) 232-60-09, 232-60-11, 232-60-12

Телефон горячей линии: (383) 279-20-89

Официальный Интернет-сайт: <http://www.fms-nso.ru>

Адрес электронной почты: mail@fms-nso.ru

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: www.omskportal.ru

Территорией вселения является вся территория Омской области.

Омская область расположена в междуречье Оби и Иртыша. На западе и севере она граничит с Тюменской областью, на востоке – с Томской и Новосибирской областями, на юге и юго-западе – с Казахстаном.

Административным центром Омской области является город Омск.

Омская область – один из крупнейших промышленно-аграрных регионов Сибирского федерального округа. Ведущие позиции в структуре экономики Омской области занимает промышленность. В обрабатывающем секторе промышленного производства постоянно осуществляется ввод новых производств, модернизация и реконструкция производственных мощностей предприятий, внедрение новых технологий, что обеспечивает не только увеличение объемов выпуска продукции, но и повышение ее конкурентоспособности.

Омская область входит в число развитых аграрных районов Российской Федерации и наиболее развитых сельскохозяйственных регионов Сибирского федерального округа.

В среднесрочной перспективе развитие экономики Омской области предполагается в условиях активной реализации государственной политики, направленной на повышение инвестиционной привлекательности региона, широкого внедрения наукоемких технологий в производство, развития предпринимательской инициативы, качественного совершенствования факторов производства и их использования, увеличения уровня доходов населения.

На территории Омской области в соответствии с законодательством осуществляется назначение порядка 60 видов социальных выплат, из них 30 видов – выплаты, финансирование которых производится из бюджета Омской области.

На территории области сформирована и стабильно функционирует сеть государственных стационарных учреждений социального обслуживания.

Приоритетным направлением семейно-демографической политики в Омской области является поддержка многодетных семей. В качестве дополнительной меры поддержки указанных семей в Омской области предусмотрен областной материнский (семейный) капитал.

Возможности трудоустройства соотечественников, прибывших в Омскую область на постоянное место жительства, распределяются по следующим направлениям трудоустройства: 1) на ранее забронированные вакансии; 2) на имеющиеся вакансии при условии обращения соотечественников в центры занятости населения.

В случае наличия у соотечественников недостаточного уровня квалификации или невозможности их трудоустройства по специальности планируется проведение мероприятий по профессиональному обучению участников Программы и членов их семей в целях повышения их конкурентоспособности на рынке труда.

Кроме того, участники Программы и члены их семей могут самостоятельно трудоустроиться посредством прямого обращения к работодателям.

Участники Программы могут также выступать в качестве индивидуальных предпринимателей, членов кооперативных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств.

Министерство труда и социального развития Омской области

Адрес: 644007, г. Омск, ул. Яковлева, д. 6

Телефон: (3812) 24-51-65

Телефон горячей линии: (3812) 25-53-82

Официальный Интернет-сайт: <http://www.omskmintrud.ru>

Адрес электронной почты: post@mintrud.omskportal.ru

Управление Федеральной миграционной службы по Омской области

Адрес: 644009, г. Омск, ул. Лермонтова, д. 179а

Телефон: (3812) 32-79-80

Телефон горячей линии: (3812) 36-73-07

Официальный Интернет-сайт: <http://www.ufms.omsk.ru>

Адрес электронной почты: udm_omsk@mail.ru

РУССКОЕ СЛОВО

Подписной индекс газеты - 21555

Индекс льготной подписки - 23555

Член поискового
отряда "Август"
Егор Симонян:

"Для памяти

срока
давности
нет"

